ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3

МАРТ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1931

Цена отдельного (двойного) номера — 3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

10-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес.—1 р. 25 к., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 6 м.—7 р. 50 к., на 12 м.—15 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при ячейках ВКП(б).

СОДЕРЖАНИЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

МАРТ № 3 1931

СОДЕРЖАНИЕ.

К итогам всесоюзного совещания ОВМД.

> «Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы» (Ленин, «Шаг вперед, два назад»).

В настоящее время мы безусловно имеем такое положение, когда со всей ясностью и во весь рост выявились на философском фронте те большие вопросы, от решения которых зависит наше дальнейшее движение вперед.

Всесоюзное совещание Общества воинствующих материалистов-диалектиков, работавшее в середине апреля этого года, является важным этапом во всей нашей работе.

Значение этого совещания прежде всего состоит в том, что на нем впервые после дискуссии подведены итоги нашей борьбы на философском фронте п о в с е м у СССР. Совещанию предшествовала большая работа со стороны центрального правления ОВМД по выяснению положения на местах и по обслуживанию местных организаций.

Прежде всего необходимо отметить, что как в Москве, так и в местных организациях деборинщина за годы своего руководства прививала схоластические антимарксистские установки и в работе ОВМД. С особой ясностью можно проследить это на наиболее крупных организациях ОВМД, как, напр., Ленинград и Украина.

Деборинская группа в Ленинграде была представлена рядом весьма маститых «ученых»: Тымянский, Гоникман, Ширвиндт, Спокойный, Шей и др. Литературная продукция их довольно значительна. В какой мере меньшевиствующий идеализм находил отражение в их работах, могут свидетельствовать:

«Введение в философию» Тымянского, работы Гоникмана, учебник по историческому материализму Фингерта и Ширвиндта и т. д.

На Украине положение было несколько сложнее. Деборинская группа там была представлена Юринцом, Демчуком и др. В работах Юринца деборинские методологические установки были доведены до своего логического конца, а в ряде существенных вопросов Юринец скатывается даже на позиции явно буржуазной идеологии (защита яворщины).

Но наряду с меньшевиствующим идеализмом на Украине была сильно представлена и механистическая ревизия марксизма. Представителем этого фронта являлся, главным образом, Ю. Семковский, литературное творчество которого носит чрезвычайно многосторонний и обильный характер. И надо сказать, что философское движение на Украине не осталось вне влияния Семковского.

Что касается других организаций ОВМД, то они, в большинстве случаев, так или иначе отражали влияние деборинщины.

Наиболее общим и характерным в работе большинства организаций ОВМД является отрыв теоретической работы от задач практики, неумение поставить теорию на обслуживание практики социалистического строительства.

Борьба с группой Деборина в Москве по мере своего развертывания, с известным запозданием и неравномерностью захватила подавляющее большинство организаций Общества. Совещание следующим образом оценило участие местных организаций в этом движении: «Отмечая огромный интерес к теоретической борьбе на философском фронте со стороны широчайших масс партийного, рабочего актива, со стороны научных работников теоретических кадров, студенчества и т. д., всесоюзное совещание ОВМД вместе с тем констатирует крайне неравномерный ход дискуссии и развертывание борьбы на два фронта на местах, значительное отставание ряда местных организаций ОВМД (Ленинград, Украина, Саратов), недостаточно боевой характер дискуссии в отдельных местах, неумение смело и по-большевистски развернуть самокритику, а особенно критику местных представителей ревизии марксистско-ленинской теории».

В результате борьбы за марксистско-ленинскую линию в философии, за большевистскую партийность в теории философское движение в стране значительно выросло, выросло как теоретически, так и по охвату широких партийных масс.

Одно то, что по всем организациям ОВМД прошло развернутое обсуждение понимания ленинского этапа в философии и ленинского учения о партийности теории, одно это, в смысле осознания ленинского теоретического наследства, дало неизмеримо больше, чем все деборинско-каревские рассуждения по философии за ряд лет.

Ленин и его теоретическое наследство,— это теперь можно смело утверждать,— становятся центром всей теоретической и учебной работы. Если партия в ряде других участков достигла этого сравнительно давно, то в философии, благодаря троцкистско-меньшевистскому отношению деборинской группы к Ленину, это в значительной мере затруднялось.

Но совещание занималось не только подведением итогов борьбы с механистами и меньшевиствующим идеализмом. Гораздо большее, если не центральное, внимание было уделено и задачам дальнейшей работы на новом этапе нашего движения.

Основоположники марксизма-ленинизма всю силу своей теории видели в том, что она является руководством к действию, что она вооружает миллионные массы на борьбу с капиталистическим рабством. Теория становится материальной силой, когда она овладевает массами,— говорил Маркс.

Теоретическая работа Маркса, Энгельса, Ленина столь тесно переплеталась с революционной практической работой, что не было ни одного сколько-нибудь значительного события в жизни народов, в жизни рабочего класса,— в особенности, на которое бы они не реагировали соответственным образом, к которым бы они не подходили с точки зрения своего метода и которые, в свою очередь, не обогащали бы революционную теорию. Стоит только взять классические работы Ленина в области теории, как, напр., «Что такое друзья народа», работы по аграрному вопросу, «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция», «Детскую болезнь» и т. д., чтобы понять, что эти классические работы в области теории вместе с тем теснейшим и непосредственным образом связаны с задачами революционного движения пролетариата. Лучшие традиции марксизма-ленинизма в теоретической работе в наше время выражены в работах т. Сталина.

Деборин и его оруженосцы, так же как и механисты, ревизуют существо революционной теории. Если деборинцы выхолащивают практически-действенную сторону марксизма, то механисты совершенно игнорируют теорию, ликвидируют ее и становятся на путь вульгарного эмпиризма, скатываясь в болото буржуазного позитивизма.

Перед философским фронтом со всей остротой стоит задача увязки теоретической работы с практикой революционной борьбы международного пролетариата и задачами строительства социализма в СССР.

Мировой кризис капитализма с огромной силой выявил противоречия как внутри капиталистических стран, так и между отдельными капиталистическими странами. Кризис капитализма заставляет буржуазию переходить от обычных методов буржуазной демократии к фашизму.

Социал-демократы, верные до гроба капитализму, под видом борьбы с фашизмом, защищают капиталистический строй. Этот «маневр» с.-д. проделывают путем абсолютного противопоставления фашизма буржуазной демократии. На самом же деле фашизм есть не что иное, как одна из форм диктатуры буржуазии, и принципиально, в социальном смысле, не отличается от буржуазной демократии.

С.-д., делая вид, что борется с фашизмом, на самом деле поддерживает его. Тов. Сталин говорил, что фашизм — это боевая организация буржуазии, опирающаяся на социал-демократию, сама же социал-демократия об'ективно есть не что иное, как умеренное крыло фашизма.

Фашизм бесспорно есть одна из форм наступления буржуазии на рабочий класс в обстановке жесточайшего кризиса капитализма, в условиях,

когда методы демократии становятся недостаточными и буржуазия переходит к открытому разгрому организаций рабочего класса.

Правые и «левые» оппортунисты не в состоянии понять существа международной обстановки. Только Коминтерн, верный последователь учения Ленина, пользуясь методом марксизма-ленинизма, в состоянии правильно ориентировать международный пролетариат в борьбе с наступлением капитала.

Правые оппортунисты не в состоянии подойти диалектически к новым явлениям в области классовой борьбы пролетариата. Из того факта, что фашизм есть наступление капитализма, они, по законам формальной логики, делают прямой вывод об укреплении капитализма,— отсюда и вся их оппортунистическая линия.

И «левые» оппортунисты, исходя из голых абстракций, превращая марксизм-ленинизм в мертвую догму, понимая его, как готовую, абсолютно законченную схему и, подгоняя под эту схему факты, также не в состоянии понять противоречий классовой борьбы.

Если правые видят только одну сторону процесса, т.-е. что фашизм есть только факт наступления капитала, и не видят другой стороны его, что фашизм — это форма буржуазной диктатуры в эпоху всеобщего кризиса капитализма, в эпоху, когда правящие классы теряют возможность управлять по-старому, то оппортунисты «слева» видят только вторую сторону этого процесса,—что фашизм есть выражение кризиса капитализма. Раз дело обстоит так, то «левые» готовы договориться до того, что пролетариат должен чуть ли не содействовать фашизму. Вместе с тем совершенно не случайно, что Троцкий никак не хочет признать, что социал-демократия об'ективно есть умерённое крыло фашизма.

Ошибки отдельных представителей братских компартий, связанные с оценкой фашизма, с оценкой и тактикой по отношению к социал-фашизму и нашедшие соответствующую критику на последнем пленуме Коминтерна, в известной степени, об'ясняются неумением последовательно пользоваться марксистско-ленинской диалектикой.

Во всей нашей дальнейшей теоретической работе значительное место должно быть уделено изучению международного революционного движения, теоретического обобщения этого опыта и конкретной помощи братским партиям в разработке теоретических вопросов, связанных с их практической революционной борьбой.

На совещании этот вопрос был поставлен и наиболее яркое выражение нашел в выступлении т. Зауэрланда, осветившего положение с теоретической работой в германской компартии.

Коренное изменение в соотношении классов СССР, связанное с нашим вступлением в период социализма, по-новому ставит ряд важнейших проблем марксизма-ленинизма.

Сейчас уже нельзя ограничиваться общими положениями о классовой борьбе. Проводимая партией сплошная коллективизация и на ее основе ликвидация кулачества как класса породили новые формы взаимоотношений основных классов нашей страны: пролетариата и трудящегося крестьянства

Середняк, вступивший в колхоз из союзника пролетариата стал прочной опорой советской власти.

Изменились отношения и внутри самого крестьянства. Между середняком и беднотой возникли иные взаимоотношения. Одно дело—середняк и бедняк в колхозе, другое — середняк и бедняк вне колхоза. Изменились и формы классовой борьбы в деревне. Ликвидация кулачества как класса означает полное выкорчевывание возможности в дальнейшем появления классов. Ни один класс не сходит добровольно с исторической арены. Тем более не сходят и не сойдут с исторической сцены добровольно эксплоататорские классы, из-под ног которых выкорчевывается всякая возможность появления какой бы то ни было формы эксплоатации.

Кулачество изощряется в борьбе с политикой партии, отчаянно ей сопротивляется. Одной из основных форм этого сопротивления является борьба против колхозов. Центр классовой борьбы в деревне, это — борьба вокруг колхоза.

Элементы классовой борьбы имеются и внутри колхозов. Формы ее своеобразны: тут и кулацкое влияние на различные слои колхозников, середняк в колхоз пришел со своей собственнической психологией, часть средств производства, оставшаяся вне колхоза, еще притягивает к себе известным образом внимание колхозника и т. д., и т. д.

В области промышленности мы имеем значительные успехи. В этом году вступают в действие 518 новых предприятий, вооруженных передовой современной техникой. О размахе нашего строительства говорит тот факт, что в промышленность вливаются два миллиона новых рабочих.

Нарождаются новые, социалистические формы труда.

Обострение классовой борьбы в стране нашло наиболее яркое выражение во вредительской контрреволюционной деятельности «Промпартии» и ЦК меньшевиков.

Вредительство проводилось не только непосредственно в области народного хозяйства, но и в области науки.

Вредители пытались «научно» обосновать свои контрреволюционные мероприятия. Известна теория Базарова—Громана о гегемонии стихии над планом. Свои «теории» они облекли в ужасно заумную терминологию вроде «примата генетики над телеологией». Эта гелертерская тарабарщина означала лишь предпочтение рыночных регуляторов хозяйства плановым началам.

Правильность решений партии, квалифицирующих позиции правых и «левых» оппортунистов, как агентуру враждебных сил в рядах партии, еще раз подтвердилась с неоспоримой ясностью.

«Промпартия» и меньшевики поочередно делали ставку то на троцкистов, то на правых, в зависимости от того, кто в тот или иной момент мог нанести больший вред партии.

Суханов и Громан прямо заявляли, что их вполне удовлетворяла теория равновесия, так как при помощи ее они обосновывали свои вредительские плановые мероприятия.

Меньшевик-вредитель Рубин открыто говорил, что он сознательно выхолащивал из политической экономии все живое, конкретное, революционное, сознательно строил свою научную и педагогическую работу так, чтобы вопросы советского хозяйства были вне поля зрения экономической теории.

Весь этот огромный комплекс вопросов нашего строительства, взаимоотношения классов и форм классовой борьбы, оставался совершенно вне поля зрения философов деборинской группы. Свою теоретическую работу они отрывали от жгучих вопросов политики, а если и касались ее, то шли в сторону от партийной линии.

Надо со всей ответственностью заявить, что мы до сих пор в достаточной мере в этом направлении свой работы еще не перестроили. Общее направление в работе наших организаций взято правильно. Оно определено решением ЦК ВКП(б) от 25 января этого года, однако, в практической реализации его надо еще сделать очень много.

Совещание крайне серьезно, с сознанием всей ответственности, которая ложится на философский фронт вообще, на правление ОВМД и другие научные организации в частности, подошло к этой стороне работы на философском фронте. Необходимо работать так, чтобы вместо серьезного изучения не получалось наездничества, диллетантства. Развернуть это дело до сих пор в известной степени мешает прежний характер подготовки кадров под руководством Деборина, Карева, Стэна, основной чертой которого была подготовка философа вообще. Если слушатель Института красной профессуры за год учебы прочитывал половину «Науки логики» Гегеля, то это был уже образованный философ.

Теперь работа радикальным образом перестраивается. Совещание отметило в своем решении, что «не может и не должно быть теоретической работы в области философии марксизма-ленинизма без одновременной теоретической работы в области конкретных дисциплин. Для выполнения этого решения требуется значительный пересмотр программ по подготовке квалифицированных кадров, проведение строгой специализации нашей работы».

Важнейшее место во всей нашей работе должен занимать поворот к конкретному знанию на философском теоретическом участке, который заострен в решениях всесоюзного совещания ОВМД. Отрыв теоретической работы от практики, характерный для деборинщины и воскрешающий худшие традиции II интернационала, дополнялся неизбежно и отрывом философской и теоретической работы от конкретного знания, от изучения конкретных наук, от действительного научного знания. Благодаря этому воскрешались и распространялись прямо схоластические установки и совершенно беспредметное теоретизирование. Не может и не должно быть ныне теоретической работы в области философии марксизма-ленинизма без одновременной теоретической работы и в конкретных дисциплинах. Не может быть ныне теоретической работы в области философии, оторванной от теоретического изучения конкретных вопросов естествознания, экономики, истории, стратегии и тактики партии, литературного движения и т. д. и т. п.

Качество теоретических работ в области философии будет ныне измеряться также и в соответствии с тем, какова фактическая, конкретная база их, каков материал, привлеченный к данной работе, являющийся основой теоретических выводов и положений, касается ли он истории философии, истории и теории естествознания или же общественных наук. Во время одной из дискуссий с механистами, в ответ на реплики со стороны механистов о роли и значении фактов в теоретической работе, в которых несомненно сказался их позитивизм, сказалось, по существу, их отрицание теоретической работы, т. Деборин не нашел ничего более, как возразить, что они всюду суют только факты, факты, гнусные факты. В этом ответе Деборин великолепно выразил всю суть деборинщины, ее отношение к конкретному знанию, ее совершенно олимпийское, с «теоретических высот», наплевательское отношение к конкретной действительности. Деборин совершенно забыл, что конкретная действительность дает нам «факты» и «факты», что наряду с гнусными фактами капиталистической эксплоатации, буржуазного террора и наступления на рабочий класс мы имеем факты героической борьбы пролетариата, гигантских успехов социализма в СССР — «ударной бригаде мирового пролетариата» и т. д. Деборин забыл, что для того, чтобы обеспечить победу мировой пролетарской революции, необходимо знание, изучение как симфонии фактов социалистической стройки, так и гнусных и гнуснейших фактов капиталистического рабства.

Однако решительный поворот к конкретному знанию на философском участке теоретической работы никоим образом не должен быть понят в смысле отказа от разработки собственно-теоретических проблем марксистской философии. Надо во всей нашей работе вести неуклонно борьбу на два фронта: как против узколобого делячества, ползучего эмпиризма, против позитивистических установок, против механистов, которые видят только отдельные, разрозненные факты и отказываются от теоретической деятельности, так и против беспредметного теоретизирования, наплевательского отношения к фактам, к конкретному знанию, против отрыва философской работы от конкретных наук и т. д. Поворот к конкретному знанию должен означать под'ем всей нашей теоретической работы на новую высоту.

Совещание вынесло конкретные решения о содержании дальнейшей теоретической работы. В первую очередь необходима работа над теорией материалистической диалектики. Она должна вестись в строгом соответствии с указаниями Ленина: изучение диалектики, логики и теории познания «Капитала» Маркса, изучение диалектики империализма, пролетарской революции и переходного периода, изучение опыта социалистического строительства, «диалектическая обработка» истории естествознания, науки и техники и подлинно марксистское, ленинское изучение истории философии, в особенности материалистическая переработка Гегеля.

Совещание специально обсудило вопрос о задачах в области естествознания и техники.

Современное положение в области естествознания в буржуазном мире отражает на себе мировой экономический кризис. Ленинский анализ мето-

дологического кризиса естествознания со всей силой подтверждается в настоящее время.

Наиболее видные представители буржуазной науки (Планк, Эйнштейн и др.) теперь открыто проповедуют идеализм, а некоторые из них (Эддингтон)—и фидеизм.

Старое естественно-научное руководство в той или иной степени просмотрело проблему кризиса буржуазной науки. На практике это приводило к некритическому отношению, а подчас к прямому перепеву идеалистических теорий.

Совещание отметило, что «овладение наукой и техникой не может быть сведено к простому усвоению культурного наследства буржуазии. Оно включает в себя, как главный момент, неизбежную реконструкцию самой науки и техники на основе диалектического материализма». Эта задача перестройки науки и техники может быть осуществлена лишь путем внутренней переработки самой науки, ее методов исследования и экспериментирования, путем создания новой тематики. Необходимым условием этого является конкретная работа в лабораториях, непосредственная связь с промышленностью, сельским хозяйством и т. д.

Когда в 1922 г. В. И. Ленин определял задачи журнала «Под знаменем марксизма», то одной из важнейших задач была им поставлена разработка и пропаганда воинствующего атеизма.

Ни журнал «Под знаменем марксизма» ни, тем более, деборинская группа философов этой задаче не уделяла того внимания, которого требовал Ленин.

Завещание Ленина в этой области осталось невыполненным.

Ни механисты, ни меньшевиствующие идеалисты не могут со своих позиций до конца разоблачить религиозное мировоззрение. Только с позиций последовательного диалектического материализма Маркса-Ленина возможно выбить религию из всех областей мировоззрения.

Примером того, что ни механисты, ни меньшевиствующие идеалисты не в состоянии д о к о н ц а выбить поповщину, может служить решение коренных вопросов мировоззрения механистами и деборинцами.

Так, напр., между деоборинцами и механистами шел большой спор по поводу известного высказывания Энгельса в «Диалектике природы» о возможности сведения мышления к молекулярным и химическим процессам.

Энгельс писал: «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но исчерпывает ли это сущность мышления?».

Механисты стали доказывать, что мышление может быть разложено на молекулярные и химические процессы и считали возможным об'яснить его (мышление) простыми законами механики, законами простого механического движения.

Деоборинцы, возражая механистам, заявляли категорически: нет, никогда наука не в состоянии будет процесс мышления свести к молекулярным и химическим явлениям.

Ни те, ни другие не решали этого вопроса диалектически, ибо ни механисты, ни меньшевиствующие идеалисты не понимают мышления как способности отражения.

Механисты, разлагая мышление на механические процессы, тем самым уничтожают мышление как специфическую, высшую форму движения материи, как способность отражения.

Им ничего не остается, как стать на точку зрения всеобщей одушевленности материи, признавая ощущения, сознания, извечным свойством и тем самым помогать укрепиться поповщине, также доказывающей вечное существование сознания, духа и т. п.

Деборинцы же, абсолютизируя специфичность форм движения материи, по существу приходят к агностицизму, к отрицанию возможности познания мышления. Опять осталась открытой дверь поповщине.

В самом деле, откуда у деборинцев взялась «храбрость» отрицать возможность безграничного изучения и познания молекулярных и химических процессов, происходящих в мозгу?

Энгельс вполне диалектически поступает (и нечего тут выкручиваться за Энгельса, как это делали деборинцы), когда заявляет, что мышление как физиологический процесс мы современем «сведем» к молекулярным и химическим процессам. И в самом деле, Энгельс—диалектик не мог стать на точку зрения агностика, отрицающего возможность дальнейшего углубления познания процессов, происходящих в нашем мыслительном аппарате — в мозгу. Но Энгельс тут же спрашивает: исчерпывается ли этим существо мышления, как способности отражения? И, конечно, по прямому смыслу высказывания Энгельса следует, что существо мышления этим не исчерпывается.

Энгельс не останавливается только на специфичности мышления. Он изучает, как эта специфическая форма движения материи с внутренней необходимостью, при соответствующих условиях, неизбежно появляется и уничтожается, когда исчезают соответствующие условия.

Здесь и тени нет того агностицизма в решении этого вопроса, который присущ деборинской школе.

Особо следует отметить внимание, которое всесоюзное совещание уделило вопросам антирелигиозной работы ОВМД. Старое правление ОВМД, деборинская группа, не уделяло почти никакого внимания антирелигиозной работе. Идеалистический характер ревизии марксизма со стороны деборинцев особенно ярко выразился в их отношении к вопросам антирелигиозной пропаганды, к вопросам пропаганды воинствующего атеизма. Можно сказать, что вопрос об отношении к воинствующему атеизму является зеркалом, в котором отражается вопрос об отношении к материализму. История философии и история науки показывают нам, что представители «materialismus militans», воинствующего материализма, выступали всегда также и в качестве воинствующих атеистов. Таковы французские материалисты, Фейербах, Маркс, Энгельс. Ленин, величаший представитель воинствующего материализма нашей эпохи, представляет собой одновременно и величайшего воинствующего атеиста. В своих работах он всегда тесно связывал эти вопросы. Совершенно

не случайно то обстоятельство, что деборинская группа не вела борьбы за воинствующий атеизм в духе ленинских указаний. Она не могла ее вести. Смешно требовать от представителей идеалистической ревизии марксизма, от меньшевиствующего идеализма, развернутой и последовательной борьбы за атеизм.

Всесоюзное совещание ОВМД несомненно является в этом отношении поворотным моментом в работе ОВМД.

Антирелигиозная пропаганда должна занимать видное место во всей дальнейшей работе. Необходимо практически приступить к теоретической разработке ряда вопросов, связанных с атеизмом, при чем здесь должны быть установлена полная согласованность и взаимная помощь в работе ОВМД и СВБ.

Диалектический материализм по своему существу атеистичен, как и атеизм может быть последовательным и воинствующим только будучи основан на диалектическом материализме.

Поэтому перед широкими массами безбожников стоит чрезвычайно важная задача—овладение методом диалектического материализма, глубокое и систематическое изучение основ марксизма-ленинизма.

Как на всем теоретическом фронте, так и на фронте воинствующего атеизма, очередной задачей является изучение ленинского этапа в развитии атеизма, борьба за ленинизм на антирелигиозном фронте.

Наше общество до сих пор не стало еще массовой организацией в буквальном смысле этого слова. Местные организации по преимуществу охватывают верхушку партийного актива.

Между тем запросы к теоретической работе со стороны широких масс партийного, рабочего и научного актива столь значительны, желание учиться методу Маркса—Ленина столь велико, что все усилия превращения ОВМД в массовую организацию налицо. Партия поставила перед нами эту задачу, и мы должны ее выполнить.

На всесоюзном совещании ОВМД произведен генеральный пересмотр всей прежней линии работы ОВМД, начиная с теоретических вопросов и кончая организационными вопросами структуры ОВМД. Общий характер теоретической «деятельности» деборинской группы не мог не сказаться соответствующим образом на всей работе ОВМД.

Прошедшая философская дискуссия, разоблачившая меньшевистскую сущность идеалистической ревизии марксизма-ленинизма со стороны деборинской группы, показала полный отрыв старого философского руководства от масс, от работы местных организаций и вскрыла оппортунистическую недооценку им массовой работы ОВМД. Старые организационные формы Общества превращали ОВМД в узко-замкнутую философскую групповую организацию, не связанную с широкими массами трудящихся и слабо связанную с партией. Это наложило отпечаток и на работу местных ОВМД, массовая работа которых должна быть признана слабой. Поворот философской теории к практике социалистического строительства, ленинское понимание партийности философии, огромная тяга широких масс трудящихся к изучению

марксистско-ленинской теории и применение метода диалектического материализма в конкретных областях практической деятельности требуют решительного перелома в развертывании массовой работы ОВМД. Общество воинствующих материалистов-диалектиков должно быть массовой философской организацией, об'единяющей широкие круги партийного, комсомольского, рабочего и колхозного актива, а также научных и технических работников, стоящих на позициях диалектического материализма, в борьбе за генеральную линию партии.

Философский участок теоретического фронта должен конкретно включаться в теоретическую работу других областей и оказать им методологическую помощь.

Разрыв, который существовал при деборинском руководстве между философской работой и конкретными областями знания, должен быть устранен.

Методологическое влияние меньшевиствующего идеализма и механицизма может быть изжито только совместными усилиями всех теоретических работников.

Борьба на два фронта: против механистов, как главной опасности в настоящее время, и против меньшевиствующего идеализма — такова партийная линия в области философии.

Несмотря на то, что после решения ЦК ВКП(б), осудившего механистов и меньшевиствующих идеалистов, прошло почти полгода, мы не имеем выступлений со стороны тех, кого это решение непосредственно касается. Мы спрашиваем механистов Сарабьянова, Варьяша, Тимирязева и др.,— согласны они с решением ЦК или нет, согласны ли они, что механицизм—главная опасность, или нет? Ведь эти товарищи возглавляли и возглавляют механистическую ревизию марксизма.

Мы спрашиваем меньшевиствующих идеалистов Деборина, Карева, Стэна и др.,—согласны они с решением ЦК или нет, стоят ли они на своих старых позициях или их осуждают?

Всесоюзное совещание по этому вопросу высказалось определенно: только тот может быть членом ОВМД, кто ведет борьбу за ленинизм в философии, кто борется за большевистскую партийность в теории, кто борется на два фронта: против механицизма, как главной опасности на данном этапе, и против меньшевиствующего идеализма.

Мы вступили в новый этап нашей работы. Перед нами стоят чрезвычайно ответственные задачи. Требуется исключительная четкость и принципиальная ясность наших позиций. Только при условии проведения развернутой самокритики, коллективных методов работы, строгой плановой организации ее и ударных темпов, мы будем выполнять и разрешать задачи, которые ставит партия перед философским участком теоретического фронта.

Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии[1].

М. Митин.

I.

К настоящему времени уже подведены в основном итоги философской дискуссии. В настоящее время отпечатано уже известное количество материалов и литературы по вопросам философской дискуссии, выявивших (это стало уже для всех ясным) исключительную глубину поворота, который мы имеем на философском фронте.

Поэтому надо очень сжато характеризовать итоги дискуссии для того, чтобы сосредоточить центр внимания на тех очередных задачах, которые стоят перед нами в связи с итогами проведенной борьбы. Мы бы ничего не поняли в современной философской дискуссии, ничего не поняли бы и в ее итогах, если бы попытались посмотреть на нее, как на факт совершенно изолированный. Мы бы ничего не поняли в этой дискусси, если бы рассматривали ее в порядке, так сказать, саморазвития самой философии. Философский участок теоретического фронта — это один из участков великой классовой борьбы пролетариата. Дискуссия же, которая происходила.— это одно из звеньев этой борьбы, и поэтому, чтобы понять итоги этой дискуссии, чтобы понять ее смысл и значение, для того, чтобы правильно поставить очередные теоретические задачи, для этого надо проанализировать общую обстановку классовой борьбы, проанализировать общее положение дел на теоретическом фронте.

На XVI с'езде партии т. Сталин дал анализ мирового кризиса капитализма и классовой борьбы, который мы имеем у н и х, у капиталистов, на Западе, а также тех гигантских успехов социализма и классовых сдвигов в пользу социализма, которые мы имеем в нашей стране. Тов. Сталин показал то обострение классовой борьбы в международном масштабе, обострение борьбы двух систем—социализма и капитализма, которое мы имеем в настоящее время. Дальнейшие события, прошедшие после XVI партс'езда, обостряющийся кризис мирового капитализма, увеличивающееся революционное движение во всем мире, успехи социализма у нас,— все это подтверждает исключительную правильность того анализа, который был дан на XVI с'езде партии.

Действительно, мы имеем в нашем Союзе развернутое наступление социализма по всему фронту. Победа социализма в нашем Союзе обеспечена полностью с точки зрения внутренних сил. Это развернутое наступление социализма по всему фронту связано у нас с обострением классовой борьбы. Обострение классовой борьбы у нас—это есть одно из звеньев общего обострения классовой борьбы в мировом масштабе. В свете этой гигантской

---

1) Обработанная стенограмма доклада на Всесоюзном Совещании ОВМД (апрель 1931 г.).

борьбы между капитализмом и социализмом надо посмотреть, что ныне представляет собою II интернационал. Самой важной опорой империализма, величайшим оплотом капитализма в настоящее время является II интернационал, интернационал социал-фашистов. Обострение классовой борьбы на международной арене двух систем, обострение классовой борьбы в связи с успехами социалистического строительства у нас не может не означать обострения борьбы между большевизмом и меньшевизмом и не может не означать обострения между Коминтерном и II интернационалом. Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне во Франции» писал следующее: «Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех направлениях, согласованных и связанных между собою,— теоретическом, политическом и практическо-экономическом». Ленин в своих произведениях неоднократно подчеркивал эту постановку вопроса о трех формах классовой борьбы пролетариата. Обострение классовой борьбы, о котором я говорил, и наступление социализма связаны также с обострением классовой борьбы и в области теоретической, связаны с обострением классовой борьбы в науке, связаны с обострением классовой борьбы во всех трех формах.

В настоящее время, в соответствии с развернутым наступлением социализма по всему фронту, мы имеем развернутое наступление марксистско-ленинской теории на всех участках теоретического фронта. Это развернутое наступление марксистско-ленинской теории, обострение классовой борьбы и в теоретической области не может не означать и усиления борьбы с меньшевистской теорией, меньшевистской идеологией, с теориями II интернационала в международном масштабе и в СССР. У нас в частности сейчас стоит серьезнейшая задача выкорчевывания всякого рода меньшевистских, меньшевиствующих и оппортунистических теорий, всякого рода антимарксистских, антиленинских теорий.

Эта задача стоит в связи с тем, что теории II интернационала, которые неизбежно в той или иной степени проникают к нам, имеют и у нас известные социальные корни, поскольку еще не ликвидированы окончательно корни капитализма. Эти теории в той или иной степени возрождались в условиях восстановительного периода и выступали часто под маской ортодоксальности, под марксистским знаменем, с претензией даже на большевистскую ортодоксию.

Нужно отметить, что идет чрезвычайно интересный процесс: чем серьезнее успехи социалистического строительства, чем дальше мы продвигаемся вперед по пути к социализму, чем дальше мы идем по пути ликвидации классовых отношений, чем ближе мы к полному уничтожению классов, тем серьезнее становится и задача очищения марксистско-ленинской теории от всяких элементов ревизионизма, от всяких элементов меньшевизма, в какой бы форме они ни выступали.

Дискуссия на философском фронте—это одно из звеньев этой важнейшей очистительной работы. Дискуссия на философском фронте—одно из важнейших звеньев по линии выкорчевывания остатков меньшевистской идеологии. Дискуссия на философском фронте—это борьба за поворот к изучению, к действительной разработке подлинного Марксова учения, к разработке ленинского этапа в развитии диалектического материализма, к разработке ленинизма в философии, к окончательной ликвидации оторванности теории от практики, которая, как говорил Владимир Ильич, составляет самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Для того, чтобы правильно понять смысл и значение процессов, которые происходят на теоретическом фронте, надо также рассмотреть, в каком положении находится в настоящее время буржуазная наука в свете мирового кризиса капитализма, в свете наших успехов. Как обстоит дело в области

науки и теории у н и х по сравнению с тем развитием теоретической мысли, которое мы имеем у н а с. В тесной связи с общим кризисом всей общественной капиталистической формации находится безусловно и кризис буржуазной науки. Поскольку империализм представляет собою канун социализма и поскольку этот канун социализма означает кризис всей общественной формации, мы имеем, особенно за последние 10—15 лет, также кризис буржуазной науки. И ныне, как раз в соответствии с обострением кризиса капитализма, с обострением кризиса всей системы, мы имеем значительное обострение и кризиса буржуазной науки, обострение кризиса современного естествознания. Обострение кризиса капитализма вызывает новую волну мистицизма, поповщину в науке, вызывает поворот к вере, религии со стороны самых крупных ученых мира. У нас в печати приводилось достаточно материала и фактов, рисующих те внутренние противоречия, которые характерны для современной науки, противоречия между имеющимися фактическими достижениями и той методологией и общими теоретическими рамками, которые эти достижения окружают, освещают и обобщают.

В самое последнее время мы имеем новую волну мистицизма, новый поворот крупных ученых современной Европы к религии, к вере в божественное. Возьмем к примеру Эдингтона—крупного астронома. В своей речи «Конец мира с точки зрения математической физики», произнесенной 5 января 1931 года на заседании математической ассоциации, он ставит следующие вопросы: «Более интересно посмотреть в обратном направлении, в направлении к прошлому. Если проследить ход времени назад, то мы найдем в мире все больше и больше организованности. Если мы раньше не останавливаемся, то мы должны будем пройти ко времени, когда материя и энергия мира имеют максимум возможной организованности. Мы дойдем до окончательного конца времени и пространства, который мы и называем началом». Эти его рассуждения чрезвычайно интересны во многих отношениях. Если подойти к этому месту с точки зрения социологической, то оно характеризует общую направленность современных представителей буржуазной науки, направленность назад, вглубь истории, а не вперед. Будущего у буржуазной науки нет. Единственное, что она может иметь,—это свою прежнюю историю. Поэтому и представители буржуазной науки делают поворот вглубь истории, только там они видят организованность. Это и отмечает Эдингтон. Он говорит о своеобразном движении организованности в мире на основе своей теории. Он видит организованность, которая развертывается в обратном направлении. Эдингтон мобилизует современную науку и знания для об'яснения начала и конца мира. Он мобилизует современные знания и научные достижения для того, чтобы показать создателя и творца мира. Эдингтон приводит в этом отношении «интереснейшие» соображения в своей книге «Природа физического мира» (1929). Он говорит: «Идея о всеобщем Духе и Логосе может быть, я думаю, единственно убедительным и очевидным умозаключением из современного состояния научной теории. Во всяком случае она в полной гармонии с ним». В другом месте: «Путем интроспекции мы извлекаем истину на поверхность, но в мистическом чувстве истина схватывается изнутри и является, как это и должно быть, частью нас самих». Далее, второй закон термодинамики он характеризует как то, что соединяет в себе теологию и статистику. Вот как ставят представители современной науки и собственные вопросы естествознания. Эти примеры — новейшие. Они говорят, в каком направлении работает мысль видных буржуазных ученых.

Эйнштейн, например, выступил в декабре 1930 года в «Берлинер тагеблатт» со статьей: «Во что я верю». Основная мысль статьи этого крупнейшего ученого современности заключается в том, что он пытается об'единить религиозную точку зрения с точкой зрения научной. Он пытается показать,

что наука не противоречит религии, а наоборот, наука предполагает религию и только совместно с религией можно давать ответ на все вопросы миросозерцания, которые встают перед нами.

Можно указать также на другого крупного физика—Макса Планка, который за последнее время совершил основательный поворот к агностической точке зрения. Он высказал ряд соображений в том же духе, что и Эйнштейн. Если посмотреть, над какими вопросами работает известный венский натур-философ Шлик, мы увидим, что он старается изгнать каузальность, причинность, детерминизм из современной физики. То же—Шредингер, Гейзенберг и др.

Разница, например, между крупнейшим физиком Милликеном и Эдингтоном в отношении религиозных выводов из их теорий мала: Эдингтон считает, что мир был создан единым актом, а Милликен считает, что современное учение об атомах, об электричестве и что современные экспериментальные работы говорят, что создатель не единым актом создал мир, а **неустанно** за работой.

Вот примеры, которые можно приводить без конца. Эта волна поповщины захватила и захватывает целый ряд научных областей, не только вопросы физики, не только вопросы химии и т. д., но также вопросы физиологии, биологии и т. д. и т. п. Можно сказать, пожалуй, что нет ни одной научной области, ни одного крупного открытия в современной науке, которых не пытались бы приспособить для оправдания религии. Мы имеем ныне в науке не только физический или физиологический идеализм, о котором писал Владимир Ильич, мы можем говорить сейчас также о биологическом идеализме, о химическом идеализме и т. д. и т. п. Все эти примеры говорят о том, что в настоящее время в свете общего кризиса капиталистической системы, в свете безвыходности этого кризиса, в свете обострения классовой борьбы мы у крупнейших представителей современной науки имеем решительный поворот к мистицизму и поповщине. Основные достижения науки они пытаются подчинить тому, чтобы доказать, что «Создатель неустанно за работой», или что он создал мир единичным актом. Я не буду говорить о том положении, которое мы имеем в области буржуазной философской науки,—давно известно, что тут господствуют самые дикие представления. Для характеристики укажу только, что за последнее время в Германии развиваются представители так называемой «диалектической теологии». Киркегаард, хотя и очень большой противник Гегеля, считает возможным использовать гегелевскую диалектику для того, чтобы обосновать диалектическую теологию. Отрицание причинности, проблема свободы воли, проблема индетерминизма,—все это является важнейшими проблемами, над которыми работают современные буржуазные мужи, пытаясь приспособить современную науку на потребу капиталистов, на потребу религии. Все это характеризует глубину кризиса, который переживает в настоящее время современная буржуазная наука.

Весьма характерным для современного кризисного состояния буржуазной науки является то обстоятельство, что за последний период делаются все более и более учащающиеся попытки непосредственные результаты экспериментальных исследований в области физики, химии, биологии и т. д., вновь открываемые законы прямо и открыто истолковать в теологическом смысле. Мы имеем также прямые попытки ставить перед экспериментальной работой задачи нахождения доказательств «бытия божьего».

В области развития науки у **нас**, в СССР, мы должны констатировать процессы совершенно другого порядка. Дальше специально будет говориться о том, какие проблемы стоят перед нами в связи с практикой социалистического строительства. Сейчас же мы должны только установить, что **единственной страной, где возможен выход из кризиса на-**

уки, где возможно действительно научное развитие, развитие научных знаний на основе материализма, где мы имеем рост научных кадров, кадров пролетариата, трудящихся, подходящих к науке,—является наша страна, страна строящегося и побеждающего социализма. Единственной страной в настоящее время, где мы имеем могучий научный расцвет как непосредственно экспериментальной работы, так и работы в области общетеоретических проблем, является страна диктатуры пролетариата.
Характеризуя современную буржуазную науку, нельзя отказать себе в том, чтобы остановиться хотя бы немного на том положении, в котором находится в современный период социал-демократическая теория, посмотреть, что происходит у них и сравнить с тем развитием марксистской теоретической мысли, которое имеем мы у нас в Союзе. Если рассмотреть положение, в котором находится в настоящее время социал-фашистская теория, то нужно сказать, что мы можем констатировать у современной социал-демократии полнейший теоретический маразм, полное теоретическое разложение как в области философии, так и в области экономической теории. Можно привести мнение одной буржуазной газеты, которое было напечатано в 30-м году и которое привел в своем докладе на пленуме Коминтерна т. Мануильский. В немецкой газете в 1930 году характеризуется состояние современной теории социал-демократии, характеризуется отношение между социал-демократией и марксизмом. Там пишется следующее: «Как это ни странно, но для нынешней германской с.-д. Карл Маркс значит уже немного. Социал-демократические партработники уже почти что сплошь только экс-марксисты. Политическое развитие сделало многие тысячи из них состоятельными бюргерами и они, в первую очередь, выступили против применения марксистской доктрины. Конечно, в профсоюзах и партшколах еще преподается марксистский катехизис, но уроки и упражнения в овладении политической клавиатурой и социал-демократическим аппаратом сейчас для социал-демократии важнее, чем основы марксистской мысли. Маркс является сейчас святым для коммунизма. Последовательный марксизм отстаивается ныне коммунизмом и только им одним смешивать нынешнюю социал-демократию с марксизмом могут только чуждые миру тайные советники, но борьба против коммунизма есть борьба против марксизма».

Вот чрезвычайно интересная оценка буржуазной газеты, оценка со стороны такой газеты, которую в пристрастии мы обвинять не можем. Это место великолепно характеризует отношение между марксизмом и современной социал-демократией.

В современной социал-фашистской теории господствуют самые пошлые, самые вульгарные, самого худшего буржуазного пошиба экономические теории, не дающие возможности ни анализировать закономерности развития, ни предсказывать ход событий. В области экономических теорий, как и в других областях, современная с.-д. занимается окончательной ликвидацией Маркса и Энгельса, занимается окончательным выкорчевыванием всяких остатков марксизма не только по существу, что уже давно было, но и по форме. Если взять философскую область, то в современных с.-д. теориях господствует вульгарный позитивизм, который всегда способствует прямой поповщине, религиозным взглядам. Стоит только посмотреть, какие вопросы как ставятся ныне самыми видными социал-демократическими «теоретиками». Возьмем вопрос, имеющий сейчас большое значение для современной социал-демократии: так сказать, «дискуссию» между Каутским и Даном. Каутский утверждает, что большевизм, это—завершенный бонапартизм. Дан не согласен с этим, он возражает, он считает, что большевизм — это не что иное, как якобинизм. Троцкий же выдвигает новую формулу, по существу совпадающую с позицией Каутского. Троцкий считает, что в настоящее время в Со

ветском Союзе мы имеем не только термидор, но и завершающийся бонапартизм. Дальше исторических аналогий, дальше поверхностной болтовни, уснащенной тем или другим историческим фактом, дальше озверелых нападок на Советский Союз, без всякой попытки проанализировать действительное положение вещей—дальше этого «теоретики» не могут пойти. Полное неумение подойти к анализу конкретной обстановки, полная беспомощность перед ширящейся и развивающейся борьбой классов—вот что характерно для социал-фашистской «теории». То, что мы имеем у вконец осатаневшего Каутского, великолепнейшим образом характеризует, до какого маразма дошла в настоящее время так называемая социал-фашистская «теория». Как он в своей последней книге «Большевизм в тупике» характеризует классы и классовые отношения в Советском Союзе? Он говорит следующее: «Наемный рабочий является в Советской России своего рода дворянством, но мелким дворянством». Затем дальше идет опять «историческая» аналогия: «Как в феодальных странах, так и в Советской России над этим мелким дворянством стоит дворянство крупное и им является в Советской России—партия...». Вот до какой пошлости договаривается Каутский, вот как ставится им проблема классов и классовых взаимоотношений в Советском Союзе.

Действительная разработка и развитие марксистской теории происходит только в Советском Союзе. Подлинная общественная наука возможна только у нас. Наша партия, Коминтерн, являются ныне единственными представителями и носителями марксистской теории. За нашими дискуссиями, за внутренней борьбой мы иногда забываем о громадных успехах нашей теоретической работы, которые мы, несмотря на все недостатки, имеем.

Действительно за последние годы, в связи с успехами социалистического строительства, в связи с борьбой за генеральную линию партии, мы имеем очень большую работу и в области т е о р е т и ч е с к о й. Особенно велико теоретическое развитие, проделанное нашей партией.

Нужно, однако, сказать, что при всем том развитии теоретической мысли, которое происходит у нас, при тех громадных успехах, которые эта теоретическая мысль делает,—при всем этом у нас часто в теоретической работе, на отдельных участках, еще крепко сидят отрыжки меньшевистской теории, отрыжки теории II интернационала. Особенно проявляется это у тех «теоретиков», которые оторваны от жизни партии, оторваны от практики классовой борьбы пролетариата.

Восстановительный период не мог не сопровождаться известным возрождением и выделением меньшевистских и меньшевиствующих теорий. В настоящее время, в связи с ростом теоретической работы, в связи с ростом теоретической мысли в стране, в связи с ростом наступления марксистско-ленинской теории, перед нами остро стоит проблема окончательного выкорчевывания всяких меньшевистских взглядов, всяких меньшевистских теорий, в какой бы форме они ни проявлялись, в какой бы форме они ни выступали, под флагом ли идеализма, или механицизма, под флагом ли одного вида ревизии марксизма или другого.

Только в свете всех этих вопросов и проблем мы можем понять то громадное значение, которое имела последняя философская дискуссия, приведшая к разоблачению идеалистической ревизии марксизма,—меньшевиствующего идеализма деборинской группы.

II.

Когда мы подводим итоги философской дискуссии, нам прежде всего необходимо отметить ее крупное п а р т и й н о-п о л и т и ч е с к о е з н а ч е н и е. Дискуссия уже привела и в дальнейшем еще дальше будет вести к окончательному разоблачению меньшевиствующего идеализма. Эта дискуссия

привела к разоблачению троцкистско-зиновьевской «однокл... Карева, к критике Стэна, к критике рубинщины, и других черт, ... характерны для философского руководства, а также и к критике целого ря... правооппортунистических ошибок.

Эта дискуссия имела очень важное значение в смысле заострения партийности науки, партийности теории. Эта дискуссия имела крупное политическое значение в смысле того, что ею была выпячена проблема ленинского теоретического наследства.

Если перейти к собственно теоретическому значению дискуссии, которая находится в неразрывной связи с политико-партийным значением, если с этой стороны характеризовать значение философской дискуссии, то надо отметить, что она подняла огромной важности теоретические вопросы и проблемы. Она поставила во всю ширь проблему ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Во всей своей совокупности поставленных и подлежащих теоретической разработке вопросов и проблем философская дискуссия оказала, да и не могла не оказать, значительное влияние на другие участки теоретического фронта. Вопросы философской дискуссии настолько актуальны, вопросы, поднятые в ней, настолько ухватывают сущность тех процессов, которые происходят на теоретическом фронте в Советском Союзе, что они не могут не вызвать соответствующего отражения в целом ряде других участков теоретического фронта.

Постановка проблемы ленинизма, разработки ленинского теоретического наследства на всех участках, постановка борьбы на два фронта с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом, это вопросы, которые имеют самое тесное касательство ко всем участкам теоретического фронта, которые играют в настоящее время очень большую роль в тех дискуссиях, в тех вопросах и проблемах, которые стоят вообще на теоретическом фронте.

Для того, чтобы это иллюстрировать, надо хотя бы в самых кратких чертах остановиться на том, что мы имеем на некоторых участках теоретического фронта. Возьмем для примера положение на историческом фронте. На историческом фронте происходила дискуссия в связи с вопросом о повороте западно-исторического фронта к обслуживанию тех задач, которые ставит перед ним партия и Коминтерн. Если рассматривать сущность тех вопросов, которые стоят в этой дискуссии, если проанализировать смысл и значение борьбы, которая происходила, то мы увидим, что по существу и на этом участке фронта стоит задача борьбы за ленинское теоретическое наследство, стоит задача выкорчевывания всякого рода меньшевиствующих идей, всякого рода извращений ленинизма и при оценке империализма и при оценке революции 48 года, и при оценке классовой борьбы накануне империалистической войны и при оценке империалистической войны и т. д. и т. п.

Задача и на этом участке теоретической работы заключается в необходимости развернуть теоретическую самокритику. Задача заключается в том, чтобы не противопоставлять развитие самокритики развитию положительной разработки вопросов. Жизнь не ждет и требует немедленной положительной работы, требует немедленного положительного разрешения крупнейших задач. Разрешение и разработка этих вопросов—вот что должно быть в центре внимания.

Но, однако, противопоставление задач положительной работы задачам критическим совершенно невозможно. Только в процессе критики, ... в процессе разоблачений разного рода ревизионистских теорий, ... ошибок может выкристаллизоваться правильное положительное решение тех проблем, которые стоят перед западно-европейским историческим фронтом.

Если перейти к картине, которую дает положение на литературоведческом фронте, то надо отметить в первую очередь следующее: этот участок теоретического фронта по целому ряду обстоятельств должен быть теснейшим образом связан с философским участком, потому что основные вопросы, которые стоят сейчас перед нашими литературоведами, перед пролетарской литературой, состоят в необходимости решительной борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение, за диалектический метод в литературоведении.

На этом фронте мы имеем следующее положение. Организация пролетарских писателей, РАПП, ведет в основном правильную литературно-политическую линию. Однако вопросы теоретической работы, вопросы теоретической борьбы не подняты здесь до сего времени на достаточно высокий теоретический уровень, который в достаточной степени полностью обеспечивал бы быстрейшее проникновение марксистско-ленинского метода в литературоведение. Надо сказать, что мы имеем среди отдельных представителей РАПП, а также руководящих работников РАПП накопление целого ряда эклектических ошибок, известное позаимствование «зрелых плодов» отовсюду. То, что давала в теоретической области деборинская группа, то, что давало так называемое философское руководство, не могло, несомненно, не оказать своего влияния и на этот участок теоретического фронта. Здесь стоит очень большая задача, задача критики деборинско-плехановского наследства, задача критики его ошибок, а также задача поднятия всей работы на достаточно высокий теоретический уровень. Хуже всего то, что на этом участке теоретического фронта ошибки в области понимания метода литературоведения, ошибки в понимании диалектического материализма, ошибки, которые сочетают в себе и элементы механицизма и вульгарного позитивизма и элементы идеализма, сочетаются иногда и с политическими ошибками, например, ошибками правого порядка. Та декларация, которую мы имеем со стороны руководства РАПП относительно развертывания самокритики, до настоящего времени еще недостаточно проведена в жизнь. Задача развертывания самокритики на этом участке фронта имеет громаднейшее значение. За практическими успехами РАППовского движения далеко не поспевает теоретическая работа РАППовских работников, недостаточная для окончательного разгрома воронщины, переверзевщины и литфронтовщины, для полного овладения литературно-критическим движением в нашей стране и для требуемого нынешними темпами строительства развертывания пролетарско-литературного движения. Основным недостатком РАПП является тот факт, что в его теоретической деятельности не нашло достаточного отражения понимание ленинизма, как новой и высшей ступени в развитии диалектическо-материалистического мировоззрения. Идя в теории фактически, а в последние годы и официально под флагом «За плехановскую ортодоксию», отдельные руководящие работники РАПП недоучитывают того обстоятельства, что вся история нашей партии есть история борьбы за гегемонию в рабочем движении ленинизма не только против всех и всяческих откровенно-меньшевистских теорий, но и против плехановских теорий, в значительной мере используемых меньшевизмом. РАППовское руководство отнеслось некритически к лозунгу «За плехановскую ортодоксию», особенно реакционному в условиях диктатуры пролетариата, когда ряд оппортунистических течений всячески игнорировал всемирно-историческую роль ленинизма. В борьбе с переверзевщиной, представляющей собой в основном утрированное выражение худших теоретических сторон плехановского мировоззрения (механицизм и эклектизм в вопросах истмата, непонимание теории отражения, фейербахианские и кантианские ошибки гносеологии), отдельные руководители РАПП допускали грубые ошибки, «провозглашая» не

только «основоположническую», но действительную, последовательную ... «теоретических установок Плеханова в литературе и искусстве...» («За что и почему мы боремся». 1930, стр. 248).

Именно из нечеткости некоторых теоретических позиций РАППа вытекают такие абстрактные, растяжимые, легко извращаемые, нечеткие лозунги, как лозунг «за живого человека», лозунг «психологизм» и «срывания всех и всяческих масок». Теоретические ошибки РАППа нашли особенно яркое выражение в писаниях т. Ермилова. Несомненно, что плехановские работы в области литературоведения, в области эстетики, марксистской критики представляют собой теоретическое богатство, на котором должно учиться наше литературоведение. Несомненно, однако, и другое. Эстетические взгляды Плеханова не стоят изолированно от его общих философских взглядов, тем более от его политических взглядов. Политический оппортунизм Плеханова, крупные недостатки в его философской работе, по сравнению с той ступенью, на которую поднимает Ленин марксистскую философию, оказали сильное влияние и на его эстетические взгляды. Созерцательность, об'ективизм, непонимание партийности науки, философии, литературы, свойственное всему миросозерцанию меньшевизма, сказалось на всех вопросах, решаемых Плехановым, в том числе и на его эстетических взглядах.

Недостаточно последовательно проведенная классовая точка зрения, об'ективистские ошибки, ведущие, в последнем счете, к внеклассовому критерию красоты, ошибки в решении вопросов соотношения биологического и общественного в искусстве, значительные элементы биологизации эстетических взглядов, неумение решить проблему исторического и логического в применении к искусству, элементы разрыва формы и содержания, социологического и художественного анализа, налеты кантианства, гегельянства, с одной стороны, элементы позитивистского утилитаризма,— с другой, недостаточное применение диалектики к области искусства — вот что в той или иной степени наложило отпечаток на эстетические, литературно-критические взгляды Плеханова.

Решающим условием для правильного развития нашего литературоведения является задача усвоения и разработки ленинского теоретического наследства в этой области. Мы имеем у Ленина колоссальное теоретическое богатство, которое должно быть ныне усвоено и разработано в применении к литературной науке. Ленинские работы по философии, его учение о партийности науки, его работы по вопросам исторического материализма, его работы по вопросам культуры и культурной революции и т. д. и т. п. дают такой материал, который поднимает литературоведение на новую ступень. **Борьба за ленинизм в литературоведении, в пролетарской литературе — важнейшая очередная задача, которая должна быть поставлена во главу угла нашего пролетарского литературного движения.**

Ленинское диалектическое разрешение вопросов о соотношении и единстве логического и исторического, логического и социально-классового анализа общественных форм сознания, различных идеологических явлений, образований и процессов, ленинская теория отражения, охватывающая процесс познания от ощущения и кончая абстрактным мышлением; учение Ленина об об'ективной, абсолютной и относительной истине: ленинская постановка культуры, морали и т. д.; ориентировка в своей политической и практической деятельности на широчайшие трудящиеся массы, его критический анализ произведений Толстого и т. п.— все это в применении к литературоведению дает отправные вехи для серьезнейшей теоретической работы и под'ема на новую высоту нашего литературоведческого движения.

Ленинский принцип партийности философии, науки должен быть ...

менен и особо выпячен в отношении к литературному пролетарскому движению на современном этапе развития, в обстановке чрезвычайного обострения классовой борьбы, в условиях вступления в период социализма.

Из этой небольшой справки видно, насколько велико значение вопросов, поднятых философской дискуссией, для других участков теоретического фронта.

III.

Дискуссия на философском фронте началась больше года тому назад, после выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов. Она прошла ряд этапов, начиная с фракции Общества воинствующих материалистов в Комакадемии, кончая целым рядом собраний президиума Комакадемии и т. п. Решающий этап всей дискуссии—это высказывания т. Сталина в беседе с бюро ячейки Института красной профессуры философии и естествознания. Эти высказывания и директивы, которые были даны т. Сталиным, подняли дискуссию на новую высоту. Были заострены и четко поставлены все вопросы, впервые была дана развернутая квалификация взглядов деборинской группы, как взглядов меньшевиствующего идеализма и т. п. Надо сказать, что в процессе развертывания дискуссии со стороны той партийной организации, которая принимала наиболее активное участие в этой борьбе, со стороны партийной организации Института красной профессуры, был допущен ряд промахов. Однако дискуссия ни на одном из этапов борьбы с деборинской группой не была примиренческой борьбой, как это можно иногда услышать. Разве можно считать примиренческой борьбу, которая велась с деборинской группой, которая от этапа к этапу означала дальнейшее развитие борьбы. Разве можно считать примиренческой борьбу, которая от этапа к этапу означала развертывание разногласий. Разве можно считать примиренческой ту борьбу, которая от этапа к этапу правильно заостряла основные установки, партийный характер этих установок. Примиренческой была бы такая борьба, которая приводила бы к смазыванию разногласий, к сниманию острых углов. Если проанализировать всю борьбу на философском фронте за год, то надо сказать, что от одного этапа к другому мы имели нарастание борьбы, мы имели все большее выявление сущности разногласий, все большее выявление сущности той ревизии марксизма, которая шла со стороны деборинской группы. На отдельных этапах этой борьбы были промахи, но это не была примиренческая борьба.

Беседа с т. Сталиным подняла эту дискуссию на настоящий уровень и дала [illegible] характеристику деборинской группы.

Необходимо также просмотреть, как протекала эта дискуссия по всему Союзу. Надо сказать, что дискуссия на философском фронте в силу своего большого партийно-политического значения вызвала очень большой интерес по всему Советскому союзу. Эта дискуссия вызвала чрезвычайно большой интерес в партийном активе, и надо сказать, что по всему Советскому союзу мы имели отражение этой дискуссии, мы имели борьбу на философском участке. Следует и здесь отметить ряд недостатков, допущенных в этой борьбе. Они заключались в том, что мы имели со стороны целого ряда организаций ОВМД на местах отставание и развертывание борьбы, известное отсутствие самостоятельности в этой борьбе, ожидание директив из центра, неумение самостоятельно заострять вопросы. В этом отношении крайне характерны Ленинград, Украина, Саратов. Надо отметить, что в некоторых местах эта дискуссия носила недостаточно боевой характер.

Нужно отметить, что в некоторых местах мы имели совершенно недостаточно развернутую самокритику, а также недостаточную критику местных представителей деборинской группы, механистической ревизии марксизма

и всякого рода других ошибочных точек зрения и положений. Больше всего иногда старались критиковать Карева, Деборина, Стэна и т. д. и обычно обходили критикой тех представителей ревизии марксизма, которых мы имели на местах: на Украине, в Ленинграде и т. д. При этом характерно для наших организаций ОВМД, что они недостаточно иногда закрепляли результаты дискуссии, чтобы затем соответствующим образом переключиться на положительное решение задач. Нужно заметить, что мы имели неравномерный ход дискуссии по всему Советскому союзу. Но, несмотря на все эти недостатки, на всю эту неравномерность, в результате дискуссии мы имеем исключительную консолидацию философских партийных кадров. Надо отметить, что в подавляющем большинстве случаев философские кадры стояли на принципиально-партийных позициях, и это несомненно является одним из важнейших результатов.

Подводя итоги дискуссии, нам необходимо остановиться еще на одном вопросе, который вызывает недоразумения и различные точки зрения. Речь идет о толковании сущности и характера меньшевиствующего идеализма деборинской группы. Когда подходят к проблеме меньшевиствующего идеализма деборинской группы, то мы можем иногда слышать такую постановку вопроса, что неправильна та установка, которая дается в резолюции бюро парторганизации Института красной профессуры философии и естествознания от 29 декабря 1930 года. Считают неправильным, что основной характерной чертой деборинской школы является ревизия марксизма под флагом гегелизирования его. Считают неправильным это и выдвигают другую теорию, другую точку зрения, что якобы основой деборинской идеалистической ревизии марксизма является не гегелианство, а кантианство или неокантианство. Между тем в резолюции партийной организации ИКП дается совершенно ясный ответ при характеристике взглядов деборинской группы. Там дается следующая установка: «В собственно-философских взглядах деборинской группы мы имеем крайне эклектическое сочетание элементов материализма с идеалистической диалектикой Гегеля, с ошибками фейербахианского и кантианского типа».

Таким образом, устанавливается, что мы имеем в этих взглядах довольно эклектическую смесь, но вместе с тем дается характеристика, что извращение, ревизия материалистической диалектики в работе группы Деборина, несмотря на эту эклектику, по общему своему характеру в основном все же происходила под флагом гегельянства. В резолюции далее сказано: «Извращение, ревизия материалистической диалектики в работах группы Деборина по всему своему характеру в основном происходила под флагом «гегелизирования» материализма, марксизма».

Эта характеристика является совершенно правильной характеристикой меньшевиствующего идеализма деборинской группы. Постановка же вопроса о том, что якобы мы имеем у деборинщины в основном кантианскую ревизию, страдает целым рядом крупных недостатков. Прежде всего такая постановка вопроса является сугубо неправильной, потому что не понимает по существу различия между двумя потоками ревизии марксизма: механистическо-позитивистским и идеалистическо-гегельянским.

Если взять тип ревизии марксизма со стороны Аксельрод, то мы должны сказать, что тут действительно идет ревизия марксизма с кантианских и неокантианских позиций. Если взять всю совокупность взглядов Аксельрод-Ортодокс, то мы имеем в основном тип кантианской ревизии диалектического материализма.

Несколько иначе обстоит дело у деборинщины. Надо сказать, что тот, кто ставит вопрос о кантианском и неокантианском характере ревизии марксизма со стороны деборинщины,— тот по существу не понимает своеобразия

условий развития теоретической работы деборинской группы в период диктатуры пролетариата.

Нужно сказать, что в условиях диктатуры пролетариата мы имеем двоякий тип ревизии марксизма. Один тип — откровенно меньшевистского характера, идущий в основном по линии кантианства. Другой тип, меньшевиствующий идеализм, крайне тонкий, крайне завуалированный, идущий в основном под флагом гегельянства (Деборин).

Громадный переворот, который произошел в октябре 1917 г., та революционная эпоха, которую мы переживаем, не может не натолкнуть целый ряд представителей философии на то, чтобы обратиться к течению, которое выражает революционные моменты в виде учения о диалектике. Своеобразные условия развития диктатуры пролетариата толкают на то, чтобы искать ответа на подобные вопросы философии у Гегеля. Как раз для представителей деборинской группы характерны эти черты, вытекающие из особых специфических условий диктатуры пролетариата, из своеобразной обстановки революционной эпохи. Ревизия марксизма проходит в основном под флагом гегельянства. Поэтому тот, кто стоит на той точке зрения, будто тут мы имеем кантианскую и неокантианскую ревизию марксизма, тот по существу не понимает своеобразных условий диктатуры пролетариата и развития теоретической мысли и теоретической работы со стороны ряда работников на философском фронте.

Нужно сказать, что под влиянием революционной эпохи, под влиянием кризисов мы имеем в настоящее время известный поворот к Гегелю даже со стороны крупных буржуазных ученых. Чрезвычайно характерно то, что в настоящее время происходит очень широкое развитие гегельянского движения в Италии, в стране фашизма

Чрезвычайно характерно, что за последнее время мы имеем ряд трудов, которые свидетельствуют, что и буржуазные ученые и буржуазные представители философии обращают свои взоры на Гегеля. Правда, они берут консервативные стороны Гегеля, но все же поворот к Гегелю является очень характерным.

Любопытный материал получен нами в связи с первым международным гегельянским конгрессом, который происходил в прошлом году в Гааге. На этом конгрессе один из наиболее видных современных гегельянцев—Рихард Кронер, заявил следующее: «Слово об эпохе «возрождения Гегеля», которое все громче звучит в Германии, должно иметь, следовательно, свое глубокое оправдание». Этот представитель буржуазной философии, как мы видим, ставит даже вопрос об эпохе возрождения гегельянства. Социал-фашизм тоже все чаще обращается к Гегелю (Зигфрид Марк) и т. д. И все это не случайно, это имеет глубокие корни в современной обстановке. Поэтому тот, кто хочет схематически разрешить вопрос относительно существа взглядов меньшевиствующего идеализма, тот глубоко ошибается.

Нельзя ограничиться тут простой схемой вроде следующей: II интернационал базируется на неокантианстве, деборинщина является отражением теорий II интернационала, следовательно, она тоже базируется на неокантианстве. Требуется проведение серьезной теоретической работы для выявления тех элементов кантианства, которые имеются в работах деборинской группы и того, как эти элементы сочетаются с общим гегельянским характером ревизии марксизма. В чем суть гегельянщины у Деборина, Карева, Луппола и т. д.? В отождествлении материалистической диалектики с идеалистической, понятий с об'ектом, в отрыве понятий от действительности и превращении их в самостоятельные сущности, в превращении диалектики во всеохватывающую «отмычку» без серьезного конкретного исследования действительности, в отрыве диалектики понятий от конкретного знания,

в превращении об'ективного мира в «прикладную логику», в такую ... над теорией диалектики, когда центром внимания является ... логики», когда на «логику дела» не обращается никакого внимания. Все это сочетается с элементами материализма, и благодаря этому создается крайне эклектическое «варево». Если у Гегеля мы имеем развернутую идеалистическую систему об'ективного идеализма, то у наших «эпигонов» Гегеля мы получаем под флагом гегельянства очень эклектическую систему взглядов. Именно поэтому кантианские моменты звучат довольно сильно в взглядах деборинщины. Необходимо, наконец, отметить ряд прямых кантианских ошибок у деборинщины в вопросах этики (Деборин), в вопросах о форме и содержании истмата как науки (Карев), и т. д., и т. п.

IV.

Я перехожу к основной части доклада, посвященной очередным задачам нашей теоретической работы, связанным с итогами прошедшей дискуссии. Прежде всего надо сказать, что решение ЦК партии, те итоги, о которых я говорил, консолидация сил вокруг партийных решений, которую мы имеем в настоящее время на философском участке, создают условия для быстрейшей реализации тех задач, которые перед нами стоят. Продолжая работу в деле разоблачения меньшевиствующего идеализма, ведя последовательную борьбу на два фронта, необходимо теперь перенести центр тяжести всей нашей работы на разрешение задач, которые поставлены ходом философской дискуссии. Надо понять, что разоблачение деборинщины, разоблачение меньшевиствующего идеализма само по себе не ликвидирует еще отрыва теории от практики. Оно создает только предпосылку для ликвидации такого отрыва. Надо иметь в виду, что жизнь не стоит на месте, практика социалистического строительства идет вперед. Жизнь пред'являет к теоретической работе все новые и новые запросы. Поэтому центр тяжести всей нашей работы, работы всех наших научно-исследовательских учреждений по линии философии, по линии естествознания, а также центр тяжести работы ..., центр тяжести работы наших журналов должен быть перенесен на разрешение тех задач, которые перед нами ставит практика социалистического строительства. Говоря о центре тяжести нашей работы в виде выполнения положительных задач, я отнюдь не противопоставляю в какой бы то ни было мере положительную работу задачам критики. Положительная работа может проходить только на основе дальнейшей борьбы с меньшевиствующим идеализмом и борьбы против механистической ревизии марксизма.

Второе, что необходимо отметить, говоря о дальнейшей работе, следующее: надо, наконец (и это диктуется всем ходом философской дискуссии), осуществить на философском фронте поворот к конкретному знанию. Не может быть отныне после дискуссии «чистого» (чистого в смысле отвлечения от конкретного знания, наук и т. д.) философа. Не может быть и не должно быть наших философов «вообще». Не может и не должно быть дальше философов-пустобрехов. Надо создать положение, при котором ... указывали бы на философов, которые не сочетают своей философской работы с конкретным знанием, с конкретными науками, естествознанием, историей и т. п. Нет и не должно быть дальше философов без конкретного знания, философов без связи с политикой, с практикой классовой борьбы. Не должно быть философов, которые не связывали бы своей философской работы с естествознанием, с историческими знаниями, техникой и т. д. Вопрос о повороте к конкретному знанию ставит перед нами чрезвычайно большие задачи в деле постановки учебной работы, в деле подготовки новых кадров

работы над учебниками и т. п. Надо вместе с тем сказать, что поворот к конкретному знанию, который сейчас диктуется всем ходом и исходом философской дискуссии, задачами, которые ставит партия перед философским теоретическим фронтом, поворот к конкретному знанию не должен быть понят как отказ от разработки собственно-теоретических проблем в области философии. Кто понял бы так этот поворот, тот не понял бы ничего в итогах дискуссии. Надо в этом вопросе повести решительную борьбу на два фронта. Надо вести борьбу с теми, кто понимает поворот к конкретному знанию, который необходимо осуществить по всей линии нашей теоретической работы в том смысле, что ликвидируется задача работы над собственно-теоретическими философскими проблемами. Насчет собственно-теоретической работы; насчет абстракций, мы имеем совершенно ясные указания у Ленина. Ленин не отрицает абстрактной работы мышления, Ленин говорит только о таких абстракциях, которые **должны соответствовать сути дела**, а не быть пустыми и вздорными абстракциями, он говорит о такой абстрактно-теоретической работе, которая в наибольшей степени соответствует сути дела.

Многие понимают поворот на философском фронте так, что он означает, по существу, поворот к узколобому эмпиризму, к делячеству, забывая, что узколобый эмпиризм, что делячество это есть одна из форм проявления механистической опасности. Многие забывают, что механистическая опасность продолжает оставаться главной опасностью. Мы можем очень часто столкнуться именно с таким пониманием этого поворота. Мы встречаем такие настроения, когда при проработке, скажем, программы по историческому материализму или по диамату, ставится вопрос так, что надо изучать, скажем, проблему производственных отношений только в СССР, что эту проблему вообще надо ставить только как проблему производительных сил исключительно в СССР, что надо ставить проблему классовой борьбы только как проблему классов в СССР и исключительно в СССР, и т. п. Такая постановка вопроса означает непонимание существа поворота, извращение смысла его. Что означает постановка вопроса об изучении классовой борьбы только в СССР? Она означает то, что забывается такая немаловажная задача, как изучение проблемы классов, скажем, в условиях капитализма, проблемы классовой борьбы в условиях империализма и т. д. Что означает постановка вопроса проблемы о производительных силах только в условиях СССР? Она означает непонимание того, что перед нами стоит задача изучения развития производительных сил в условиях империализма и т. д.

Конечно, исключительно важной является работа по изучению производительных сил и производственных отношений в СССР. Конечно, в центре внимания всей нашей работы должно быть изучение классовых отношений, классовых сдвигов и классовой борьбы в отношении СССР. Но правильное изучение производительных сил и производственных отношений в СССР, правильное понимание классовой борьбы в условиях СССР возможно на основании привлечения всего материала, который дан по вопросу о классах, о классовой борьбе Марксом, Энгельсом, Лениным, на основе изучения классовой борьбы при капитализме и т. д.

Надо избежать тех опасностей, которые стоят при постановке положительной работы в этих областях. Речь ведь идет о поднятии нашей теоретической работы на новую, высшую ступень по сравнению с прежней. При постановке вопроса о повороте к конкретным знаниям надо также поставить перед собой задачу соответствующим образом **специализировать нашу работу**. Надо поставить вопрос так, чтобы те силы и отряды партийных кадров (а мы можем уже их считать отрядами), которые мы имеем на философском фронте, были таким образом расставлены, рас-

пределены и специализированы, чтобы мы действительно могли обслужить все наиболее важные вопросы и проблемы, стоящие перед нами в этой области.

В связи с этим чрезвычайно остро встает вопрос о планировании нашей научной работы, о проблеме коллективного характера этой работы. Нужно сказать, что в прошлой практике мы имели совершенно исключительную оторванность так называемого философского руководства, этих генералов без армии, от всей массы работников на философском участке. Эта оторванность наблюдалась не только здесь, в Москве, была также оторванность Москвы от местных работников всего Союза. А между тем мы имеем большой рост кадров и укрепление кадров по всему Союзу. Во всех республиках, областях, краях и центрах мы имеем кадры, которые могут вести серьезную работу. Задача заключается в том, чтобы соответствующим образом планировать всю теоретическую работу п о в с е м у С о ю з у на основе новых методов работы, на основе коллективности, обмена опытом и т. д. Только при такой постановке мы сможем разрешать те проблемы, которые сейчас перед нами стоят.

V.

Важнейшей теоретической задачей на философском участке является сейчас разработка ленинского этапа в развитии диалектического материализма. В связи с этим перед нами встает очень большой и важный вопрос, который сейчас вызывает целый ряд суждений, недоумений, вопросов и т. д., и который имеет чрезвычайно важное значение для понимания нашей задачи и для правильной постановки нашей теоретической работы. Это вопрос о том, что н о в о г о внес Ленин в развитие диалектического материализма, в развитие теории материалистической диалектики.

Когда мы подходим к этому вопросу, который имеет чрезвычайно важное значение для понимания всего существа поворота в нашей работе, мы должны разделаться с целым рядом метафизических представлений, которые мы имеем по вопросу о марксизме, и в частности о диалектическом материализме. Надо разделаться с представлением, которое не понимает, что марксизм в целом, диалектический материализм в частности — это живое, развивающееся учение. Надо помнить, что в этом живом, развивающемся учении и самый метод марксизма, его революционная диалектика, развивается и уточняется.

Нужно разделаться с таким метафизическим представлением, которое господствует в работах деборинской группы, которое господствует в работе Деборина, Карева и др. и которое по существу исходит из того положения, что Гегель дал законченную систему категорий и что дальнейшее развитие категорий диалектики ничего нового в этом отношении прибавить не может.

Маркс отмечал в своем предисловии к «Капиталу», да и Ленин много писал о том, что у Гегеля даны лишь основные категории диалектики в идеалистически-мистифицированной форме. Однако Гегель не дал и не мог дать законченной абсолютной системы категорий, как это он сам предполагал, ибо дальнейшее развитие общества, дальнейшее развитие естествознания поднимает и ставит целый ряд новых синтетических проблем и открывает целый ряд новых закономерностей.

Надо разделаться с таким представлением, которое не понимает, что марксизм вообще и в частности диалектический материализм — живое, развивающееся учение. Когда мы ставим так вопрос, то часто можно слышать возражения, которые идут по той линии, «как бы тут чего не вышло».

Ленин показывает нам, что значит правильное ортодоксальное развитие взглядов Маркса, Ленин показывает нам, что взгляды марксизма развиваются, применяются к новой обстановке, к новым конкретным условиям.

Когда мы ставим вопрос о том, что нового внес Ленин в теорию материалистической диалектики, то мы должны разделаться с такими метафизическими представлениями, которые пытаются ставить вопрос таким образом, что Маркс, например, разработал закон отрицания отрицания, а Ленин-де разрешил закон единства противоположностей, что вот, Маркс и Энгельс, например, разрешили такой-то вопрос в диалектике, а Ленин разрешил другой вопрос в диалектике.

Такая постановка вопроса не правильна, по существу метафизична и исходит из непонимания ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Если понимать правильно ленинский этап в развитии диалектического материализма, если правильно понимать ленинизм на его новой ступени развития, то надо понять, что Ленин внес новое, конкретизирующее и развивающее Марксово учение во всех важнейших проблемах материализма и диалектики.

Ставя так вопрос, а мы можем только так его ставить, мы вместе с тем должны вспомнить указания Ленина, касающиеся роста и развития марксизма. Ленин много раз в своих произведениях говорил, что в связи с конкретной обстановкой, в связи с специфическими условиями каждого отдельного периода, в общем стройном марксистском учении выдвигаются на первый план те или иные стороны этого учения. Они приобретают особое значение, получают особое развитие и т. п. Понимая ленинизм, как новую ступень в развитии диалектического материализма, во всех основных проблемах марксистской философии, мы вместе с тем можем, говоря о теории диалектики, выдвинуть некоторые проблемы, которые получили особенное развитие, получили особую конкретизацию, получили более детальное развитие в работах Ленина. Вот эти специфические проблемы нужно выделить, поставить их и понять ту связь, которая существует между ними и современным периодом, современной эпохой. Надо понять, почему именно эти проблемы получили особенное развитие в связи с этой эпохой.

Несомненно, что в общей трактовке предмета диалектики как философской науки мы имеем чрезвычайно много нового, внесенного Лениным. Ленин, если можно так сказать, ближе подошел к этим вопросам, чем смогли это сделать Маркс и Энгельс. Если сопоставить те формулировки по этому вопросу, которые мы имеем в «Людвиге Фейербахе» Энгельса, в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», с ленинскими философскими тетрадями, то мы увидим, что во всех этих вопросах Ленин развивает марксистское учение, конкретизирует целый ряд вопросов. Если взять такой вопрос, как теорию отражения, которая имеет чрезвычайно важное значение для правильного понимания материалистической диалектики, то мы должны сказать, что Ленин развивает и конкретизирует марксо-энгельсовское учение по вопросу об отражении. Маркс и Энгельс очень много дали нам в вопросе о теории отражения. Однако Ленин конкретизирует это марксо-энгельсовское учение в целом ряде пунктов, таких пунктов, которых Маркс и Энгельс в силу обстановки, в которой они жили, не могли еще касаться. Если мы возьмем вопрос о категории единства противоположностей, то и тут мы имеем у Ленина дальнейшее развитие, конкретизацию работ Маркса, Энгельса. В связи со всем этим перед нами сейчас встает чрезвычайно важный вопрос: случайно ли, что именно эти вопросы получают такое развитие у Ленина, случайно ли, что именно по этим вопросам мы имеем дальнейшую конкретизацию марксистской философии. Нет, не случайно. Стоит только проанализировать эти проблемы, чтобы понять, что именно эти вопросы наиболее остро выпирают в связи с новой эпохой, эпохой империализма, эпохой пролетарской революции, эпохой строительства социализма.

Возьмем такой вопрос, как вопрос о систематически развитой марксистской теории диалектики. Стоит только поставить этот вопрос, чтобы сейчас же понять, почему он приобретает чрезвычайно важное значение в эпоху социалистической революции. Этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой перестройки науки на базе диалектического материализма. Проблема перестройки науки на базе диалектического материализма — это отнюдь не красное словцо. Это очень глубокая проблема, которая стоит перед пролетариатом, это задача всемирно-исторического масштаба, к которой мы сейчас вплотную подошли. Если взять положение, которое имеется у нас, в связи с тем, что мы вступили в период социализма, в связи с гигантскими успехами социалистического строительства, то мы увидим, что даже в самых специальных проблемах физики, химии и т. п. мы имеем совершенно новую постановку ряда важнейших вопросов; иначе ставятся эти вопросы именно в связи с практикой социалистического строительства. Можно было бы привести на этот счет целый ряд примеров. Возьмем, например, те тенденции, которые мы имеем в современной науке об электрификации. Современная наука об электрификации ставит целый ряд важнейших технических вопросов, связанных с задачами концентрирования мощности, повышения напряжения и удлинения электропередачи. Только в условиях СССР возможна такая высоковольтная сеть, такая длинная передача, такое регулирование и планирование электроэнергии. Все это ставит перед техническими науками целый ряд новых вопросов, которые не стояли перед буржуазной наукой. Они ставятся заново именно в условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства. Возьмем то новое, что ставит развитие коллективизации, развитие колхозного и совхозного движения перед агрономической наукой. По существу ведь мы имеем сейчас в известном смысле крах буржуазной науки, буржуазной агрикультуры, которая совершенно не знает таких темпов развития и не понимает условий, в которых это коллективное движение развивается. Ведь наша коллективизация, наиболее крупное сельское хозяйство ставит перед агрономией новые проблемы, которых не знает и не может знать буржуазная наука, ставит перед ними. Вот эти 2-3 примера—пример из области техники, пример из области агрикультуры, показывают, что проблема перестройки всей науки связана с нашим вступлением в период социализма, связана с темпами нашего развития. Когда я говорю о крахе буржуазной агронауки, то это не может быть понято в смысле наплевизма по отношению к буржуазной науке. Речь идет об использовании всех достижений буржуазной науки, но речь идет также и о том, что достижения буржуазной науки в целом ряде областей для нас уже явно недостаточны, потому что успехи социалистического строительства ставят перед нами совершенно новые проблемы. А ведь вопрос о перестройке науки на базе диалектического материализма упирается в вопрос о систематически развитой теории диалектики. Теория диалектики нужна не потому, что существует любительская потребность в теории. Нет, это глубокая потребность эпохи социалистического строительства, это глубокая потребность социалистической перестройки науки, это глубокая потребность, которая дает возможность выхода из тупика и ликвидации кризиса буржуазной науки, о котором я говорил выше. Ясно, что такую заостренность вопрос о теории диалектики мог получить только в новую эпоху и поэтому не мог не получить такого большого развития, приобрести такого важного значения в работах Ленина. Если в связи с тем, что писал Ленин о теории диалектики и философской науки, сравнить то, что по этому вопросу писал Плеханов, то получится очень яркая разница в подходе Ленина и Плеханова. Возьмите то, что написано Плехановым в 1905/6 году, незадолго до того, как Ленин писал

свой «Эмпириокритицизм». Плеханов начинает, например, свою статью «О философской эволюции Маркса» так: «Надо сказать правду, философию следует отнести к числу наук проблематических». Вот первая установка, которая дается Плехановым по этому вопросу. Он не разбирает вопроса, о какой философии идет речь, в каком смысле философия является проблематической наукой. Далее он развивает следующие положения: «Если мы тем не менее считаем возможным изучать вместе с вами философские основы марксизма, то мы при этом руководствуемся следующими соображениями:

.«И Маркс и Энгельс не всегда так плохо думали о философии, как это можно заключить по уже цитированному месту из Энгельса».

Это—первая причина. Возникновение целой литературы, посвященной философскому обоснованию марксизма, Плеханов считает второй причиной.

Третья заключается в том, что область мышления достаточно интересна и обширна и, наконец, теория мышления и его законов предполагает синтетический взгляд на природу и жизнь, и т. д.

Вот ряд развернутых положений Плеханова для обоснования того, почему нужна философия Маркса. Вот общая характеристика философии как синтеза данной эпохи.

Между тем, если сравнить эти характеристики Плеханова с тем как Ленин определял, что такое философия, если только сопоставить это, то станет понятно, что тут существует большая разница. Ленин придает философии марксизма, его революционной душе — материалистической диалектике — исключительно большое значение. Ленин вслед за Марксом и Энгельсом говорил, что диалектика есть не внешняя форма, что она выражает общие закономерности природы и общества, что нужна диалектика как философская наука, что только материалистическая диалектика может быть базой перестройки науки. Стоит только сравнить эту ленинскую характеристику и характеристики Плеханова, чтобы видеть всю разницу подхода к этой проблеме. Стоит только проанализировать, вчитаться в те определения и об'яснения, которые Плеханов дает по вопросу о том, почему должна остаться философия Маркса, чтобы понять, что между ленинским и плехановским определением существует громадная разница.

Перейдем теперь к другому вопросу, вопросу о законе единства и борьбы противоположностей. Если взять этот вопрос, то мы имеем в работах Ленина в этом вопросе несомненно дальнейшее развитие и конкретизацию учения Маркса. Мы имеем дальнейший шаг вперед. Нужно понять сущность этой проблемы в связи с эпохой империализма. Нужно понять, что эпоха империализма дает новые закономерности, дает новые типы связей, новые формы борьбы противоположностей. Эпоха империализма дает чрезвычайно интересные сочетания, типы переходов противоположностей. Пример: переход, превращение империалистической войны в гражданскую и т. д. Эпоха империализма дает новый материал в этом отношении, и, ясное дело, что материал этот был систематически обобщен в работах Ленина. Вот почему Ленин обратил такое особое внимание на эту важнейшую категорию диалектики. Нужно об'яснить, что и реформизм, и буржуазная наука также подробно занимаются этой проблемой, но занимаются ею двояко. С одной стороны, мы имеем в продолжение десятков лет струвианского типа подход к вопросу. Основное в этом подходе: противоположности во что бы то ни стало надо примирять. В этом отношении наиболее характерным представителем социологического направления в области науки, в области политэкономии, в области науки о хозяйстве, является Штольцман. В своих «Основах философии народного хозяйства» он ставит проблему противоположностей. Важнейшую задачу построения теории хозяйства он видит в задаче примирения социальных противоположностей. Он писал: «важнейшую задачу философии хозяй-

ства я вижу в примирении социальных противоречий». Это—один тип [illegible]
представителя буржуазии.

Но мы имеем у представителей буржуазии и другой тип подхода к проблеме противоположностей, как, например, у философа Либерта. Этот «ученый» философ ставит вопрос о крайнем антагонизме противоречий, «трагических противоречиях», которые никогда не могут быть примирены. Период, когда Либерт выступает со своей теорией трагических противоречий, очень характерен. Он раскрывает нам социальный эквивалент данной постановки вопроса. Это—период 1923 года в Германии, период революционного движения. Когда социальная обстановка в Германии и революционная борьба была чрезвычайно накалена, она получила отражение в работе буржуазных мыслителей в виде теории трагических противоречий.

Из небольших примеров, которые я привел, видно, насколько закон о борьбе противоположностей имеет важное значение для современного этапа. Особенно выпирает он в эпоху империализма. Ясно, что человек, который дал наиболее глубокий анализ эпохи империализма, который раскрыл глубокие корни кризиса капиталистической системы, этот человек и в области философии марксизма не мог не выдвинуть на первый план закон единства противоречий.

Когда мы ставим вопрос о разработке ленинского этапа в развитии диалектического материализма, нам нужно все стоящие перед нами проблемы разработать соответствующим образом. Нам надо изучить всю совокупность работ Ленина с точки зрения раскрытия в них ленинской диалектики. Нам нужно изучение теории и практики работы нашей партии, [illegible] и тактики Коминтерна с точки зрения раскрытия в них ленинской диалектики.

При постановке вопроса о разработке ленинского этапа в развитии диалектического материализма стоит очень важная проблема, проблема разработки теории материалистической диалектики. Деборинцы считают, что дискуссия приведет к отказу от этой работы. Нет, дискуссия не может привести к отказу от разработки теории материалистической диалектики, а поставила разработку ее действительно на правильные рельсы. Разработка теории материалистической диалектики это не есть дело только и исключительно «философского цеха», это—дело всех наших научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений, ибо материалистическая диалектика, как систематически развитая наука, может быть создана на основе всей совокупности человеческих знаний, на основе синтеза всех знаний современной эпохи, на основе опыта и практики всей борьбы пролетариата, особенно в нашу эпоху.

Когда мы ставим вопрос о разработке теории материалистической диалектики, то это отнюдь не снимает задачи работы над систематической разработкой отдельных категорий диалектики и над их систематической связью, над переходами категорий и т. п. Мы имеем иногда полное непонимание этой проблемы, мы имеем непонимание вообще задачи систематической разработки категорий диалектики. Кто эту задачу не ставит, кто эту задачу вообще не видит в области философии, тот, конечно, скатывается на механистические позиции. Кто же хочет только этим ограничить свою задачу при работе над теорией материалистической диалектики, тот продолжает по существу деборинские установки в этом вопросе.

Работа над теорией материалистической диалектики, над систематизацией категорий, над ленинским этапом в развитии диалектического материализма должна вестись по ряду направлений, которые указаны Лениным в его философских сборниках. Она должна вестись на основе изучения диалектики «Капитала», империализма, переходного периода, пролетарской [illegible]

волюции. Она должна сочетаться с работой в области истории, естествознания, техники. Она должна сочетаться с историей философии, однако, изучение истории философии должно быть поставлено на правильные марксистско-ленинские рельсы.

Когда мы ставим вопрос о задачах разработки теории материалистической диалектики, когда мы ставим вопрос о задачах разработки ленинского этапа в развитии диалектического материализма, то встает очень важная проблема, для которой мы должны найти совершенно правильное решение именно в связи с итогами философской дискуссии. Это проблема нашего отношения к Гегелю, проблема изучения Гегеля. Работы Ленина дают нам картину развернутой борьбы на два фронта в этом вопросе, борьбы с ревизионистским отношением к диалектике вообще и в частности к гегелевской диалектике, с таким ревизионистским отношением, которое красной нитью проходит по их работам, начиная от Бернштейна и кончая Бухариным.

Надо одновременно вести борьбу и с такого рода работами над гегелевскими категориями и диалектикой, которые мы имеем у представителей идеалистической ревизии марксизма, начиная с Лукача и кончая Дебориным.

Сейчас, когда мы ставим проблему работы над Гегелем, перед нами встает и чрезвычайно важная проблема, связанная с умелой и правильной, в ленинском духе, *критикой Гегеля, критикой гегелевского идеализма*. Надо считать, что одним из коренных моментов ревизии диалектического материализма со стороны представителей деборинского направления является полное отсутствие или совершенно неправильная постановка задачи критики гегелевского идеализма, который органически связан и с его диалектикой. Суть этой постановки вопроса заключается в том, что у Гегеля мы имеем на почве его диалектики, которая органически сочетается с его идеализмом, постановку и в известном смысле разрешение важнейших вопросов философии. У Гегеля мы имеем диалектическое разрешение проблемы исторического и логического, у Гегеля мы имеем диалектическое разрешение проблемы формы и содержания, у Гегеля мы имеем диалектическое разрешение проблемы конкретного и абстрактного, анализа и синтеза, мышления и ощущения и т. д. Но это диалектическое разрешение есть *одновременно и идеалистическое разрешение всех этих проблем*. Вот этого как раз представители деборинской группы не поняли, они брали только диалектическое разрешение как таковое, не понимая того, что здесь имеется принципиальная грань между тем, как эти вопросы разрешал Гегель и как их разрешает материалистическая диалектика. Для примера можно привести вопрос о логическом и историческом. У Ленина есть на этот счет чрезвычайно интересное замечание по поводу одного места из гегелевской «Истории философии». Ленин цитирует гегелевское положение: «Развитие философии в истории должно соответствовать развитию логической философии, но в последней должны быть места, которые выпадают в развитии истории». Итак, тут совершенно ясна гегелевская установка в этом вопросе: развитие философии в истории должно соответствовать развитию логической философии. Сбоку Ленин делает приписку: «Развитие философии в истории должно соответствовать (два вопросительных знака) развитию логической философии». Дальше Ленин писал: «Тут очень глубокая и верная мысль, мысль материалистическая», а затем дальше: «Действительная история есть база, основа, бытие, из коего идет сознание». Мы имеем тут два типа разрешения проблемы исторического и логического. Один тип дан Гегелем, когда действительное историческое развитие должно итти вслед и должно соответствовать логическому развитию, а другой тип — разрешение материалистическое, когда основной базой является действительное развитие, историческое развитие. История есть

основа, база, за коей идет логическое развитие. Вот этот пример показывает то непонимание, которое обнаружили представители деборинской группы, когда подходили к вопросу об изучении гегелевской диалектики, а также совершенное непонимание задачи материалистической переработки Гегеля.

Если мы перейдем к теории отражения, то нужно отметить следующее: наряду с неправильным пониманием соотношения логического и исторического, мы имеем у представителей деборинской школы неправильное понимание, извращение, отход от ленинской теории отражения. Это один из центральных вопросов. В связи с непониманием теории отражения представители деборинской школы отождествляют логические категории с формами движения об'ективного мира. С другой стороны, мы находим у них совершенно средневековую схоластику, которая по существу скатывается к постановке вопроса о реальности понятий и т. д. Выход из этой средневековой схоластики — теория отражения, которая является важнейшим элементом материалистической точки зрения, материалистических взглядов, материалистической теории познания.

Нужно сказать, что по вопросу о теории отражения имелось по [illegible] ству два спора с Лениным. Мы имели очень большой, важный спор [illegible] Аксельрод, Плехановым и Лениным, который относится к эпохе [illegible] эмпириокритицизмом и богдановщиной. Теперь же мы имеем ревизию [illegible] отражения и со стороны механистов и со стороны деборинщины.

Обратимся к Аксельрод. В знаменитой своей рецензии на книгу [illegible] «Материализм и эмпириокритицизм» она писала следующее: «От[illegible] рию символов и считая ощущения образами или неточными копиями [illegible] критик Плеханова становится на дуалистическую почву, проповедуя [illegible] низм наизнанку, а отнюдь не материалистическую философию, исходящую из единого начала... Признать ощущения образами или понятиями предметов значит снова создать непроходимую дуалистическую пропасть между об'ектом и суб'ектом». Когда читаешь эти положения Аксельрод против [illegible]ской теории отражения, прямо удивляешься никудышной аргументации со стороны такого «патентованного» философа, каким является Аксельрод.

Я не буду касаться целого ряда других вопросов. Нужно отметить, что Ленин применял и развивал теорию отражения не только по отношению к ощущениям, но и на всех последующих стадиях развития мышления. Он развивал теорию отражения по вопросу о мышлении и в этом отношении сделал большое дело, так как дал этим указания, как поставить [illegible] диалектики на материалистические рельсы. Этот вопрос, в связи с изучением теории материалистической диалектики, должен быть поставлен перед нами как важнейшая задача нашей теоретической работы.

Нужно кратко остановиться на пресловутом вопросе о структуре материалистической диалектики, который занимает чрезвычайно большое место в работе Деборина. Этот вопрос схоластически был сведен к вопросу о порядке следования категорий. С чего начать? Начать ли с бытия и кончить действительностью или начать с действительности и кончать бытием? Начать ли с качества и потом перейти к другим категориям или вести обратный ход и т. д. Этот вопрос занимал чрезвычайно важное место во всей теоретической работе философов, в работах семинаров ИКП и т. д.

У Маркса в «Нищете философии» есть чрезвычайно интересное [illegible] Он пишет, что чем меньше философия занимается действительным историческим движением, действительно экономическими категориями, чем меньше занимается действительно экономическими проблемами и вопросами, тем больше внимания приходится посвящать вопросу о порядке этих категорий и т. д. Чем меньше Деборин занимался действительной базой для развития теории диалектики, действительной теорией экономических отношений, [illegible]

ствительно конкретным знанием, тем большей оказывалась необходимость заниматься схоластическими вопросами о порядке категорий.

При постановке вопроса о разработке теории и диалектики необходимо бороться за систематическую разработку категорий.

Нужно вместе с тем дать анализ и критику тех вопросов, на которые сбивался Деборин, когда пытался ставить эти вопросы. Деборин говорил так: «Могут ли категории переходить друг к другу». И поскольку он хотел дать материалистический ответ, он отвечал, что категории, как абстрактные понятия, конечно, друг в друга переходить не могут.

Если же проанализировать то, что имеется у Ленина по этому вопросу, то вскроется, что Деборин очень вульгарно подходит к нему. Ленин в своем XII сборнике пишет следующее: «Если все развивается, то относится ли сие к самым общим понятиям, к категориям мышления? Если нет, то мышление не связано с бытием. Если да, то диалектика понятий и диалектика познаний имеет об'ективное значение. Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, чтобы его выразить в логике понятий». Вот вопросы, которые поставлены Лениным в связи с проблемой систематического изучения категорий и т. п. Эта постановка отличается, как небо от земли, от деборинской, упрощенно вульгарной постановки вопроса о том, могут ли категории переходить друг в друга или не могут. В области теории диалектики, в области систематической разработки мы должны вести работу на основе поворота к конкретному знанию, должны изучать переливы этих понятий, их переходы, понимая, что здесь речь идет о том, чтобы при помощи категорий выразить действительное историческое движение.

Несколько слов о тех чрезвычайно важных задачах, которые стоят сейчас перед нами на фронте исторического материализма. Этот вопрос уже в достаточной степени был заострен в современной философской дискуссии. Сейчас мы вплотную должны поставить перед собой задачу разработки теории исторического материализма и ленинского этапа в развитии исторического материализма. Нет возможности подробно анализировать ряд вопросов, которые перед нами стоят. Можно только отметить два-три центральных вопроса, которые на современном этапе имеют сугубо важное значение для изучения и разработки исторического материализма. Сейчас особенно выпирают такие вопросы, как вопрос о соотношении плана и стихии, как вопрос об исторической возможности и исторической необходимости, как вопрос о суб'ективных и об'ективных факторах в истории и т. п. Это — проблемы, которые связаны со всем процессом нашего социалистического строительства, которые сейчас стоят на первом плане и к которым должно быть привлечено соответствующее теоретическое внимание. Надо сказать, что в работах т. Сталина за последнее время эти вопросы особенно выпячены. Не может быть сейчас теории исторического материализма, не может быть сейчас разработки вопросов исторического материализма без изучения всех этих вопросов, без изучения производительных сил, техники, производственных отношений, классовых сдвигов и т. п. Я не буду касаться тех задач, которые стоят в области естествознания и техники. Можно сказать только два слова по этому вопросу. Мы находимся сейчас на такой ступени развития нашей теоретической работы на философском и естественно-научном фронте, когда мы должны поставить перед собой задачу действительного превращения диалектики в орудие научного исследования, в орудие экспериментальной работы. Сейчас надо ставить вопрос уже не в общей форме о связи диалектики и естествознания. Эта задача пропаганды. Мы должны теперь поставить перед собой задачу

превращения диалектики в орудие научного исследования. Это превращение даст такие результаты для развития науки, которые трудно даже представить.

VI.

Нужно остановиться на ряде задач пропагандистского порядка. Надо сказать, что одним из крупнейших недостатков в работах деборинской группы является отрыв от партийного актива, от широкой массы рабочих. Задача пропаганды, популяризации диалектического материализма представляет в настоящее время чрезвычайно важную проблему. Что касается задач ОВМД, то в настоящее время по линии организационной ОВМД представляет собой чрезвычайно расплывчатую организацию. В ее структуре не было организационной четкости, не было достаточной ясности во взаимоотношениях с другими обществами. Отныне мы должны создать совершенно четкую организационную структуру. ОВМД строилось, если можно так выразиться, больше по социально-демократическому принципу, чем по-большевистскому, из индивидуалов—членов общества, в то время как задача заключается в том, чтобы массовое ОВМД построить по большевистским организационным принципам и тем самым придать более стройную организационную четкость структуре общества. Сейчас перед нами встают вопросы, связанные с составом общества. После решения ЦК партии мы должны принять на этом пленуме решение, которое свелось бы к следующему: членами общества могут быть только лица, активно защищающие решения ЦК нашей партии, активно ведущие борьбу на два фронта, борьбу с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом. Тот, кто стоит или активно защищает точку зрения механицизма и меньшевиствующего идеализма, тот не может быть членом ОВМД.

Задача нашего совещания заключается в том, чтобы все эти важнейшие вопросы, связанные с организацией самой работы, со структурой общества и т. п. получили соответствующее разрешение.

В заключение я хочу сказать следующее. Никогда так остро не стояла перед нами задача самокритики, коллективных методов работы, как после решений ЦК партии. Сейчас вряд ли найдутся люди, которые будут прямо защищать взгляды меньшевиствующего идеализма. Многие формально признают решения ЦК, но в практической работе не хотят или не могут осуществить поворота. Задача развертывания самокритики в нашей работе—это центральная проблема, это основной метод, которым должна вестись наша борьба. Особенно остро стоит перед нами задача борьбы на два фронта в области философии. В связи с этим я хочу отметить, что пишет за последнее время по вопросу о борьбе на двух фронтах мистер Троцкий. В Бюллетене оппозиции за ноябрь — декабрь 1930 года, ставя вопрос о борьбе на два фронта, он писал, что суть политики Робеспьера состояла в его борьбе на два фронта — против санкюлотов и против якобинской буржуазии. Отсюда его борьба направо и налево. Он считает, что борьба на два фронта—это основное свойство мелкобуржуазного революционера. Пролетарский революционер, считает Троцкий, вынужден иногда, эпизодически, вести борьбу на два фронта, но это—дело случайное. И далее он буквально пишет следующее:

«Мелкобуржузные революционеры вынуждены были всегда и неизбежно вести борьбу на два фронта. Сталин ведет не эпизодическую, а перманентную, систематическую, органическую борьбу на два фронта. Это характерная черта мелкобуржуазной политики».

Установка, которую тут приводит Троцкий, совершенно ясна и вряд ли нуждается в особых комментариях. Мистер Троцкий совершенно не пони-

мает того, что последовательное проведение борьбы на два фронта—это и есть последовательное проведение именно ленинских установок, что мелкобуржуазный революционер не ведет борьбы на два фронта, а примиряет эти фронты, что борьба на два фронта есть последовательное применение диалектического материализма.

Надо вспомнить, что происходило в процессе нашей дискуссии, когда заострялась борьба на два фронта. Нужно сказать, что больше всего обвинений бросалось по адресу тех работников, которые заостряли эту борьбу, обвинений именно в мелкобуржуазности, в мещанстве и т. д. Это показывает, насколько глубоки были в этом вопросе корни троцкизма у Карева, Стэна и др. и какой меньшевистский подход при постановке этой проблемы мы имеем со стороны представителей деборинской группы.

При проведении задач партийности философии, при проведении задач борьбы за генеральную линию партии, при проведении решительной и последовательной, не взирая на лица, самокритики и борьбы на два фронта мы создадим те условия, которые дадут нам возможность реализовать постановления ЦК по вопросу о философском участке и создадим условия действительного превращения нашей теоретической работы в мощное оружие для обслуживания практики социалистического строительства.

Задачи антирелигиозной пропаганды в период соц. наступления*).

Ем. Ярославский.

Поворот на теоретическом фронте совершается как раз в момент развернутого социалистического наступления.

Первые итоги первого квартала третьего года нашей пятилетки, решающего года, показывают, что мы здесь имеем несомненные успехи и что наши планы не только осуществимы, но осуществим и лозунг, данный партией и подхваченный массами, — вернее сказать, даже выдвинутый массами — лозунг выполнения пятилетки в четыре года.

В некоторых отраслях промышленности, как например по нефти, мы даже в 2½ г. закончили эту пятилетку. Мы сейчас уже, в эту вторую большевистскую весну, настоящую коллективную весну развертывания нашего посева, имеем около половины крестьянских бедняцких и середняцких хозяйств, вошедших в колхозы. К концу года мы несомненно будем иметь больше половины хозяйств. В этом году мы пускаем в ход 581 новое предприятие, при чем некоторые из этих предприятий являются гигантами мирового значения.

Вот основные факты, которые нам надо иметь в виду.

В этом же году мы организуем 1040 новых МТС, каждая из которых — одна из крепостей нашей коллективизации сельского хозяйства.

Эта величайшая задача социалистического переустройства связана с невиданной еще по размерам и глубине культурной революцией, развитием всех форм социалистической общественности, своего рода, как Максим Горький выражается, ренессансом, возрождением.

Собственно говоря, нельзя в данном случае говорить о возрождении, поскольку мы здесь имеем явления совершенно *нового* порядка: развертывание *пролетарской* культуры, развертывание *социалистического* строительства, *социалистических* форм хозяйства, а не возрождение.

Задача, поставленная партией, — задача подготовки новых кадров, — вызвала к жизни совершенно невиданное по своим размерам развертывание всякого рода техникумов, втузов и вузов. Мы имеем громадную сеть новых школ, клубов, народных домов. Особенно надо отметить развитие нашей печати, которое свидетельствует о громадном культурном и политическом росте рабочего класса и трудящихся в нашей стране. Я не буду приводить цифры тиражей наших центральных газет, краевых, районных, колхозных, стенных, заводских, цеховых и всякого рода других. У нас имеются заводы, которые выпускают *по нескольку десятков газет*. Один завод, например, «Красный путиловец» или «Серп и молот», выпускает несколько

---

*) Обработанная стенограмма доклада на всесоюзном совещании ОВМД 7 апреля 1931 г.

десятков газет, при чем некоторые из них — с очень высоким тиражем. Достаточно сказать, что уже сейчас «Правда» имеет тираж в 1.600.000; к концу года мы должны давать не меньше 2 миллионов, а к концу пятилетки тираж одной только «Правды» вероятно дойдет до 3,5 — 4 миллионов.

Вот эти все факты нужно иметь в виду, когда намечают очередные задачи в антирелигиозной работе. Эти задачи надо связать с развертывающейся острой классовой борьбой внутри СССР против кулачества, опирающегося на церковь, на религию; нашу антирелигиозную работу надо связать с громадным ростом культурным, хозяйственным, с громадной тягой к учебе, с громадным интересом широких рабочих и крестьянских масс к тому, чтобы это новое не только связать с повседневной работой, а как-то осознать более глубоко, выработать новое мировоззрение, которое охватывало бы полностью всю нашу стройку на несколько лет вперед так, чтобы можно было видеть, к чему ведет эта стройка, а не подобно ползучему эмпирику — масса тоже не хочет быть ползучим эмпириком—видеть только сегодняшний день, сегодняшний час.

Что является основным в революции, происходящей на наших глазах?

Это прежде всего — введение планового начала во все народное хозяйство. Плановое начало все больше и больше вытесняет элемент случайности, неожиданности, того, что народ привык об'яснять волею «судьбы», «провидения», «рока» и т. д. Введение плановости в наше хозяйство приучает широкие массы трудящихся к тому, что жизнь движется по плану, который строится самим человечеством, самими трудящимися. Переход широких середняцких крестьянских масс на путь социализма — это конечно один из результатов жесточайшей классовой борьбы, подавления классового врага; но это также результат той громадной работы, которая позволила нам построить плановое хозяйство. Основное в этом отношении — расширение, гигантское расширение базы социализма.

Вот это осуществление планового начала, связанное с глубочайшей революцией во всех общественных отношениях, подготовляет почву для выработки стройного материалистического мировоззрения уже не у отдельного человека, не в отдельных маленьких группах, а в широких массах трудящихся, у всего рабочего класса, который не только понял устройство этого мира, сущность общественных отношений, но сумел с октября 1917 г. коренным образом изменить эти отношения, создавая вместо них новые, принципиально иные.

Рабочий класс всем ходом своей революционной борьбы и строительства подготовлен к восприятию стройного материалистического мировоззрения.

Но то, что происходит теперь, на четырнадцатом году пролетарской революции, означает **подготовку перехода к этому мировоззрению и широких масс крестьянства.**

Когда крестьяне вели индивидуалистическое хозяйство, когда они были зависимы от эксплоататоров, от кулака, от помещика, купца и т. д., когда они воспитывались в духе религии, — они были склонны ко всякого рода идеалистическим искажениям действительного мира, к идеалистическому мировоззрению.

То, что происходит теперь в отношении последнего капиталистического класса, в отношении кулачества, подготовляет массы к тому, чтобы они чувствовали, **что в их руках судьба** этого мира, что **они могут строить его так, как это нужно в интересах трудящихся.**

В ближайшие годы (мы стоим перед выработкой новой пятилетки), когда самые большие трудности будут разрешены, когда будут устранены главнейшие материальные препятствия к развертыванию более глубокой про-

етарской культуры, охватывающей все стороны жизни, мы будем свидетелями очень многих интересных сдвигов в мировоззрении самых широких масс трудящихся. Ближайшие годы подготовят уничтожение разницы между городом и деревней, уничтожение в значительной степени тех преград, которые мешают уничтожению классов; несомненно, ближайшая пятилетка сделает еще один решительный шаг к полному уничтожению классов.

Удастся ли нам это в ближайшее пятилетие или потребуется больше времени, — сейчас очень трудно сказать, но во всяком случае ближайшая пятилетка вплотную подведет нас к этому. Это значит, что в ближайшее время мы разрешим целый ряд противоречий, свойственных капиталистическому обществу.

Конечно, было бы неправильно делать отсюда вывод, что мы теперь уже стоим перед ликвидацией классовой борьбы. Именно на этом последнем этапе классовая борьба принимает ожесточенный характер; ведь рост социализма в нашей стране и рост революционного движения в других странах решают вопрос «кто кого» не только в масштабе СССР, но и в масштабе с миром. В виду этого в ближайшие годы, в ближайшее десятилетие, классовая борьба еще более обострится. Не останавливаясь здесь на характеристике мирового кризиса, промышленного и аграрного, который отражается на всей жизни трудящихся классов и буржуазии, отметим некоторую связь этих явлений с теми задачами, которые стоят перед антирелигиозным движением.

Мы имеем огромный рост безработицы в странах капитала, разорение широких масс крестьянства; рабочий класс становится в значительной степени бездомным, беспризорным. Значительные массы безработных в Америке, которых выгнали из квартир, сейчас перекочевывают из одного города в другой, как бродяги. Это конечно меньше всего способствует тому, чтобы рабочий класс верил в разумность устройства капиталистического мира (чему его учили попы всех толков в течение многих веков).

Сама буржуазия характеризует этот кризис, по существу дела, как **безысходный**.

Даже новогодние статьи в буржуазных газетах, которые обычно рисуют радужные перспективы и сулят читателям всевозможные надежды, вышли в пониженном тоне. В этом году новогодние газеты пестрят такого рода характеристиками капиталистического общества, как «потемки», «сумерки», «развал». В газете «Таймс», например, в новогодней статье писалось, что сейчас «мы переживаем тяжелое время. Но что значит это тяжелое время в нашей земной жизни, — спрашивает «Таймс» своих читателей и напоминает, что мы имеем много отрад в более прекрасной жизни за гробом».

Таковы новогодние утешения, которые преподносит своим читателям «Таймс». Это едва ли может кого-либо настроить на рождественский лад. Это — обычная буржуазная аргументация, которая верой в лучшую жизнь за гробом хочет отвлечься от невзгод на земле. Отсюда проистекает пассивность, безысходность, ведущие к тому, что в настоящее время в среде буржуазии процветают всякого рода средневековые мистические теории.

Горький в нескольких статьях говорит об этих настроениях; он отмечает, что сейчас в целом ряде стран ведется поход против науки. Кейт недавно писал, что если человек хочет существовать, то он должен заковать в цепи нового Прометея — науку. Некто Уго Васт, южно-американский писатель, говорит, что нужно обрезать крылья воображению и нужно стремиться к тому, чтобы полюбить простые вещи, понять их глубину. Создаются всякого рода планы относительно того, нельзя ли вернуться к простым орудиям производства, и были попытки осуществить такие планы всерьез. Так,

например, для уничтожения безработицы в некоторых городах Америки издается запрещение употреблять новейшие орудия для очистки снега. Предлагают производить очистку метлой и лопатой. Конечно, эти меры могут дать работу нескольким десяткам, сотням, наконец тысячам безработных, но не миллионам. А между тем число безработных все более и более увеличивается.

Огромное нарастание революционной волны наблюдается не только в капиталистических странах, но и в ряде колониальных и полуколониальных стран. Факты эти общеизвестны, и я на них не останавливаюсь. Империалистическая пресса и партии империалистов надеялись на то, что если им удастся изгнать нас из Китая, из больших китайских центров, устроив там целый ряд провокационных штук, как, например, в Шанхае, то этим самым им удастся устранить, прекратить коммунистическое революционное движение в Китае. Уже много времени прошло, как им удалось путем провокации добиться удаления советских работников из Китая. Однако революционное движение в Китае не только не остановилось, а растет, несмотря на то, что китайская компартия была много раз обезглавлена, несмотря на то, что буквально были убиты десятки тысяч членов китайской компартии. Несмотря на все это, революционное движение растет, захватывая все новые и новые провинции.

Мы все читали о II С'езде Советов Китая, об огромной Красной армии Китая, которая сейчас угрожает городу Ханькоу; в Китае есть обширные районы, где уже в течение довольно долгого времени введен советский строй, своя советская денежная система и пр.

В Индии также мы видим развертывание революционного движения, углубление его, наперекор всякого рода попыткам буржуазно-национальных партий подчинить революционное движение своей гегемонии; оно идет также наперекор тем церковным элементам, которые стоят в прямом союзе с национальной буржуазией.

И в колониальных странах пролетариат также становится в роли гегемона в революционном движении. Это означает, что безбожное движение приобретает огромнейшую роль не только в Европе и развертывается не только в нашей стране, но и в целом ряде других стран, вернее—во всем мире. Несомненно мы в ближайшие годы будем иметь развертывание этого движения и в таких странах, где господствовала до последнего времени теократия. В Монголии примерно 40% населения еще недавно принадлежали к различным слоям духовенства. То была огромная организация, которая заключала в себе не только духовенство, в собственном смысле слова, но и людей, которые обслуживали молельни, кумирни, дацаны и т. д., огромную сеть школ, огромное хозяйство; по сути дела большая часть народного богатства была сосредоточена в руках этого духовенства. Хотя сравнительно поздно,—через несколько лет после революции,—началось раскулачивание этого духовенства. Оно идет вместе с своеобразной коллективизацией аратско-пастушеского населения, — и довольно успешно. За последние 2½ года (монголы не копируют нас, но идут своим путем) в Монголии удалось примерно наполовину уменьшить слой этого духовенства; значительная часть принадлежащего духовенству скота и другого имущества передана аратскому батрацкому и пастушеском у населению. Значительная часть духовенства покидает монастыри, и тем самым монашество разрушается. Революция, начавшаяся в такой стране, как Монголия, происходит и в других странах Востока, где, как, например, в Индии и Китае, также власть духовенства еще довольно сильна.

Вот перед лицом этой опасности, когда в СССР успехи нашего социалистического строительства вырывают последнюю почву из-под ног послед-

него капиталистического класса, когда вопрос «кто кого» в основном уже по сути дела решен, — в капиталистических странах также стоит этот вопрос — кто кого.

Во всяком случае перед пролетариатом всех капиталистических стран стоит вопрос о завоевании власти, перед пролетариатом всех стран стоит вопрос о гегемонии в происходящей революции.

Какую роль здесь играют церковь и религия?

Известно, что в этой борьбе церковные организации всюду были мобилизованы против СССР. Трудящиеся всего мира хорошо знают, как происходила эта попытка организовать «крестовый поход», когда папа опубликовал официальное воззвание к кардиналу Базилию Помпили, предложив организовать специальное молебствие, «чтобы бороться всеми возможными способами против этих святотатственных посягательств, а также привлечь к избавлению верующих всего мира». «На этом молебствии, — писал папа, — мы будем умолять святую беспорочную деву Марию, божью матерь, ее целомудреннейшего мужа св. Иосифа (смех), патрона всемирной церкви, и специальных покровителей России св. Анжелику — не Балабанову, конечно — (смех), св. Иоанна-Крестителя, св. Николая, св. Василия и святых Кирилла и Мефодия со всеми прочими святыми и особенным образом св. Терезу, которым мы специально доверяем будущее этих душ».

Мы все были очень растроганы тем, что папа поручил этим почтенным святым попечение о наших душах, но вся эта история провалилась позорнейшим образом.

Правда, кое-что удалось сколотить около этого дела, был поднят большой шум, но в результате получился о т х о д б о л ь ш и х м а с с от ц е р к в и; в результате папского послания кое-какие овечки из стада христова поняли, «что к чему», так как вокруг «крестового похода» шла обостренная борьба, вскрывшая его классовый смысл. Мы не молчали в это время, наши товарищи в Западной Европе тоже сделали все, что могли. В результате получилось даже кое-какое добро от этого для нас.

Но мы имеем еще целый ряд выступлений святых отцов, заботящихся о спасении наших душ. Недавно папа опять обратился с призывом к «скорбной молитве» за страждущих в СССР. Он призывал «с великой скорбью просить божьей помощи для наших братьев в Мексике и особенно для тех незабываемых борцов, которые во имя любви к господу Иисусу христу страдают и умирают в России и Сибири. Также следует еще помолиться за дорогих нашему сердцу миссионеров в Китае, которым в этой безбрежной стране приходится переносить великие мучения».

Напомню о выступлениях некоторых других святейших отцов, архиепископа Дергемского, который был возмущен тем, что рабочие, которые наиболее быстро откликаются на всякие призывы и обращения угнетенных, равнодушны к «ужасам» религиозных «гонений» в СССР:

«Ни один слой трудящихся, — говорил епископ Дергемский в парламенте, — не реагирует с такой быстротой на призывы к справедливости, как эта большая горняцкая масса, с которой я в качестве епископа Дергемского имею честь быть связанным в некотором отношении. Но рабочий видит эти вещи не так, как они есть, а через туман классовых предрассудков, искажающих действительность и скрывающих ее».

Плохо придется святым, если «классовые предрассудки» охватывают широкие массы.

Недавно «Морнинг пост» сообщил, что архиепископ Йоркский Вильям Темпль издал новую специальную молитву «за Россию». Темпль заявляет, что от епископов были получены ходатайства вновь назначить специальный

«день молитвы за Россию», но, по словам Темпля, «нынешнее положение требует постоянной молитвы».

Положение, действительно, очень печальное, когда им приходится переходить в этом отношении на непрерывку (смех).

Как относится рабочий класс сейчас к церкви?

Он ждет кое-где от нее помощи.

Ведь отделение церкви от государства нельзя себе представлять так, как некоторые у нас представляли: окружить-де церковь забором, это и будет значить — отделить ее от государства. Фактически этого отделения в капиталистических странах нет даже там, где имеются законы об отделении церкви от государства.

Церковь вошла во всю жизнь народных масс.

Достаточно назвать такую организацию, как «Общество христианских молодых людей» в Соединенных Штатах Америки, организацию, об'единяющую, миллион членов и имеющую примерно такой бюджет, как бюджет нашего Наркомпроса. Достаточно вспомнить «Общество христианских студентов», которое распространено не только в Европе, но и в других странах, или «Общество христианской рабочей молодежи» в Бельгии или «Союз подмастерьев» в Германии, имеющие очень широкое распространение, являющиеся, по сути дела, церковной организацией, как «Армия спасения» в Англии.

Мы имеем разнообразнейшие типы организаций, пытающихся охватить, как, например, в Бельгии, рабочую молодежь: из 800.000 членов бельгийской организации значительная часть состоит из рабочей молодежи. Этим христианским союзам удается устраивать хорошо организованные демонстрации даже в горняцких районах, где рабочие шествуют по праздничному одетые, с горняцкой лампочкой, с крестом и хоругвями, и поют псалмы.

Таким образом, нельзя представлять себе дело так, что обострение классовой борьбы на данном этапе означает полный разрыв с церковью. Этого еще нет. Массы идут к этому, но пока они еще находятся в значительной степени в плену буржуазной идеологии, прививаемой им церковью, религией. Всякого рода церковные общества капиталистов имеют громадные средства. Они делают вид, будто посредством благотворительности можно смягчить тяжесть переживаемого кризиса, по крайней мере пускают пыль в глаза: организуют где-нибудь раздачу супа или хлеба, кое-где детям раздают подарки, — между прочим, очень незначительному количеству детей,— но из этого делают очень большой шум, так что получается впечатление, что они действительно помогают.

Какой же выход предлагает церковь из этого кризиса?

Любопытны в этом отношении материалы, опубликованные нами в последнем номере «Антирелигиозника» в статье «Кризис капитала и церковь». Там приведена статья патера Иоганна Розенберга. «Кто не работает, тот да молится. Тот, кто не хочет молиться, тот да не ест, ибо он не выполняет высшей, данной ему творцом задачи», — пишет этот гнусный поп. Затем он дальше об'ясняет: «Действительно, кто не работает, тот должен молиться; в этом, как мне кажется, заключается глубочайший божественный (!) смысл безработицы: человек обязан больше отдавать богу, душе и религиозной деятельности. Кто не работает больше ради народа, тот обязан молиться на благо всего народа. Именно в этом смысле мы и говорим, что у безработного есть дело, имеющее значение для народного целого. Он не должен поддаваться ощущению своей ненужности или неполноценности. К сожалению, лишь немногие усвоили себе этот христианский смысл безработицы».

К несчастью для попов, не появился еще тот апостол, который ввел бы эти массы безработных в церковь, ибо эти массы идут на штурм капиталистов.

Дальше этот поп дает совет:

«При богослужениях, миссионерских выступлениях, в религиозные недели, в отдельных проповедях и докладах, в книгах и газетах, в летучих и воскресных листках, особенно в периоды массовых увольнений и длительного затишья, — следовало бы снова и снова указывать и напоминать: кто не работает ради общества, тот обязан молиться за общество и посвятить себя духовному, религиозному и сверх'естественному».

Вот «утешение», которое духовенство может дать: «Несчастия, — пишет один поп, Фридрих Мукерман, — существуют двоякого рода: одни смотрят всегда на тех, которые живут лучше их, другие же глядят на тех, которым приходится еще хуже, чем им. У тебя, может быть, нет работы, но ведь ты еще здоров. У тебя, может быть, нет хлеба насущного, но ведь в мире достаточно людей, которые голодают уже давно. У тебя есть еще солнце, весна, лес, милая жена, добрые дети, чистая совесть. У тебя остается еще надежда, что господь воззрит на тебя. У тебя есть еще возможность подражать примеру святых, которые радостно претерпевали нечто еще более тягостное и неприятное».

И дальше он, предвидя, что эта проповедь не очень благоприятно будет воспринята, говорит:

«Ты, может быть, насмешливо улыбаешься (какой догадливый! — *Е. Я.*) и говоришь: «достань мне сначала работу, а потом и приходи с твоими благочестивыми поучениями»? Я могу тебе ответить на это, что ты говоришь глупые речи — настоящая сорная трава с социалистической пашни. Если мы являемся христианами, то мы уже в силу одного этого должны каждодневно и каждочасно радоваться о кресте господнем и о словах евангелия»...

«Поскольку мне известно, существуют молитвы и для безработных. Эти молитвы можно всегда произносить про себя, наконец, можно достичь радостного состояния путем повторения солнечной песни святого Франциска».

Может быть, повторение песни св. Франциска попам поможет, но во всяком случае сейчас начали разыскивать специальных святых, которые помогают безработным. Такую святую сварганили в Шотландии. Извиняюсь перед попами, я забыл ее имя, но она «помогает» безработным, по их словам. Как она помогает, — это никому еще неизвестно.

Церковь, конечно, не может только этим ограничиться. Проповеди мало действуют сейчас на массы. Если бы то была еще временная безработица. Но, когда люди голодают годы, такие проповеди ни на кого уже не действуют всерьез.

Тут на помощь церкви приходит с.-д. партия. Она теперь совершенно оформила свой союз с церковью для того, чтобы помочь буржуазии предотвратить, подавить революционное движение.

Какой выход социал-демократия предлагает из этого кризиса?

Я позволю себе процитировать несколько выдержек.

Гильфердинг на с'езде германской социал-демократии в 1927 г. заявил, что

«Организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическими принципами планомерного производства».

(Гильфердинг, протокол с'езда СПГ в 1927 г., стр. 166).

Другой теоретик социал-демократии, Тарнов, говорил о том, что если для первой эпохи, для эпохи английского капитализма, типичны были Маркс

и Лассаль, которые уверяли, что заработная плата определяется не какими-то экономическими законами («какими-то» — это говорит социал-демократ!), что она зависит от стоимости рабочей силы и т. д., то для второй эпохи типичен Форд, который доказал, что капитализм может процветать и в то же время рабочие не должны оставаться бедными».

А социал-демократ Нафтали писал, что «циклическое развитие, при котором происходила регулярная смена под'ема и кризиса, о котором писали Маркс и Энгельс, относится к периоду раннего капитализма».

Карл Каутский, как известно, за последнее время стал доказывать, что причины кризисов надо искать уже не в капиталистических условиях производства, а в условиях природы. «Кризисы проистекают, — писал он, — большей частью из того, что сельскохозяйственная продукция не может расширяться с такой быстротой, как промышленная, т.-е. последняя снова и снова опережает первую. При этом время от времени должна возникать диспропорция между обеими».

Затем, когда н а ч а л с я последний кризис, социал-демократы писали: «1928 г. был годом мощного развития организованного капитализма. В 1929 г. началась новая эра капитализма. Новый капитализм преодолевает и устраняет все то, что обусловливало анархию капиталистического хозяйства. Новый капитализм подтверждает, что мировое хозяйство может вестись и в плановом порядке».

Сопоставим теперь с этим то, что писал Макдональд в английской газете «Форуорд» от 8 октября 1930 г.:

«Не я и не мои коллеги, не рабочее правительство сидит сейчас на скамье подсудимых. Подсудимым является капиталистический строй, потерпевший крушение в Англии, в Европе, в Америке. Этот строй потерпел крушение потому, что оно было неминуемо... Есть только одно средство для спасения и избавления человечества и это — социализм»...

А этот самый Нафтали, который писал о том, что теперь дело в шляпе, что организованный капитализм может устранить все кризисы,—вынужден в декабре 1930 г. констатировать:

«Капитализм оказался несостоятельным даже в своей самой современной форме... Организованный капитализм был тоже не в состоянии предотвратить присущие капиталистическому строю кризисы. Мировой экономический кризис небывалого размаха и остроты является ответом на титанические попытки капитализма покончить с кризисами при помощи капиталистических средств. Капитализм окончательно спасовал». («Арбейтерцейтунг», 25 декабря 1930 г.).

Что же они предлагают? — Н и ч е г о. У них нет н и к а к о г о выхода. Они вынуждены поддерживать всякого рода б у р ж у а з н ы е программы, потому что н и к а к о й с в о е й п р о г р а м м ы у н и х у ж е н е о с т а л о с ь.

Очень любопытна в этом отношении позиция Льва Давыдовича Троцкого — меньшевика, который пытается еще до сих пор носить личину коммуниста. Он недавно дал интервью газете «Манчестер Гардиан». В этом интервью он признает, во-первых, что пятилетний план не потерпел краха (а он предсказывал ему крах). «Это доказано теми усилиями, которые делаются для превращения его в план четырехлетний». А недавно еще он говорил, что это чистейшая утопия и авантюризм.

Правда, он и сейчас еще это повторяет: «Я лично рассматриваю эту попытку как преждевременную и необдуманную. Однако уже тот факт, что сотни советских экономистов, инженеров, директоров и профсоюзных деятелей допускают мысль (видите, как «тонко» выражается Троцкий, — мы только «допускаем мысль», — не то, что мы ежечасно, ежедневно, с помощью и поддержкой миллионных масс это осуществляем, а мы только

допускаем мысль) об этом, о подобном сокращении сроков, доказывает, что план далек от крушения, как это было заявлено наблюдателями из Парижа, Лондона, Нью-Йорка (и, надо добавить, из особняка на Принкипо, самим Троцким).

Затем он доказывает, что «нынешнее народное хозяйство вовсе не является вступлением в фазу социализма». Он решительно против этого возражает и говорит, что, дескать, это такая особенная переходная стадия, которая таит в себе обильные противоречия и может привести к серьезным кризисам и т. п. «Однако, — говорит он, — возвращаясь к нашему вопросу, будет ли пятилетний план осуществлен, необходимо точно установить, что означает «осуществление». Не может быть и речи о спортивных рекордах. Я понимаю пятилетний план, как рабочую гипотезу, применяющуюся как набросок гигантского эксперимента, результаты которого ни в коем случае не могут точно совпасть с предположениями. Взаимные соответствия, обязательные между различными разветвлениями хозяйства, не могут быть с точностью установлены на несколько лет. Поправки к рабочей гипотезе с целью уравновесить ее части могут быть вводимы во время самой работы. Однако я придерживаюсь того мнения, что с естественными важными поправками и изменениями план, называемый пятилетним, осуществим».

Теперь совершенно ясно, что это не «эксперимент», не авантюра — одним словом, не то, что говорил о пятилетке Троцкий, подпевая буржуазии.

Но что Троцкий предлагает? Он предлагает довольно любопытный **план спасения капитализма, капиталистического строя**. Продолжая доказывать, что наши темпы — это спортивная проблема, он говорит:

«Я решительно восстаю против бюрократического максимализма, который подвергает опасности широкий под'ем национализованной промышленности. На протяжении последних лет я также несколько раз предупреждал против бюрократической гонки в области коллективизации сельского хозяйства... Я также находил целиком неправильной и даже опасной авторитету официальных кругов такую тактику их, словно теперь, на третьем году пятилетки, Россия уже вступила в социализм». И он предлагает такой план спасения капитализма. «Допустим, — говорит он, — на одну минуту, и только для целей доказательств, что **британское правительство сидит за одним круглым столом с правительством СССР за выработкой плана экономического сотрудничества на целый ряд лет**. Допустим, что этот план обнимает большинство значительных отраслей народного хозяйства обеих стран и в противоположность ряду других конференций круглого стола имеет своим последствием совершенно конкретное взаимное соглашение на такое-то число тракторов, электротехнических единиц, текстильных машин и т. д. Англия получила бы соответственное количество зерна, леса, быть может, позднее хлопка, — все, разумеется, по ценам мирового рынка. Если этот план начать с небольшого, он будет иметь тенденцию развиваться в форме опрокинутого конуса, год за годом расширяясь и охватывая все большее число предприятий».

Одним словом, в конечном счете все наиболее важные отрасли хозяйства обеих стран срастутся между собой, «как кости черепа».

Я не знаю, какие кости черепа Льва Давыдовича срослись с теми, которые сейчас сидят за круглым столом в Англии. Но если продумать до конца эту мысль, то что она означает?

Троцкий предлагает свой план не в виде временной меры, не для того, чтобы помочь **социалистическому строительству нашей страны**, а для того, чтобы найти какой-то выход из кризиса **для капитализма**: он хочет **спасти капиталистические страны**, ка-

питалистические хозяйства от кризиса. Вот до чего договорился меньшевик Троцкий.

Это все-таки наиболее связный план: у других социал-демократов даже такого убогенького плана нет.

Такова обстановка, из которой мы должны исходить, когда подходим к вопросам нашей антирелигиозной пропаганды.

Мы одно время, как известно, были в одном безбожном союзе с социал-демократией; после пролетарской революции на протяжении нескольких лет мы пробовали сотрудничать с социал-демократами для того, чтобы овладеть массами, которые входят в это об'единение — Интернационал пролетарских свободомыслящих («Internationale proletarischen Freidenker»).

К чему привело это сотрудничество?

Оно прежде всего не только нас, но и широкие массы убедило в том, что социал-демократы организуют антирелигиозные безбожные общества не для того, чтобы на самом деле вести атеистическую пропаганду, а для того, чтобы бороться с подлинным воинствующим атеизмом, с материалистическим атеизмом рабочего класса и подменять этот воинствующий атеизм пролетарских масс либеральной демократической поповщиной, прикрытой буржуазным свободомыслием.

Такого типа буржуазные свободомыслящие, которые пытаются подчинить своей гегемонии нарастающее атеистическое движение рабочего класса, пытаются в буквальном смысле притупить это орудие воинствующего атеизма, вырвать это орудие борьбы у рабочего класса, являются естественными союзниками социал-демократии — господ Сиверсов, Гартвигов и им подобных.

Ведь у нас с ними острые разногласия проявились как раз в том, что они за спиною нашей начали сговариваться с Союзом буржуазных свободомыслящих в Бельгии, пытались завязать связи с буржуазными организациями других стран и превратить Союз, который они называли ИПС — Интернационал пролетарских свободомыслящих, — просто-на-просто в Интернационал добреньких либеральных буржуа.

Для социал-демократов ИПС — только маскировка.

Мы знаем, что социал-демократы заключили конкордат с папой во время своего господства в Германии, что они предоставили духовенству громадное влияние в школе. Дело дошло до того, что социал-демократы издают газету, которая называется... «Красный католик». Это все равно, что мы стали бы издавать газету «Красный кулак» или «Красный буржуй» (смех).

Мы имеем в германской социал-демократии специальные группы верующих социал-демократов. Не говоря уже о том, что это есть прямая открытая попытка социал-демократии вовлечь членов с.-д. партии в религиозную организацию, мы имеем здесь прямой союз социал-демократии с папством, с церковью.

Таким образом, говорить о том, что социал-демократы могут вести какую-нибудь серьезную антирелигиозную работу, не приходится. Вот почему нам приходится обсуждать задачи нашей работы, имея в виду и эту большую работу воинствующих атеистов в международном масштабе.

Надо иметь в виду, что наш Союз воинствующих безбожников по величине является самым большим союзом. Он насчитывает сейчас больше 3½ млн. членов. Он и по достигнутым результатам является самым крупным союзом. И, конечно, при всех недостатках нашей работы, при наличии того факта, что мы бедны хорошей литературой и т. д., мы имеем все-таки в этом отношении больше, чем какая бы то ни было другая антирелигиозная орга-

низация. Надо иметь в виду, что нам придется вести решительную борьбу с социал-демократией на этом фронте, потому что мы имели уже целый ряд выступлений социал-демократов, открыто солидаризировавшихся с папой.

Например, во время папской кампании «крестового похода» известный меньшевик Далин писал в «Социалистическом вестнике», что социал-демократы большей частью являются безбожниками, но именно поэтому они считают «своим долгом поднять голос самого громкого и решительного протеста против тех преследований, которым подвергаются церкви всех религий сейчас в Советской России».

«Именно потому, — пишет Далин, что нам совершенно чужды всякая религиозность и церковность, мы призываем все революционные социалистические элементы России и Европы, все, что есть честного и прогрессивного (подумаешь, что там еще осталось «честного и прогрессивного», в этой социал-фашистской банде продажных политических проституток!), чтобы заклеймить борьбу с религией при помощи концлагерей и Соловков, способную добиться лишь результатов нового под'ема и новой вспышки религиозных чувств».

Белогвардейцы всех мастей, интервенты всех капиталистических стран вправе наградить «Социалистический вестник» за такое оправдание антисоветского «крестового похода».

Другой такой же «социалист» — Гарви — писал, что «большевизм не имеет никакого морального права отбрасывать протесты папы против террора на религию».

После того, что мы сейчас узнали о прямом союзе меньшевиков-интервенционистов с Рамзиным и пр., о том, что они вместе с ними, в союзе с империалистами, подготовляли интервенцию, нас уже ничто не удивляет. Но нам нужно видеть этого врага совершенно ясно.

А что происходит у нас внутри страны? Нет никакого сомнения в том, что контрреволюционная работа церкви и сектантских организаций в СССР связана с контрреволюционной работой папы, социал-демократов и всей мировой буржуазии. Мы имели контрреволюционные заговоры церковников. Достаточно вспомнить процесс украинской автокефальной церкви, во главе которой стоял социал-демократ, надевший поповскую рясу.

Недавно мы разоблачили организацию федоровцев. Процесс федоровщины вскрыл, что эта организация была создана кулаками, остатками белобандитов на Дону. Она была особенно распространена в быв. Россошанском окр. ЦЧО. Федоровцы прямо угрожали весной 1930 г. колхозникам: «вы сеете, а мы косить будем», «в ближайшую войну мы уничтожим всех большевиков» и т. д.

Мы имели недавно процесс имяславцев. Организаторы этой контрреволюционной организации — Григорович, Яковлев, Бутенко — офицеры царской армии. Тут и Макаровский — быв. туапсинский городской голова и председатель «Союза русского народа», тут и Тимошенко — монах Старого Афона, и прочая контрреволюционная братия. Какова их программа? — Бороться с советской властью. От всякого вновь вступавшего они требовали клятвы бороться с советской властью, не служить в Красной армии, не служить советской власти ни в каких должностях, не вступать в крестьянские комитеты взаимопомощи, не вступать в кооперацию и не брать в руки советской кооперативной книжки, не учиться самим и не учить детей в советских школах, не обращаться к помощи советской медицины, не посещать изб-читален, не выписывать и не читать советской печати, не платить налогов, ждать конца советской власти и терпеть гонения, потому что с приходом белых они будут вознаграждены.

«Нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Имяславцы, федоровцы разоблачены, — мы раскрыли планы наших классовых врагов. И мы еще и еще раз убедились, что имеем под видом церкви настоящую контрреволюционную организацию.

Нам прислали недавно книжку в желтой обложке. Это — настоящая желтая литература; напечатана она не плохо, четким набором, довольно хорошим шрифтом и послана специально Союзу воинствующих безбожников СССР. Эта книжка распространена в Закавказье. Это очень любопытная литература. Вот некоторые выдержки из нее:

«Дух злобы вышел из тьмы бездны, чтобы повергнуть к своим стопам миллионы.

Пробил час испытаний!

Будьте бдительны, будьте тверды и драгоценный венец, который ожидает вас, не променяйте на жалкие побрякушки.

Это ничего, что страшно завывают ветры и безумствуют стихии.

Христианину нечего терять, кроме земных цепей, приобретет же он вечную жизнь».

Там даются также такого рода лозунги: «Вы еще не до крови сражались»... «Убивающий будет думать, что он тем служит богу».

Затем имеется специальный лозунг о социализме и коммунизме: «Борьба за социализм — новое звено в цепи человеконенавистничества. Стоячее болото коммунизма не вызывает у его строителей ни энтузиазма, ни радости. Их кровожадные инстинкты жаждут лишь новых потрясений. Мещанское благополучие коммунизма, пригвождающее людей к земле, — главная ставка безбожия. Но ему не убить мечты о горнем».

Не плохо, как видите, с точки зрения контрреволюционной, составленная книжка, при чем она будто бы направлена против официальной церкви, против поповщины. Здесь сказывается п р и с п о с о б л е н и е п о д н о в о г о ч и т а т е л я, которого официальная поповщина не удовлетворяет. Нужно дать этому человеку из массы что-то иное, и вот ему преподносят желтую контрреволюционную поповскую пропаганду. Надо сказать, что пропаганда поповщины сейчас ведется более изощренно, чем раньше. Это нужно иметь в виду.

Взять, например, «письма с неба». Это — до сих пор очень распространенный вид поповской пропаганды. Крестьянин или рабочий получает «письма с неба» такого, например, образца:

«Дорогие товарищи-колхозники. (Смех). Посылаю я вам из небесного царства письмо, в котором прошу вас выйти из колхоза и принять на себя ударную работу по развалу своего колхоза. Кто не поставит себе эту задачу, тот пойдет прямо в ад, а кто поставит, тот будет принят мною в святые угодники и получит царствие небесное». Видите, бог вынужден вступить в прямую переписку с колхозниками.

Обычно требуется, чтобы были сделаны и распространены десять копий. Такое письмо было распространено в Россошанском р-не ЦЧО.

Вот другие письма с неба:

«Я — господь бог ваш, и говорю вам: настал момент, когда дьявол запутывает народ в сети свои — в колхозы. Тот, кто не соблазнится колхозами, спасется, всех же колхозников уничтожу в ближайшие дни. А также уничтожу тех, кто не будет носить креста на груди своей» (Ровенецкий р-н Донбасса).

«Братие во христе! В святом городе Иерусалиме был слышен голос христа: пропала Россия. На земле появились антихристы, которые воплотились в большевиков. Народ не верит в бога. Надо усердно молиться о помиловании. Кто еще хочет быть помилован, должен распространить по де-

вять экземпляров по домам. Выполнив это господне задание, ты будешь помилован» (Б. Черниговки, Б.-Глушицкий р-н, Ср.-Волжский край).

Это письмо распространялось в районе колхоза «Луч» в момент, когда при успешном росте этого и соседнего колхоза организовался новый, объединенный колхоз «Степной маяк».

Такого рода литература очень распространена. Она распространяется почтой, потому что это пересылается в массе писем.

Агитация против колхозов принимает самый разнообразный характер. Например, в Ульяновском р-не по деревням ходил человек, который называл себя посланцем божиим и агитировал против колхозов. Он говорил, что бог послал его, что в Киеве ему было веление итти и говорить против колхозов, что приближается конец света, и уговаривал крестьян не итти в колхозы, ибо колхозы — антихристово дело.

16,6% хозяйств (40 из 241) состоят в колхозе в д. Косулино, Тумского р-на, ЦЧО. Большое влияние на верующую часть оказывают члены церковного совета, которые распространяют среди единоличников слух: «Если пойдете в колхоз, вас не пустят в церковь, церковь закроют» и т. д.

В с. Вторая Иноковка, Кирсановского р-на, ЦЧО, контрреволюционную агитацию вела некая «мать Елена». Елена лечила больных, при чем ставила им, например, такие условия: «Выпишись из колхоза, тогда вылечу». Обыск у Елены обнаружил шестидесятиметровый подземный ход из ее дома в церковь. На протяжении прохода найдено четыре склада с керосином, сухарями, разнообразными продуктами, золотыми вещами и т. д. Всего хватило на семь подвод.

В с. Мураеве, Милославского р-на, Московской обл., нищий странник рассказывал, что он был в колхозе: «Все у нас отобрали, всех по миру пустили, а нас было 100 семей. Так и вы,—если господа прогневите и в этот чортов колхоз запишетесь, пойдете с сумой». Выяснилось, что странник служил дьяконом в одной из соседних церквей, теперь закрытой.

В с. Пырме, Кочкуровского р-на, Мордовской автономной обл., распространились слухи, что одной монашенке явился Серафим Саровский и сказал: «Кто пойдет в колхоз, того побьет «огненный дождь».

Борьба ведется не только в этих формах. Мы имеем совершенно определенные факты черного террора, участие церкви во всякого рода заговорах против колхозов, против бедняков, против деревенских активистов. Здесь особенно видно, как на данном этапе, когда борьба очень обострилась, духовенство, действительно чувствуя, что подходят его последние годы, борется всеми средствами против нас. Борются те, которые не хотят уступить, хотя уступили довольно многое: так, мы имеем массовый отказ (буквально тысяч) священников от своего ремесла.

Нельзя, однако, думать, что религия исчезнет сама собой. Из того, что плановое хозяйство вырвет почву из-под ног религии, из того, что уничтожение эксплоататорского класса вырвет массы из-под реакционного влияния религии, из того, что исчезают сейчас экономические и социальные предпосылки, которые порождали религию, поддерживали религиозные настроения,—из всего этого еще не следует, что так же быстро будут отмирать религиозные верования.

Мы хорошо знаем, как живуча идеология прошлого, как она переживает определенный экономический строй, ее породивший.

Нельзя стоять сложа руки и ждать, что религия сама собой, «самотеком» отомрет, нельзя думать, что здесь безбожникам делать нечего.

Но, к сожалению, такая точка зрения кое у кого есть, и у наших научных работников, и у общественных работников на местах. Многие думают, что раз религия отмирает и массы отходят от религии, то антирелигиозная пропаганда не нужна.

А то, что массы отходят именно благодаря антирелигиозной пропаганде, что антирелигиозная пропаганда ускоряет этот процесс, облегчает процесс выработки новой, материалистической идеологии, материалистического мировоззрения, вместо обветшалой средневековой заплесневевшей идеологии, — этого многие не понимают или забывают.

Мы имеем в лице религиозных организаций прямое препятствие нашей социалистической стройке. Под флагом церкви ведется прямая агитация, прямая и скрытая борьба против колхозов. Так же широко идет работа по линии религиозных организаций, направленная к развалу колхозов. С другой стороны, мы имеем широкое празднование церковных праздников, несмотря на нашу непрерывку и пятидневку, мы имеем такого рода факты, как сообщение из Свердловска в отношении, например, Сухольского леспромхоза, в котором на местный престольный праздник ушла ⅓ лесорубов: из одного Шоринского участка ушло около 300 лесорубов, из-за чего прекратилась рубка и вывозка.

В трехдневный праздник «Николы» в д. Балохиной и Белозерской, Нижегородского края, было истрачено 6 тысяч рублей, т.-е. сумма, превышающая больше чем вдвое ту сумму, которая была уплачена по соц. страхованию.

Три дня лесорубы-возчики целой окрестности в Ленинградской обл. праздновали «крещение», катались на конях, пили и хулиганили. Лесозаготовки упали до минимума. В лесу из 500 лесорубов не работал ни один человек. Недовыработано 4.000 кубометров древесины, недовывезено 6.000 кубометров дров. Особенные прогулы и явное симулирование замечены у сектантов-старообрядцев. В Нароновском участке вместо 1—2 тысяч кубометров выработки за декаду староверы выработали только 25 кубометров.

В четырех селениях Загорского района, Московской обл., 350 хозяйств пропили и прогуляли за три дня празднования «Николы» 13.700 руб. (МТС в 9 тракторов).

В «престольный» праздник «Савватия» по Шадринскому району крестьянством израсходовано на религию и водку 3.400 руб. В религиозный праздник «Козьмы-Демьяна» в д. Дерки, Ермоловского района, Ивановской обл., пропито 540 руб. Крестьяне деревень Просеницкого сельсовета, Меленковского района, Ивановской обл., пропили в «казанскую» (4/XII—8/XII)—50.000 руб.

По боровическим заводам Стройоб'единения (Ленинградской обл.) только за три дня «Николы» прогулено 600 человеко-дней, недодано продукции 11.000 тонн.

В Гостищевском сельсовете, Белгородского р-на, ЦЧО, население которого коллективизировано на 40%, престольный праздник «Михаила» праздновался три дня. Было выпито 25 ведер спиртных напитков. По сельсовету распространение займа «Пятилетка в 4 года» проведено только на 680 руб., против контрольной цифры в 3.100 руб.

Газета «Бежецкий рабочий» (Зап. обл., 24/XII) приводит подсчет религиозно-пьяных прогулов. За 11 воскресных дней ноября—января 1929/30 г. завод «Красный Профинтерн» потерял свыше 1½ тысяч человеко-дней на самовольных прогулах, а в переводе на деньги—22.764 руб., или 2.243 плуга. За 7 дней «рождества» 1929/30 года прогульщики нанесли убытка за-

водку 25.000 руб. Из-за усиления роста прогулов в религиозные праздники недовыполняется промфинплан Дабужского комбината в Сухиничах, Зап. обл.

Предзавкома, однако, отзывается так об антирелигиозной работе: «Эта работа не особо важная. И без нее много дел».

Почти все с. Каверино, Московской обл., семь дней пьянствовало по случаю «Николы». Было несколько крупных драк. Пропито более 10.000 р., а школа в селе вся в щелях, печи развалились и дымят.

Все эти факты активной деятельности церкви и церковников,—а их можно насчитать тысячи, — заставляют нас очень внимательно отнестись к антирелигиозной пропаганде. Успех антирелигиозной пропаганды мы имеем большой, но работы еще много. Мы в наших условиях борьбу против религии рассматриваем как один из участков борьбы за социализм, как борьбу за интернациональное воспитание, как борьбу со всякого рода национальными и расовыми предрассудками, всякого рода шовинизмом, борьбу с бесправным приниженным положением масс. Мы никогда не отрывали и не должны отрывать антирелигиозную пропаганду от задач классовой борьбы. И даже в Западной Европе вопрос об антирелигиозной пропаганде стоит в том же классовом разрезе,—это нередко одна из ступеней, через которую масса, еще не пришедшая к коммунизму, подходит ближе к задачам нашей партии.

Как мы отвечаем на развертываемую еще до сих пор религиозную пропаганду?

Антирелигиозная пропаганда в наших условиях есть борьба за качество, за темпы социалистического строительства, за ударничество, за соцсоревнование. Мы уже имеем несколько лет существующие безбожные села, безбожные коммуны. Некоторые из этих сел являются образцовыми коллективными хозяйствами, электрифицированными, с машинно-тракторными станциями, с машинно-тракторным парком, имеющим громадное влияние на окружающие районы.

Число таких безбожных колхозов, ликвидировавших необходимость в попах и религии, быстро растет за последнее время.

Некоторые товарищи говорят даже, что нам следует начать разрабатывать нечто вроде пятилетнего плана создания таких безбожных сел. В Якутии, например, умудрились в каком-то районе полностью ликвидировать религию. Мы такой задачи ставить не можем и, мне кажется, не должны, так как это было бы чем-то искусственным, нежизненным, высиженным в кабинете,—это было бы неизбежно связано с перегибами.

Не нужно забывать,—я это особенно подчеркиваю,—что именно в этой области всякая спешка вредна, что здесь нужна углубленная, терпеливая, настойчивая работа.

Мы имеем очень широко распространенные явления посева «безбожных гектаров». «Безбожный гектар» — это звучит несколько странно, — это специальные гектары, засеянные для укрепления антирелигиозной работы, для выполнения целого ряда задач, свойственных нашему движению. Безбожные бригады, цехи, заводы — это есть классовая борьба, ведущаяся под флагом антирелигиозной работы. Такая форма антирелигиозной пропаганды идет по линии нашего социалистического строительства и, органически связанная со всей классовой борьбой, закрепляет достигнутые пропагандой результаты.

Мы имеем громадный рост нашего союза. В 1926 г. было 86.000 членов СВБ, в 1927 г.—138.000, в 1928 г.—123.000, в 1929 г.—465.000, в 1930 г.—около 2.000.000, в середине 1930 г.—около 3.000.000, на 1/X 1930 г.—около 3.500.000. Сейчас это число несравненно больше.

У нас растет сеть антирелигиозных учебных заведений. Мы имеем по настоящее время 85 антирелигиозных университетов и антирелигиозных отделений при рабочих университетах.

Но при нынешнем темпе роста безбожия этого количества совершенно недостаточно; надо принять во внимание громадную тягу рабочих, громадную тягу сейчас колхозников к тому, чтобы получить определенные знания в этой области. Наши доклады — сплошь и рядом поверхностные доклады, не основанные на более глубоком изучении вопроса — сейчас уже не удовлетворяют массы. Конечно, мы не должны быть своего рода коммунистическими попами, начетчиками в этом вопросе. Необходимо, чтобы мы выступали как люди, которые антирелигиозную пропаганду рассматривают только как один из способов классового воспитания, как один из методов этого воспитания. Но для этого нам необходима всесторонняя подготовка гораздо более широких кадров, и, конечно, здесь для этого нужен более систематический, чем это было до сих пор, продуманный план соответствующей марксистской литературы, нам необходима четкая идеологическая борьба.

У нас создано 44 антирелигиозных музея. Некоторые из них имеют сейчас гигантское значение. Наш Центральный антирелигиозный музей в Москве посетило в течение лишь последнего года 263.000 чел., т.-е. более четверти миллиона. Это—один из наиболее посещаемых музеев в нашей стране. Интерес к нему громадный. Важно то, что идет в него в значительной степени верующий; сначала он идет из любопытства и выходит оттуда иногда отплевываясь, но с большим гвоздем сомнения в голове.

Возьмем далее нашу печать. В 1927 г. было издано 700.000 печатных листов-оттисков непериодики, в 1929 г.—34 млн., в 1930—50 млн. Сейчас это у нас узкое место, так как нет бумаги. Мы вынуждены сокращать газеты. Мы не можем выпускать такое количество литературы, которое сейчас требуют массы. В этом отношении у нас имеется отставание от необыкновенно возросшего спроса на безбожную литературу.

Мы издаем большую газету «Безбожник», имеющую 400-тысячный тираж, и журн. «Безбожник», имеющий также большой тираж, журн. «Антирелигиозник», печатающийся в 30.000 экз., и, наконец, журнал «Воинствующий атеизм», подписка на каковой к выходу только № 2 уже превысила 5.000 [1]). Наши товарищи в Западной Европе сейчас имеют довольно крупные организации: в Америке—130 тыс. членов, во Франции—360 тыс., в Чехо-Словакии — 80 тыс., в Швейцарии вновь возникла организация пролетарских безбожников «Der Gottlose».

В Бельгии имеется организация «Matérialiste», в Мексике и целом ряде других стран имеются подпольные организации, имеется и своя пролетарская атеистическая печать.

Антирелигиозная работа пробудила такие запросы масс, над которыми нам очень много надо работать.

Не следует забывать, что религиозному человеку религия давала ответы на целый ряд вопросов в жизни. Он теперь ищет этих ответов у нас. Он хочет, чтобы мы дали ему ответ, в ы д е р ж а н н ы й с п р о л е т а р с к о й т о ч к и з р е н и я.

Над этим много надо работать.

Иногда наши философы забывают о том, что нужно дать трудящимся законченное диалектико-материалистическое мировоззрение.

---

[1]) Кроме того, в СССР издаются: «Юный безбожник», журнал детского антирелигиозного движения, антирелигиозные журналы на армянском, грузинском, немецком, украинском, ново-еврейском, латышском, узбекском, татарском, бурятском, башкирском и других языках.

И в этом отношении громадное преступление перед всей нашей страной, перед всем нашим движением то, что журн. «Под знаменем марксизма» забыл, что он должен быть органом воинствующего атеизма.

Тов Митин правильно отметил в своем докладе, что нельзя было ждать от старого философского руководства, чтобы оно устремило внимание в эту сторону.

Тем более нам нужно на этой задаче заострить внимание. Масса ставит целый ряд вопросов, связанных с естествознанием, с религией, с выработкой целостного материалистического мировоззрения.

И нам надо уметь ответить на эти вопросы.

Между тем на этом фронте у нас громадное отставание. Недооценка антирелигиозной пропаганды была одним из грехов деборинской школы. Теперь подул, как будто, свежий ветерок. Мы ждем, что поворот на философском фронте будет не только декларацией, а что наступит действительное приближение всей работы О-ва воинствующих марксистов-диалектиков к работе Союза воинствующих безбожников.

После смены философского руководства товарищи занялись этим вопросом.

Эти же вопросы будут разрабатываться и у нас, в нашем теоретическом органе «Воинствующий атеист».

Но этого мало.

Мы требуем от марксистов-философов самого непосредственного участия в нашей антирелигиозной пропаганде. Мы должны решительно бороться с остатками деборинщины, а также и с недооценкой антирелигиозного движения.

Мы не должны забывать, что на этом участке у нас, так же как вообще на философском участке, главной опасностью являются механисты.

Здесь я должен вернуться к старому спору, который возник года полтора назад.

Вопрос ставился так, что нельзя нам сотрудничать с механистами в антирелигиозной работе. Я в споре с деборинцами сослался на указания Ленина, что для борьбы с врагами мы можем даже заключить «союз» с буржуазными материалистами. Поэтому мы не можем изгнать из нашего антирелигиозного союза членов партии механистов; но мы требовали и требуем от них, чтобы они свои механистические ошибки оставили за порогами союза.

Мы не позволим им проводить свои механистические взгляды в антирелигиозной пропаганде. Мы требуем, чтобы в нашей антирелигиозной литературе они дали исчерпывающую критику своих ошибок. Если мы в партии требуем от товарищей, которые хотят быть нашими единомышленниками, чтобы они дали открытую критику своих ошибок, чтобы они заявили, что они признают свои утверждения ошибочными, — этого же мы требуем от механистов. Тов. Тимирязев и др. говорили, что они, механисты, по существу дела боролись только против деборинской школы, против извращения материалистической диалектики. Почему теперь, когда ЦК партии и вся наша философская общественность дали отпор этой группе, сменили руководство и стали на новый путь, почему мы от них не слышим такого заявления, что они не только прекращают борьбу на этом фронте против диалектического материализма, но что они впрягаются в положительную работу по очищению его от всяких извращений, в том числе и механистических, что они будут критиковать ошибки, допущенные ими?

На этом фронте у нас не может быть двух систем мышления, и здесь надо внести полную ясность.

Мы, конечно, будем поэтому и механистов и меньшевиствующих идеалистов беспощаднейшим образом критиковать.

Но от решительной постановки вопроса перед товарищами о том, что они обязаны свои ошибки критиковать, еще далеко до того, чтобы мы им заявили: «Убирайтесь вон, мы вам никакой антирелигиозной работы не дадим».

Приведу пример из практики ЦК партии. ЦК партии вынес известную резолюцию, критикующую положение на философском фронте, — резолюцию о журнале «Под знаменем марксизма».

Критика дана очень резкая.

Постановка, не терпящая двух разных толкований.

Однако организационно как было закреплено решение ЦК?

В журнале «Под знаменем марксизма» мы находим имена: т. Тимирязева, которого мы до сих пор считали и считаем принадлежащим к школе механистов, и т. Деборина, линия которого осуждена.

Следовательно, ЦК партии дело рассматривает так: «Мы осуждаем эту линию, мы считаем ее неправильной, мы требуем от вас решительного исправления, мы требуем решительной критики. Но вместе с тем мы вам даем время обдумать решительно осужденные партией взгляды».

ЦК партии — решающий штаб — включил в редакцию этого журнала товарищей, которых осудил.

Значит, не так стоит вопрос, как себе представляют некоторые товарищи: раз ты еще не признал до конца и не раскритиковал до конца всех своих ошибок, то тебе не место вообще на этом фронте. Нет, мы считаем, что нужно дать время еще подумать этим людям. Мы беспощадно критикуем их неправильные взгляды, мы их исправляем, — на то мы и претендуем на руководство.

Если бы все наше руководство заключалось в том, что мы, так сказать, ставим себе задачу «изловить и повесить», это, конечно, было бы очень легко. Руководство заключается в том, чтобы воспитывать людей, чтобы переделывать людей, чтобы их ошибки исправлять.

Это гораздо труднее, но этого надо добиться, потому что выработка стройного материалистического мировоззрения не всякому дается сразу. У многих это проходит через ряд ступеней, через ряд ошибок. Было бы неправильно, если бы мы каждого ошибающегося отталкивали на том основании, что он не до конца к нам приблизился вместо того, чтобы помочь ему подойти до конца.

Борьбу на два фронта мы должны вести неуклонно, последовательно, проводя решительную самокритику в наших рядах. С точки зрения выпрямления линии антирелигиозной пропаганды мы должны пересмотреть все наши антирелигиозные издания. У нас имеется громадная литература, выпущенная, например, издательством «Атеист». Надо прямо сказать, что «Атеист» выпустил в числе других ценных изданий ряд книг и идеалистического содержания. Эти книги надо внимательно пересмотреть, исправить в новых изданиях имеющиеся ошибки, подработать ряд выдержанных идеологически пособий по антирелигиозной пропаганде.

Затем, если требует нашего отпора правооппортунистическая установка, которая была в области антирелигиозной пропаганды и была связана с механистическим мировоззрением, с механическим подходом, то надо также дать решительный отпор тем идеям, которые нас критикуют «слева», потому что они являются необычайно вредными. Мы должны самым решительным образом выступить против идеалистического понимания происхождения религии, против вульгаризирования диалектического материализма в

этом вопросе. Но мы должны дать также отпор левым загибам в нашей антирелигиозной пропаганде, в нашей теории антирелигиозной пропаганды.

Правда, за последнее время мы все меньше и меньше имеем наскоков на нашу линию по этим вопросам, — в этом отношении мы достигли определенного успеха.

Но если мы посмотрим, что же сделано, например, в области подготовки всякого рода научных пособий, то у нас до сих пор не было хорошо подготовленного сборника — «Ленин о религии». Товарищи из «Атеиста» издали эту книгу, в этом их заслуга. Мы и этого не сделали. Пора сейчас в ударном, срочном порядке поставить себе задачу издать такие пособия, как «Ленин о религии», «Маркс и Энгельс о религии», «Ленин и Плеханов о религии».

Ведь мы не имеем до сих пор даже книги Дицгена о религии. Разве это нам не нужно? Мы не имеем изданных как следует работ Лафарга, представляющих громадную ценность. Есть неполное издание работ Лафарга, но далеко не все его антирелигиозные работы. Нужно издать работы некоторых анархистов, примыкающих к марксизму, — конечно, с примечаниями, с комментариями. Есть, например, работа известного голландского анархиста Домелы Ньювенгуиса, есть целый ряд других работ, требующих, чтобы мы их издали, чтобы дать возможность нашим товарищам на них учиться и теоретически расти. Мы надеемся, что эта работа будет теперь ускорена.

В № 1 «Воинствующего атеизма» на стр. 192 дан единый план научно-исследовательских работ антирелигиозных учреждений и организаций СССР. Этот план разработан целым рядом наших товарищей, и там подробно перечисляются задачи, которые стоят перед нами.

Я бы хотел только к тем задачам, которые здесь представлены, например, вопросы происхождения религии, вопросы истории и пр. и пр., поставить ряд задач более актуальных, чтобы внимательно присмотреться к тем процессам, которые сейчас происходят и которые характеризуют **отмирание** религии; необходимо изучать процесс отмирания религии в эту переходную эпоху и показать, как будет отмирать религия на ближайших этапах.

Конечно, надо иметь в виду, что эта работа требует поддержки партийных организаций. Мы имеем в целом ряде парторганизаций пренебрежение к антирелигиозной работе.

Мне прислали из Владивостока один документ, чрезвычайно характерный в этом отношении. Партийная ячейка обменяла красный уголок на помещение сектантской молельни, уступила красный уголок секте адвентистов. Конечно, это решение было отменено, но такое решение показывает, что есть члены партии, которые ничего не поняли в нашем отношении к религии. Ведь партия и на XVI с'езде дала указания, что надо **усилить, укрепить** антирелигиозную пропаганду. Этого, к сожалению, не было сделано.

В этом отношении мы имеем целый ряд фактов. Например, на костромской текстильной ф-ке им. Ленина секретарь партколлектива заявляет, что ячейке СВБ не место на производстве, а ее место в общежитии, что на фабрике должна быть **только** производственная работа. Но на той же фабрике имеется группа сектантов-чуриковцев в **несколько сот** человек.

Как видите, религиозные секты там имеют свои ячейки и бьются за влияние на рабочих.

А этот слепой секретарь партколлектива говорит: «А вы, СВБ, убирайтесь отсюда». Этим он очищает поле борьбы чуриковцам.

В некоторых организациях существуют попытки итти по линии наименьшего сопротивления, — тоже оппортунизм своего рода.

«Зачем так много обществ»? «О-во борьбы с неграмотностью», «Друг детей», «Союз воинствующих безбожников», «МОПР» — нельзя ли все это слить в одно?»

Конечно, слить можно что угодно, но такое слияние означало бы, что ни в одной области как следует работа не велась бы, что политический смысл каждой из этих отдельных организаций был бы совершенно смазан.

С такими фактами нам приходится иметь дело во многих организациях. Поэтому было бы важно, чтобы конференция ОВМД подчеркнула необходимость самого внимательного отношения к антирелигиозной работе со стороны наших партийных, профессиональных организаций и комсомола.

Комсомол был и является застрельщиком в самых лучших наших передовых начинаниях. Но сейчас он в области антирелигиозной работы очень сильно отстает. Например, член Кадиевского комсомола заявляет: «Убейте меня, до сих пор не подозревал, что антирелигиозная работа является участком классовой борьбы».

Вот какая тут невинность в этой части!

К сожалению, такой секретарь ячейки не одиночка.

Перед нами стоят громаднейшие сложные задачи. Их решение помогает переделке сознания миллионных масс, выработке материалистического мировоззрения.

Это в огромной степени приближает победу социализма.

Маркс сказал, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. В этом отношении велико значение нашей антирелигиозной работы, — она нашу массу приобщает к такого рода идеям, которые делают ее во много раз сильнее.

Мы должны со всей серьезностью отнестись к поставленным перед нами задачам, побороть пренебрежительное отношение к антирелигиозной пропаганде в целом ряде организаций, показать, что отход в этих вопросах от воинствующего материализма есть отход от ленинизма.

Ленинизм не отделим от воинствующего атеизма, этого многие не понимают, думая, что можно быть ленинцем, не будучи в то же время воинствующим атеистом. Победа воинствующего атеизма есть в то же время победа ленинизма. (Аплодисменты).

Боевые вопросы естествознания и техники в реконструктивный период*).

Э. Кольман.

Одновременно с нашим расширенным пленумом в Колонном зале Дома союзов заседает конференция по планированию физики, химии, биологии и техники, созванная Госпланом СССР и ВСНХ. Эта конференция, как бы она ни была несовершенна как со стороны ее организации, так и по содержанию докладов, которые там поставлены, как бы мало она еще ни походила на то, чего мы ждем от конференции, планирующей науку и технику,—все же имеет громадное значение. Она организует, мобилизует ученых, работающих в отдельных низовых заводских лабораториях, работающих в научно-исследовательских институтах. Эту конференцию нужно рассматривать как своего рода вводную к целому ряду мероприятий, которые должны включить всю работу по планированию науки в нашу общую работу по созданию второй экономической и культурной пятилетки.

Знаменателен тот факт, что она происходит одновременно с нашей конференцией и, вместе с тем, между этими двумя конференциями никакой связи, никакой увязки по существу нет. Этот факт говорит о том, что разрыв между теорией и практикой продолжается, что он еще далеко не преодолен. Мы здесь собираемся говорить сегодня о методологических проблемах естествознания и техники. Там практики тоже в каком-то виде говорят об этих проблемах. Разумеется, было бы гораздо правильнее, если бы такого рода разрыва не существовало, и, повидимому, задача обеих конференций состоит в том, чтобы подготовить обстановку, при которой этот разрыв станет в дальнейшем невозможным. Тогда такие конференции будут собираться уже об'единенно. Философы марксисты-ленинцы, работающие в области естествознания, в области техники, не будут оторваны от ученых-практиков, работающих на предприятиях, в специальных лабораториях — и наоборот.

Мы только приступаем к преодолению разрыва между теорией и практикой, только приступаем к реорганизации науки, к реорганизации техники. Было бы неправильно думать, что мы сможем сразу дать какие-нибудь окончательные планы, а тем более рецепты по реконструкции науки и техники с точки зрения диалектического материализма в отдельных областях. Но мы должны, наконец, покончить с такого рода разрывами. Мы все сознаем, что недостаточно только декларировать о необходимости перестроить науку и технику на основании диалектического материализма, а надо, вместе с тем сказать о том, как это сделать, надо начать немедленно это практически проводить, перейти от слов к делу. Поэтому вначале коротко приведу кое-

*) Обработанная стенограмма доклада на Всесоюзном Совещании ОВМД (апрель 1931 г.).

что из истории борьбы за поворот, а также скажу о том положении, которое мы имеем на фронте естествознания и техники, а потом попытаюсь наметить первые шаги по созданию единого плана марксистско-ленинской реконструкции науки и техники, при чем в более развернутом виде коснусь лишь одной-двух специальных научных отраслей. Если на основании работ этого пленума нам удастся создать набросок конкретной, деловой программы по математике, по физике, по химии и геологии, по биологии, по психоневрологии и т. д., если удастся наметить основные вехи, как эту программу строить,—тогда только мы сможем оказать, что мы сделали что-то положительное.

Сначала два слова о том этапе, на котором выдвигаются вопросы реконструкции и техники.

Тов. Сталин сказал, что техника на данном этапе решает все. Эта формулировка представляет собой не что иное, как уточнение и углубление основной мысли Ленина о том, что основная историческая задача пролетарской диктатуры — создать такой общественный строй, результатом которого явилась бы более высокая форма производительности труда, который представлял бы более высокую форму производства, чем производство капиталистическое.

Именно теперь, когда мы уже ликвидировали безработицу, когда мы ввели семичасовой рабочий день, когда мы ввели пятидневку, когда мы развили небывалые темпы во всей нашей экономике, именно теперь мы имеем те предпосылки, делающие возможным овладение наукой и техникой и вместе с тем делающие это овладение наукой и техникой необходимым. При коллективизации, при ликвидации безработицы, при огромных темпах, которые развивают промышленность и транспорт, нам нельзя дальше развертываться, если мы не овладеем высоко развитой техникой, если мы не будем подготовлять новую, высшую технику, чем знает капиталистический мир.

Что означает овладение наукой и техникой, что означает лозунг «догнать и перегнать»? Мы в кругах наших инженеров можем услышать (недавно, например, на заводе АМО так выступал один партиец-инженер) такую трактовку вопроса овладения наукой и техникой и лозунга «догнать и перегнать» — сначала, мол, нам нужно догнать, а потом уже мы будем перегонять.

Сначала нам-де нужно взять все, что нам дает и может дать капитализм, а потом, когда уже этого достигнем, мы будем ставить себе новые задачи.

Это, конечно, в корне неправильное, чрезвычайно вредное механистическое понимание лозунга «догнать и перегнать». Разумеется, что, догоняя, мы должны перегнать. Разумеется, что мы не можем взять капиталистическую технику и тем более капиталистическую науку целиком. Мы не можем просто усвоить это культурное наследство буржуазии,— мы должны одновременно и переработать его. Главенствующий момент этой переработки, главенствующий момент в этом овладении — такая реконструкция самой науки и техники, когда, во-первых, при самом усвоении ее будут учитываться те социальные моменты, которые имеются у нас и которые в корне диаметрально противоположны экономическим и социальным моментам, определяющим и капиталистическую технику, и капиталистическую науку.

Можно взять, скажем, такие примеры из области техники, когда к нам при машинизации сельского хозяйства механически переносили маломощные тракторы — «Фордзон» и «Интернационал», которые не выдерживают нашего масштаба запашки, — или другой случай — трактор системы Оливер, который более мощен, но легок для нас. Он не может пригодиться потому, что при загрузке тем прицепным инвентарем, который у нас имеется именно

в крупном хозяйстве, он портится и т. д. В таких вопросах мы видим узко-технический подход. Люди подходят к машине только с одной стороны,— какой она дает коэффициент полезного действия,—берут ее совершенно оторванно от всех связей, экономических и даже технических. Они забывают, что сама по себе машина, как подчеркивал Маркс, еще не является экономическим фактором. Таким образом, своей неправильной методологической установкой они наносят непосредственный вред нашему хозяйству.

Но в этом вопросе, в вопросе овладения техникой, мы встречаем и ряд других крупнейших ошибок. Одна из них,— это узкий техницизм, когда процесс развития техники рассматривают изолированно, независимо от экономики,— или же такая концепция, как концепция, скажем, тов. Бухарина, который рассматривает процесс развития техники, как процесс приспособления, т.-е. чисто богдановская установка, очень тесно связанная с теорией мирного врастания в социализм, установка, которая неизбежно приводит нас к отрицанию классовой борьбы в области техники. Эта установка так же вредна, как и уклон в сторону голого техницизма.

Далее, мы встречаем и такого рода ошибку: смешивают, не понимают разницы между экономикой, техникой и естествознанием, и некритически переносят поэтому методы из одной отрасли в другую, из области техники в область экономики, из области естествознания в область техники и т. д.

Наиболее распространенная ошибка, на которой я не буду останавливаться,— об этом уже писалось,— это фетишизация математических методов, в особенности в области экономики и политэкономии.

Я только хочу отметить в связи с той громадной путаницей, которая существуют у нас в теории техники, что дискуссия, которая дала такие громадные результаты в области естествознания, прошла почти незамеченной в области техники. Это об'ясняется, конечно, тем, что в области техники мы не имеем почти никаких марксистско-ленинских сил, что в области техники мы имеем чрезвычайно мало наших собственных кадров, что та громадная масса инженеров-коммунистов, которая у нас имеется, методологически абсолютно не подготовлена. Большую роль в этом вопросе играет, конечно, и то, что у нас не было до сих пор Института красной профессуры в области техники. В то время как Институт красной профессуры в области экономики, в области философии и естествознания сыграл руководящую роль в борьбе с рубинщиной, в дискуссии с меньшевиствующим идеализмом,— в технике таких кадров не было. Мы видим, например, что Большая советская энциклопедия получила заслуженную критику на страницах нашей марксистско-ленинской печати,—по крайней мере, первые основные установки сделаны, а теперь задача в том, чтобы были разобраны отдельные отрасли естественных наук. Между тем по Технической энциклопедии мы еще ничего не сделали, хотя Техническая энциклопедия имеет не меньшее значение, чем БСЭ, а что касается ее установок, то они не уступают, во всяком случае, тем установкам, которые имеются в БСЭ в смысле антимарксизма, путаницы, вредительства и т. д. и т. п. Значит—здесь перед нами еще громадная задача.

Чтобы усвоить науку и технику и переработать ее на основе диалектического материализма,— нам нужно бороться со всеми как открытыми, так и маскирующимися враждебными марксизму и ленинизму течениями в этих отдельных отраслях знания. Нам необходимо, чтобы марксизм не был привнесенным извне в науку. Нельзя, например, взять буржуазную науку и отсечь от нее, как это рекомендуют некоторые, ее идеалистическое охвостье, а все остальное оставить себе. Дело не так обстоит. Идеализм и метафизика совсем не являются только охвостьем буржуазной науки. Они принимают и самые методы исследования этой науки, они отражаются и в постановке

тематики этой науки, в самых проблемах, в самой организации, в самой классификации этой науки. Поэтому, если применять такой механический принцип отсечения и применять его последовательно, то от этой науки навряд ли что-нибудь останется—придется отсекать не только руки, ноги и хвост, но и голову. Это будет полнейшее разделение на атомы. А мы ведь не так смотрим.

Мы уверены, что от буржуазной науки должно остаться много ценного. Нам нужно не отсекать от нее что-то, нам нужно более сложными, а не простыми механическими методами переработать ее. Поэтому, если т. Бухарин на конференции примерно так, об отсечении идеалистического охвостья, ставил вопрос в отношении переработки буржуазной науки, то это в корне неправильно. Дело в том, что нам нужно не только употреблять марксистскую терминологию, нам нужно не пришпиливать выводы, исходя из абстрактного, из трех основных законов диалектики, что ли, заменив ими те выводы, которые делают идеалисты. Дело идет о перестройке метода самой науки.

Нельзя, чтобы продолжалось такое положение, что наши биологи, подписываясь под всеми партийными постановлениями, под постановлениями наших марксистско-ленинских учреждений о борьбе на два фронта и против примиренчества, и против механицизма, и против меньшевиствующего идеализма, в то же самое время в лабораториях будут продолжать работать по-старому. Выводы из опытов, которые они производят под стеклом, в баночке, они зачастую потом переносят на живой организм. Выводы из опытов, которые производятся над кроликами, над мышами и т. д., наши психоневрологи переносят потом на человека. Или, например, опыты, которые производятся над человеком, в замкнутой будке психотехника, они также некритически переносят потом в заводскую обстановку. Все это очень мало похоже на материалистическую диалектику.

Что касается постановки проблем, то любопытно просмотреть перспективный толстый план Коммунистической Академии по всем ее секциям и в том числе по Ассоциации естествознания, выработанный в 1930/31 г. Чего мы только не найдем в этом плане! Все без исключения. В любой из секций Ассоциации естествознания вы найдете самые разнообразные, не связанные никакой общей идеей проблемы, вы найдете тематику совершенно случайную, зависящую, если ближе присмотреться, от особого метода отбора тем. Человек, не знающий интимной стороны дела, не поймет, почему в нем такая именно тематика, а не другая. Но, зная людей, поймешь, что это зависит от наличия там товарищей, имеющих свои личные научные интересы. Одного интересует одно, другого — другое, и так составляются планы. Выходит, что в смысле подбора тематики мы буквально копируем старые, прогнившие, буржуазные примеры. Разве мы не знаем, что когда буржуазный профессор работает над определенной проблемой, то и весь институт работает над этой проблемой? А мы, марксисты-ленинцы, это повторяем! Это, конечно, никуда не годится, и это ничего общего не имеет с заявлениями об искреннем желании перестроиться.

Спрашивается, каким путем нам надо итти, как нам надо перестроиться, что значит внутренне переработать науку и технику, в чем состоит большевизация науки? Это, конечно, значит, что нам нужно работать конкретно над конкретными проблемами в лабораториях. Это, конечно, значит, что связь с промышленностью, о которой так много говорят на конференции в Колонном зале, должна быть обоюдосторонняя. Мало того, что Академия и профессора поговорят о связи с промышленностью; мы должны пойти поработать в промышленности, поработать в колхозах, перенести наши лаборатории туда — в цех, на опытное поле. Другого выхода нет. Это единственный путь и для того, чтобы помочь нам перевоспитать наших коллег

по науке, которые там работают. А воспитывать их очень нужно — приведу сейчас один пример.

Математическая секция Ассоциации естествознания послала в текущем году, после рамзинского прорыва, в Теплотехнический институт молодых работников, коммунистов и комсомольцев, чтобы они помогли там в решениях тех или других методологических проблем, которые возникают в таком крупном институте, как Теплотехнический институт. И что же получилось? Получилось, что там, на месте, никто не смог ответить на вопрос, какие методологические проблемы нужно решать. «У нас нет методологических проблем, мы этого не понимаем». Вот ответ, который они получили. Там работают партийцы-инженеры, но им даже слово это непонятно. Что это такое методология? Это наверно преподавание методики? Это — не сказка, а быль. И пришлось доказывать, на партийной ячейке ставить вопрос, доходить чуть ли не до РКИ. Они думали, что их хотят ревизовать.

Мы должны провести громадную воспитательную работу, чтобы заставить научных работников призадуматься и понять, с чем мы к ним идем.

Но и для наших товарищей работа в Теплотехническом институте оказалась трудной задачей. Они—математики, но они в теплотехнике ничего не понимают. Для того, чтобы найти способы применения, им пришлось заняться изучением вопроса о циркуляции воды в котлах и т. п., а в результате один из этих товарищей, правда, по другой конкретной отрасли, пошел работать в институт, убедившись, что недостаточно только разговаривать насчет методологии. а надо действительно практически работать.

Несомненно, что при таком подходе, при перестройке науки и техники снизу, при перестройке ее изнутри мы натолкнемся на громадные затруднения. Одно из них — сопротивление классового врага. Совершенно очевидно, что против настроений, которые нашли свое отражение в тезисах т. Луппола на конференции в Колонном зале, в тезисах, где о классовой борьбе и о вредительстве умалчивается, мы должны бороться самым решительным образом. Ведь сейчас как раз классовая борьба принимает в этих областях самые утонченные формы. Ведь даже после окончательной ликвидации кулачества не прекратится классовая борьба в области науки, в области техники, культуры, идеологии. Здесь нам предстоит еще очень упорная борьба. Мы снова и снова должны повторять ленинские слова о том, что классовый враг, когда его бьют, отступает лишь на следующую позицию, что он с еще большим бешенством и ненавистью борется за свой прежний рай земной. Мы должны постоянно вбивать это в головы тех наших работников, которые иногда из-за своих лабораторных установок не видят широких политических перспектив.

Что мы можем сейчас в этой области сделать? Если мы физически уничтожаем классового врага, то он пытается приспособиться. Он заявляет, что он за нас, что он за социализм, что он «стоит на советской платформе» и т. д. Но на деле он переходит к новой форме борьбы — к борьбе в области науки. В вопросе подготовки кадров он берет равнение на таланты. На конференции в Колонном зале кой у кого звучали словечки о талантах. Мы, конечно, не против талантов, но мы считаем, что воспитание их должно итти по ленинскому пути, через миллионные массы, выдвигающие их из своей среды, в противоположность буржуазным господам, под равнением на таланты подразумевающим подбор маменькиных сынков.

А дальше? А дальше еще хуже. Они говорят: да, техника нужна, нужна смычка науки с промышленностью и т. д., мы даем свою науку на службу социализму. Но когда доходит до перестройки науки и техники, то оказывается, что это — святая святых, этого не трогайте. Самую суть этой

науки, самую сущность, они хотят сохранить за собой. На словах заявляют, что наука должна служить социалистическому строительству, но подразумевают при этом старую науку. Никакой реконструкции, тем более никакой большевизации науки,—это страшное слово, это пугающее слово. Эти враждебные, вредительские, псевдо-марксистские, прячущиеся под личиной марксизма течения в науке и технике смыкаются с мировой буржуазной наукой.

Приведу два примера того, как буржуазная наука смыкается с нашей советской «наукой».

Холодильное дело. В холодильном деле были расстрелы вредителей, как известно. Германская и американская научная пресса по холодильному делу сначала опубликовала протест против этих расстрелов. Есть такое научно-интернациональное общество, куда входили и наши работники холодильного дела, в том числе и коммунисты, с разрешения партийных организаций. Они написали ответ на этот протест, но он не был за границей опубликован. Тогда они вышли из этого общества. В ответ на это началась не просто политическая травля, а «научная» критика постановки холодильного дела у нас, в СССР.

Второй пример из более абстрактной науки, из математики. Существует так называемая московская математическая школа. Это—почтенная школа давнишних традиций, она всегда поддерживала три основных лозунга царизма: самодержавие, православие и народность, хотя бы тем, что профессора вроде Некрасова или Бугаева читали в Московском университете доклады, где доказывали, что анализ поддерживает православие, теория вероятности — народность, арифметика — самодержавие, и т. д. До сих пор правое крыло этой московской математической школы, во главе с контрреволюционером Егоровым, представляло еще достаточно живую струю не только в смысле политических настроений, но и в методике, в тематике и в направлении исследования. Это та школа, корифеи которой с гордостью заявляют, что они занимаются только теми частями математики, которые не имеют никакого практического приложения. Эта школа очень тесно связана с международной контрреволюцией, с французским комитетом интервенции, с такими людьми, как известный французский математик Борель, участвующий в работах Комитета французской тяжелой промышленности, или итальянский математик Энриквес, — все известные фашисты, которые не только проповедуют ту же философию солипсизма, что и члены московской математической школы, но, кроме того, раз'езжают по Польше и не столько делают там математические доклады, сколько создают культурный интернационал борьбы против Советского союза. Странно, конечно, но факт, что, скажем, академик Лузин, который выдвинут при советской власти в Академию наук по кафедре философии, напечатал в Париже, в издании Бореля, в прошлом году книгу по теории аналитических множеств, книгу, как раз касающуюся такой области, которая не имеет никакого приложения к действительности, которая толкует об абсолютно непрерывном. И вот эта книга снабжена предисловием, в котором говорится буквально, что книга ценна не столько математически, сколько философически, поскольку она утверждает солипсизм, как единственно научную философию.

Мы могли бы нащупать эту смычку научной реакции и по другим линиям как у нас, внутри нашего Союза, так и в международном масштабе. Такая смычка имеется и в области биологии, и в области медицины и т. д.

Перед нами стоит труднейшая проблема. Перестроить технику, перестроить науку мы не можем одними своими силами. Мы все прекрасно помним, как Ленин нас учил, что коммунизма не построить одними только сво-

ими руками. Было бы комчванством, если бы мы хотели сейчас отказаться от тех научных сил, которые имеются у нас, в Советском союзе. Следовательно, проблема встает перед нами такая: нам нужно сделать все, чтобы перевоспитать эти научные силы, нам нужно постараться максимально привлечь их на нашу сторону, переделывая их. Но это — задача не легкая.

Проследим подобный процесс на историческом прошлом Французской революции и на эпохе Парижской коммуны. На этом вопросе следует остановиться также и потому, что т. Бухарин, который касался в своем докладе на конференции по планированию науки вопроса Великой французской революции, дал ему неправильное, классово-нечеткое освещение.

Конечно, мы можем перечислить длиннейший список ученых эпохи Великой французской революции, крупнейших ученых из разных областей знания, решавших те экономические проблемы, те проблемы обороны и т. д., которые перед ними эта революция ставила: Лагранж, Карно, Лаплас, Монж, Лежандр, Вокелен, Лебонье, Кювье. Они дали фундаментальные труды во всем отраслям знания, по геологии, по химии, по физике, по математике, по астрономии, по биологии. И все, что ими создано, связано теснейшим образом с теми практическими задачами, которые выставляла революция. Были построены телеграфные линии, организовано производство пороха, пушек, проведены громадные геодезические работы, легшие в основу метрической системы. Один из наших недостатков состоит в том, что у нас совершенно не разработаны эти вопросы. Между тем если взять хотя бы такую книгу, как книга Пуше—«Наука во время террора», то там можно прочесть любопытные страницы, которые нас наводят на очень интересные параллели с нашей революцией и с Парижской коммуной. Пуше говорит, что «Комитет общественного спасения имел ясное чувство того, что он побеждает посредством науки и что он умел применять науку. Более того, он отличался от всех правительств тем, что он умел создавать силы науке». А дальше говорится, как это происходило. Пуше рассказывает, что когда нужны были аэростаты для войны, Комитет общественного спасения, который еще меньше чем Людовик XIV любил ждать, а признавал только «ударные темпы», как мы бы сказали на нашем современном языке, распорядился, что все должно было быть создано в 8 дней. И все было во-время сделано. Приказали сделать—и ученые тогда не особенно как будто бы сопротивлялись.

Почему они не сопротивлялись? Потому, что классовая сущность Великой французской революции была иная, чем классовая сущность нашей революции. Великая французская революция не уничтожила частной собственности, Великая французская революция не совершила таких глубоких переворотов, какие совершила наша революция. И поэтому нет ничего удивительного в том, что буржуазные ученые и даже ученые аристократического происхождения охотно перестраивали свою науку согласно ее задачам. Возьмем, например, такой случай: некий профессор Дюмон, владелец крупного ботанического сада где-то в Курси около Булона, аристократ, пытался в самом начале саботировать. Потом он очень быстро «сменил вехи» и пошел верой и правдой служить буржуазной революции. Когда у него все забрали и посадили его в тюрьму, он из тюрьмы писал о том, что нужно во что бы то ни стало поддерживать ботанический сад и т. д.

Как же было дело в эпоху Парижской Коммуны? Там было нечто совсем другое. Во время коммуны в Париже из ученых никого, кроме двух человек, не осталось, которые бы не перешли на сторону Тьера, на сторону Версаля. Больше того, студенчество большой массой перешло на сторону контрреволюции. Высшие школы бастовали. Высшая медицинская школа

которую Коммуна хотела реорганизовать, не пришла на собрание, а выбрала делегацию и перешла к Тьеру. Весь Латинский квартал был обезлюден.

Все это описано в ряде документов, но нами совсем не использовано. Мы должны разработать их, чтобы на них учиться тому, какое решающее значение имеет классовая сущность науки в ее перестройке.

Одной из задач нашей марксистско-ленинской истории естествознания является разработка всех этих вопросов на конкретном историческом материале.

Основное, что до сих пор выставляют наши ученые и техники, не желающие перестраивать свою науку,— это, что наука не нуждается ни в какой философии, что она, как говорят механисты, сама себе философия, что она самостоятельна, самодовлеюща. Порвать с этой непосредственной связью с буржуазной идеологией — это и для наших советских ученых, несмотря на многие годы революционной работы, которые прошли, еще очень и очень трудно. Задача наша громадна. Мы должны помочь им, помочь путем добросовестной, обоснованной, лишенной наездничества самокритики. Беспощадно по существу критикуя их, мы не должны их отталкивать, мы должны помочь им перевоспитаться, должны все ближе и ближе привлекать их к подлинному участию в социалистическом строительстве, и не только механически, но и путем перестройки самой науки.

Если в результате той конференции, которая происходит в Колонном зале, нам удастся созвать целый ряд не парадных, а деловых совещаний по отдельным отраслям, скажем, по таким, как физика, биология и т. д., где будут участвовать и крупные, и менее крупные, но зато подкованные марксистской и ленинской теорией ученые, если там удастся выработать конкретные программы, то это будет громадной работой по воспитанию самих академиков, самих профессоров. Это — одна из основных наших задач. Было бы глубочайшей ошибкой, если бы мы понимали нашу задачу только так, что мы одни должны перестраиваться, что мы должны замкнуться только в стенах наших институтов красной профессуры или институтов на местах, в нашей партийной среде, в среде марксистов-ленинцев. Нет, мы должны итти не только в рабочие массы и пропагандировать,— это важнейшая задача,— но мы должны также работать и над перевоспитанием научных кадров, так как они представляют большую научную силу. Мы должны работать над перевоспитанием традиций, которые у них имеются, — это одна из основных, из боевых задач науки и техники на данном этапе так, как мы ее понимаем.

Но для того, чтобы это сделать, для того, чтобы пойти туда, в этот лагерь, если уже не враждебный, то еще в значительной мере чужой, и имеющий в своей среде все еще и враждебные элементы, для того, чтобы пойти туда с твердостью, с уверенностью, мы должны, прежде всего, в своих собственных рядах иметь полную ясность, иметь полное единство взглядов, основанное на марксистско-ленинском понимании естествознания и техники.

Я не хотел бы слишком долго заниматься повторением критики бывшего естественно-научного руководства Комакадемии и Общества воинствующих материалистов-диалектиков в лице Шмидта, Левина, Агола, Гессена, руководства, которое не реализовало генеральной линии партии на фронте естествознания, которое отчасти, в лице некоторых из этих товарищей вело прямо-таки непартийную либеральную политику, политику либеральствующих околопартийных людей. В лице своего большинства оно непосредственно активно поддерживало группу Деборина, Карева и Стэна в борьбе против партийности в науке, в отношении недооценки работ Ленина, оно проводило линию отрыва теории от практики в своей непосредственной работе, оно отождествляло достижения современной буржуазной науки с марксизмом, тем самым капитулируя перед буржуазной

наукой и тормозя процесс марксистско-ленинской перестройки науки. Я думаю, что та дискуссия, которая прошла на глазах у всех и которая нашла свое оформление в ряде таких хорошо известных, опубликованных в печати документов, как резолюция ячейки Ест. отд. ИКП и резолюция президиума Комакадемии, достаточно вскрыла все эти антимарксистские течения в области естествознания, разоблачила меньшевиствующий идеализм естественно-научного руководства. То, что дискуссия поставила конкретно вопрос о повороте, то, что этот поворот уже начинает,—я бы сказал осторожно,—на деле свершаться, начинает осуществляться на практике, что в отдельных отраслях уже по-новому начинает строиться работа,— все знают, и мне кажется, даже непосредственно ощущают.

Я бы хотел только напомнить, как на 2-й всесоюзной конференции марксистко-ленинских научных учреждений, в апреле 1929 г., выступали руководитель философского фронта т. Деборин и руководитель естественно-научного фронта т. Шмидт по двум-трем важнейшим, наиболее характерным вопросам.

В докладе т. Деборина, во всем известной книжечке, помимо других перлов, вы можете прочитать и такую вещь. Говоря о физике, он отмечает: «Я должен сказать, что если в первое десятилетие XX века такая постановка вопроса (т.-е. вопроса о диалектике) была чужда и непонятна естественникам, то ныне мы продвинулись настолько далеко, что сами естественники заговорили диалектической прозой». Какой поэзией при этом говорит т. Деборин, это, повидимому, всем известно. Значит, сами естественники теперь заговорили диалектической прозой. Мы находимся, именно сегодня, накануне рождения материалистической диалектики в мировой буржуазной науке, в той науке, о которой я дальше скажу несколько слов.

Дальше, возьмем уже конкретный пример — трактовку т. Дебориным волновой теории материи. Он прямо цитирует известного немецкого физика Гааза, — он находит главным достижением то, что корпускулярные и волновые воззрения, оказывается, дополняют друг друга. Мы к этому еще вернемся.

А т. Шмидт прямо говорит, что теория Эйнштейна вся диалектична,— я цитирую буквально на стр. 13 его доклада: «Материалист-диалектик облек бы это в другую форму, но вот Эйнштейн, который является младенцем в области философии, этого не сделал». Осталось только переделактировать, — и все готово. Все дело в другой редакции. Такие установки давались в области естествознания руководителями этого фронта, тт. Дебориным и Шмидтом. Я не буду касаться сейчас ошибок остальных товарищей—Левина, Левита, Агола, Гессена и др., тех ошибок, которые они делали в конкретных областях естествознания.

Осуществить громадные задачи, которые стоят перед естествознанием и техникой на данном этапе, возможно только при условии, что наша собственная позиция будет прочной, твердой, что это будет марксистско-ленинская позиция. Это возможно только при условии, если мы будем вести непримиримую борьбу как против механицизма, который остается и в области естествознания и в области техники главной опасностью, так и против меньшевиствующего идеализма, а также против всех попыток примиренчества, против попыток примирить эти оба антимарксистские течения, выражающие об'ективное влияние чуждой пролетариату идеологии. Только с этих позиций, с позиций непримиримой борьбы на два фронта, возможна успешная борьба против идеализма, против реакции в современной буржуазной науке. Из двух маленьких примеров, которые я привел, можно видеть, как Деборин, Шмидт и все прочие боролись против идеализма, против реакции в современной буржуазной науке. Они говорили о том, что вот, мол, есть две

теории, которые друг друга пополняют, что это есть положительные результаты науки. Но ведь это — механистическое, внешнее, совершенно не марксистское, не диалектическое соединение. Так они толковали результаты современной буржуазной науки, так они боролись против буржуазной научной реакции. Когда они говорили, что вся теория относительности насквозь диалектична, или, что, если бы Эйнштейн не был младенцем в философии, он говорил бы чистым материалистическим, диалектическим языком и все было бы в порядке, они выражали глубокое непонимание того кризиса, который переживает современная наука. Мы имеем ряд примеров реакции и мистицизма, которые исходят из современного естествознания. Я хочу подчеркнуть, что эта реакция и мистицизм не являются только надстройкой над современными теориями физики, биологии, химии и т. д. Возьмем статью Эддингтона «Конец мира с точки зрения математической физики», напечатанную в приложении к «Nature» от 21 марта этого года. В ней Эддингтон развивает такие взгляды, что мир в том смысле имеет конец, что он имеет определенное начало, и что он развивается от организованного к неорганизованному, то мы прекрасно понимаем, что это—отражение общебуржуазной идеологии, которая толкует приближающийся конец капитализма как приближающуюся анархию всего мира. Но не только в этом дело. Нас как естественников должен интересовать следующий вопрос. Что представляет эта теория, если отвлечься от ее идеологических выводов, какова ее ценность как естественно-научной теории?

Разберемся в этом вопросе. Бывают такие теории, которые толкуются их же творцами и другими буржуазными учеными реакционно, но сами по себе эти теории, если их поставить с головы на ноги, могут оказаться весьма прогрессивными, адэкватно отражающими материальную действительность.

Что дает данная теория? Эта теория, во-первых, подсчитывает—это у Эддингтона напечатано—что мир имеет 7×10^{78} или 14×10^{78} протонов. Почему такая погрешность на 100%? Потому, что поскольку мир замкнут, то нельзя, мол, определить, не сосчитали ли мы каждый протон два раза. Итак, количество протонов в мире конечно. И дальше. Этот мир развивается так, что его радиус кривизны возрастает, и возрастает он по такому закону, что через каждые 1500 миллионов лет он удваивается, т.-е. эти электроны и протоны друг от друга удаляются, распыляются. Вот какой хаос тут возникает.

Не трудно подсчитать на этом основании, когда возник мир. Выходит следующее. Если принимать, по де-Ситтеру, что сейчас радиус кривизны мира в 10^{40} больше, чем радиус электрона, то мир ровно 1.000 миллионов лет тому назад был сотворен. Выходит всего-навсего маленькая поправка к библии.

Что может дать такая теория для самой физики, что может дать такая теория для самой космогонии? Ровным счетом ничего. Ведь тот же Эддингтон для развития звезд в другом месте вынужден был принять сроки, превышающие миллиарды лет.

Другой пример — пример так называемой унитарной теории электричества Дирака. Как известно, в физике различают двоякого рода электрически заряженные элементарные частицы, это — электроны и протоны. Электроны заряжены отрицательно, протоны — положительно. И вот, чтобы устранить этот дуализм, Дирак придумал следующую штуку. Оказывается, что протонов вовсе не существует. Вместо протонов существуют дырки. В чем, в какой среде эти дырки, об этом не говорится. Они абсолютно пустые, там нет материи, это он говорит ясно. Значит, дырки в чем-то неизвестном и пустые. Но больше того, — чтобы создать эту теорию, нужно

принять гипотезу, что существует отрицательная энергия, оказывается, теория эта ценна тем, что она совершенно не имеет никакой связи с реальностью, она превращена только в математическое уравнение. Понятно, каковы философские корчи такой теории. Но не в этом только вопрос, а в том, какую ценность это имеет для физика, что может дать только для этого случая придуманная теория, которая ничего с отрицательной энергией сделать не может, так как может создать лишь уравнение, охватывающее протоны и электроны, но для об'яснения всех остальных явлений физики ненужное и непригодное.

Или третий аналогичный пример. В течение последних лет мы знаем, как известно, что звезды посылают не только световые, но и другие сигналы в виде так называемых космических лучей, дающих нам чрезвычайно углубленное, а в будущем, несомненно, еще более глубокое познание самой структуры и истории звездных миров. Теория космических лучей разрабатывается рядом крупнейших физиков. Возьмем Милликена, известного американского физика. Он говорит, что теория этих ультрагамма-лучей, космических лучей опровергает гипотезу о мире, созданном единичным актом, что она отрицает теорию предестинации, предопределения. Казалось бы, хорошо, когда так говорит буржуазный ученый. Вот-то наши антирелигиозники обрадуются! Но посмотрим, что он пишет дальше (в «Nature»):

«Но эта теория дает нам прямые экспериментальные указания в том направлении, что делавшееся раньше спекулятивное предположение, что Творец находится постоянно за работой, верно».

Значит, на небесах нет безработицы, по крайней мере. Выходит, что эта теория служит определенному, конкретному религиозному направлению в борьбе между двумя сектами англиканской церкви. Но мало этого. Когда эти ученые об'ясняют, каков источник космических лучей, то у них выбор между двумя гипотезами. Одна гипотеза утверждает, что космические лучи происходят от распада материи, а другая,—наоборот, что они происходят от воссоздания материи, более сложных элементов из более простых, из протонов и электронов, и т. д. Нет пока в науке таких данных, которые могли бы решить, какая из гипотез верна. Но есть интересная статья итальянского физика Персико в последнем номере журнала «Scientia», где говорится, что нужно остановиться на гипотезе распадения, во-первых, потому, что она будет подкреплять абсолютную значимость второго начала термодинамики, во-вторых, потому, что такая гипотеза будет сходиться с теорией Дирака, и, в-третьих, по соображениям общего мировоззрения. Поэтому выбирается именно эта гипотеза, и тем самым дается определенное направление для исследования. Ведь тот, кто будет потом сидеть над счетчиками частиц, кто будет изучать посредством тончайших электроскопов космические лучи, будет теперь искать только в одном определенном направлении, в том именно, которое должно подтвердить это их реакционное мировоззрение.

Из всех этих примеров прямо и непосредственно видно, что и самый костяк буржуазной науки переживает кризис. Здесь идет речь не только о какой-то надстройке, не только о выводах, а о самых методах, о самых проблемах. Основное, конечно, что определяет эту печальную участь буржуазной науки и что ускоряет ее, — это мировой экономический кризис, который перерастает в кризис политический, который толкает буржуазных ученых от диалектического материализма, да и от стихийного материализма вообще, в об'ятия мистицизма. Это совершенно очевидно, это можно проследить на отдельных примерах.

Возьмем того же Планка, который в «Берлинер Тагеблатт», в рождественском номере этого года, напечатал статью «Наука и вера». Планк,

который из всей плеяды крупных ученых был наиболее близок материалистам, пишет: «Вера и наука могут хорошо ужиться друг с другом, и невозможна никакая наука без веры. Нам нужна вера, мы ее ищем, она нам нужна. Нужно что-то спокойное, что бы нас поддержало в этом пестром хаосе ежедневной жизни, на что мы могли бы опираться». Здесь ясно видно, как эти высказывания прямо развиваются в сторону мистицизма, поповщины.

Методы, проблематика, беспомощность буржуазной науки справиться с теми ответственными задачами, которые перед нею стоят, ярко говорят о кризисе, который она переживает. Я попытаюсь, хотя бы в общих чертах, показать это в области математики, где ясно видно, как полная неспособность математиков мыслить диалектически губит буржуазную математику.

Вопрос, над которым все философы много работали, это вопрос о единстве прерывности и непрерывности. Этот вопрос касается в весьма близкой степени, конечно, и математики. Ведь математика владеет таким могучим средством, как анализ, выросший из механических и физических задач прошлых веков. Все задачи анализа являются только известным математическим отвлечением, известным математическим выражением механических и физических теорий. Все эти теории, теории XVIII и XIX веков в значительной степени (я не беру уже позднейшие теории, скажем, теорию Максвелла и др., я беру лишь одно направление), все эти теории в значительной степени исходили из того положения, что природа не знает скачков, что в природе все совершается непрерывно. Если сталкивались со скачками, то от этого или прямо отвлекались, считая, что их не существует, или, наконец, считали, что в приближении можно от этого отвлечься. Вот на этой-то почве и вырос анализ, так называемое дифференциальное, интегральное и т. д. исчисление, исчисление в основном непрерывное, где прерывность представляет только весьма недолюбливаемое исключение. К прерывности сами математики относятся как к какой-то печальной необходимости, они всячески стараются ее избегать. И не случайно, что функции, имеющие много прерывностей, и разные другие прерывные неприятные для анализа свойства в математике, так и называют — «неразумными функциями». Надо сказать, что даже химия, которая, несомненно, имеет в своей основе прерывности, совершенно четко выраженные прерывности, получает математическое выражение в непрерывных уравнениях.

Всю эту проблему мы можем проследить на истории математической физики. Я приведу такой пример. Когда появилось такое явление, как явление радиоактивности, когда Планк начал изучать теплоизлучение черного тела, когда он хотел его выразить путем привычных аналитических выражений в виде каких-то резонаторов, каких-то вибрирующих тел, то он для этого вынужден был ввести прерывность, ввести понятие кванта действия, т. е. понятия прерывной доли, прерывной порции действующей энергии. Дальше, когда было открыто такое явление, как то, что при ультра-фиолетовом освещении металлов последние излучают электроны, скорость которых зависит только от длины волны, а не зависит от интенсивности падающего на металл излучения, тогда для об'яснения этого явления пришлось ввести новое прерывное понятие, которое опять выдвигает на самую поверхность явления прерывности в виде квант света или фотонов. А далее, когда были обнаружены такие эффекты, что эти световые кванты сталкиваются с электронами,— я имею здесь в виду эффекты Рамана и Комптона и т. д.,—тогда наука, физика совсем стала втупик. До сих пор физика шла по линии развития одного направления, направления непрерывного, которое все хотело об'яснить аналитическими непрерывными уравнениями, но здесь она оказалась в тупике: пришлось вводить вдруг кванты, пришлось вводить корпускулярную прерывную теорию.

И вот мы имеем попытку об'единить обе эти теории. Мы имеем попытку Броли, Рейзенберга, Шредингера создать такую физику, которая давала бы в об'единенном виде прерывное и непрерывное, волновую и корпускулярную теорию. Но эта попытка до сих пор не дала желанных результатов, до сих пор мы не имеем такой единой физики, до сих пор буржуазные физики не могут выйти из тупика. Для того, чтобы выйти из него, они прибегают к таким теориям, как теория неопределенности, как теория так называемого «соотношения неточности». Творцы этих теорий говорят: принципиально невозможно установить с точностью одновременно скорость и положение электрона, невозможно установить не потому, что наши приборы не совершенны, а потому, что, чем больше мы углубляемся в материю, тем больше наш эксперимент сам влияет на движущиеся тела. А так как все опыты подвержены закону квантовой механики, закону этой неопределенности, то квантовая механика утверждает, что она окончательно устанавливает недействительность закона причинности. Выходит, что надо отказаться от причинности, надо отказаться от определенности, надо отказаться от детерминизма, надо отказаться от возможности признания мира.

Одновременно они ставят границы самого исследования. Они говорят исследователю, что дальше изучать нечего, потому что все равно ничего не узнаешь, потому что принципиально узнать больше невозможно.

Буржуазные математики полагают, что нужно дать поправку к непрерывному анализу. Вот почему, так же, как в физике, рядом с непрерывной теорией существует прерывная теория — и здесь рядом с непрерывным анализом создается теория абсолютной прерывности. Само собою разумеется, что таким исключительно внешним формальным путем никогда синтез, который был бы адэкватен, который отражал бы действительно материальный мир, никогда достигнут быть не может. Он может быть достигнут лишь на основании материалистического, диалектического понимания прерывности и непрерывности как единства, как борьбы противоположностей, понимания того, что всякое прерывное есть непрерывное, и всякое непрерывное—есть прерывное. Этого эти господа понять не могут, потому что для них прерывное и непрерывное существует, конечно, не в материальном мире, а существует только в их воображении, в их впечатлениях, чувствах, понятиях и т. д.

Итак, совершенно очевидно, каков тот тупик, в который уперлась математика, физика, биология и химия. Это подлинный кризис не только идеологической надстройки над наукой, но и самой науки, это подлинное отображение того кризиса, который потрясает весь капиталистический мир до самых его корней. Кризис этот доходит до самых глубин науки, до самых методов ее, до того, что она начинает становиться тормозом развития, начинает из орудия этого развития, из орудия прогресса становиться его рогатками, оковами. Буржуазная наука все больше доходит до такого предела.

Для того, чтобы выйти из этого тупика, чтобы переделать науку, сил буржуазной науки, повидимому, не хватит. Только те силы, которые создали мы, в нашем Советском союзе, и там, где международный пролетариат победит буржуазию, только эти кадры новых, пролетарских, марксистско-ленинских ученых в отдельных отраслях знания и те, сравнительно весьма немногие, из буржуазных ученых, которые всерьез и по-настоящему смогут оторваться от классовых корней своего мировоззрения, смогут отказаться от своего родства с буржуазной идеологией, экономикой и политикой и пойти с нами, только эта еще молодая и немощная рать, только еще зарождающаяся, имеющая только первые достижения (мы не можем похвалиться тем, чем могут похвалиться наши товарищи, работающие в области общественных

наук) перевернет науку, только она, и никто другой, создаст подлинную, прогрессивную науку.

И теперь уже видно, что те буржуазные ученые, которые когда-то были стихийными материалистами, которые, казалось, подавали какие-то надежды, в большинстве отходят от нас, отмахиваются обеими руками. Оказывается, каются не только у нас (мы привыкли, что только у нас каются и в частности в «Правде» писали, что на этой конференции очень много каются), но каются и у них, там.

Вот, например, Шлик — это известный левый махист, которого махисты крыли за левизну. В последнем номере «Naturwissenschaften» он буквально пишет: «Я каюсь, что когда-то недопонимал Маха, этого великого физика и философа, что я стоял в вопросе закономерности на позиции Максвелла — это была моя ошибка, я только теперь освоил, куда это идет, и пр. и пр.», — и полностью становится на точку зрения индетерминации, отрицания каузальности.

Или возьмем, например, «Результаты естествознания» Бавинга, книгу довольно интересную для нас и с другой стороны. Она пользуется в Германии популярностью — за шесть лет вышли четыре издания. Я сравнивал первое и последнее из них. Первое издание выдержано в духе прагматизма, каждое последующее издание представляет значительный шаг вперед к мистицизму, а последнее просто проповедует столоверчение.

Напрасно думают, что буржуазная наука может еще пережить какое-то возрождение. Только наша наука, только марксистско-ленинская наука действительно даст положительные результаты для научного и технического прогресса, для прогресса всего человечества. Для того, чтобы в плановом, сознательном порядке перестроить науку, нам необходимо чрезвычайно серьезно, конкретно-практически работать.

Когда мы говорим о соотношении между теорией и практикой, о том, что они составляют единство, мы всегда подчеркиваем, что ведущим моментом в этом вопросе должна явиться практика, что мы должны исходить из практики. Я думаю, что прежде всего мы должны это применять к нашей работе, к работе над перестройкой науки. Вреднейшим и опаснейшим является пустое, голое теоретизирование. Но этим я не хочу ни в малейшей степени умалить значение самой теории, значение той громадной философской работы, которая нам всем необходима, которую мы сами должны над собой проделать.

Я утверждаю, что и среди верхушек наших естественников, и среди рядовых естественников марксистов-ленинцев, состоящих членами обществ, выступающих с ответственными докладами, много товарищей, которые только по обложкам читали даже основные труды Маркса, Энгельса и Ленина. Это — горькая правда, но это так. По случайным замечаниям, по беседам, выясняется, что такое верхоглядство у нас достаточно процветает. Особенно у нас, среди наших естественников, есть еще много таких, которые по так называемым «уважительным причинам», из-за перегрузки, из-за неправильной организации труда и т. д., и т. п. не имели времени как следует серьезно проработать, скажем, «Диалектику природы», не имели времени проработать Ленина, его философские заметки. Это печально, но это так. Сейчас, когда мы обращаемся к партийным профессорам с требованием, чтоб они изучали и Маркса, и Энгельса, и Ленина, и только тогда они могут серьезно говорить, что они идут с нами, нам самим нужно заняться этим делом всерьез, и надолго, и навсегда.

Нам нужно ставить вопрос не только об изучении. Проблемы, которые поставил Энгельс в «Анти-Дюринге» столько лет тому назад, все те проблемы, где он на конкретном развитии естествознания показывает правильность, действительность основных законов материалистической диалектики, где они

ками, естественниками, марксистами-ленинцами, на конкретном материале разработаны? Где разработаны нами гениальные схемы, данные Энгельсом? Нет этого, мы этого не сделали. А разве это не наша непосредственная задача, разве не наша непосредственная задача, наконец, осуществить завещание, которое нам оставил Ленин? Мы в этом вопросе еще почти ничего,— я думаю, будет вернее прямо сказать,—совсем ничего не сделали. Сделано так мало, что я, как математик, привык такими величинами пренебрегать.

Но ведь кроме того наследства, которое уже опубликовано, которое всем известно, у нас, в Институте Маркса и Энгельса, имеется колоссальное неразработанное, даже еще нерасшифрованное наследство Маркса по вопросам естествознания и математики. Я кратко перечислю названия тех трудов, над которыми работал Маркс.

Возьмем область философии. Имеются тетрадки с собственными замечаниями Маркса к трудам Лейбница, Дюбуа-Реймонда, Джордано Бруно, Декарта, есть тетрадки Маркса с его замечаниями на эти труды,—выписки и тут же замечания.

По физике, математике и истории математики: Декарт, посмертные сочинения, физические и математические, с примечаниями Маркса. К истории математики Маркс возвращался в течение своей жизни несколько раз. В 1853—1854 гг. он читал книгу Поппе «История математики» и писал к ней особый конспект и примечания. Позже он снова возвращался к аналогичной работе и опять ее изучал. Он изучал историю механики XVIII и начала XIX столетий. По электричеству—книгу Оспиталье «Основные привилегии электричества». Эта книга проконспектирована Марксом.

По геологии мы имеем 3—4 сочинения, в том числе такие толстые основательные сочинения, как сочинения Джонса, Лейела, Алена. По таким вопросам, как физиология растений и животных—«Основы физиологии человека» Ранке, Шлейдена «Физиология животных», Фрааса «Климат и жизнь растений». По химии Маркс конспектировал и прорабатывал сочинения Либиха, Джонсона, разные работы по применению химии к вопросам питания, к вопросам земледелия, агрикультуры, работы по неорганической, органической химии.

По вопросам техники Марксом проработан ряд книг. Тут имеются труды как по истории техники, так и по истории технологии, по технологии материалов и их обработке, по технике сельскохозяйственных машин и орудий Англии.

Специально по математике—по арифметике, геометрии, алгебре, по дифференциальному исчислению—имеется 50 работ Маркса.

При чем это не только заметки к прочитанным книгам, не только упражнения на отдельные темы, но иногда почти что подготовленные к печати наброски по таким узловым, коренным проблемам математики, по которым Маркс,—это уже сейчас видно,—сказал много такого, что не потеряло решающего значения и до настоящего времени. Труды, которые Маркс изучал по математике, являлись основными фундаментальными работами. Он прорабатывал Ньютона, его «Метод Флюксий», «Анализ», «Математические начала натуральной философии». Он прорабатывал Тейлора, Мак-Лорена, Лагранжа, Даламбера. Сейчас мы знаем обо всем этом. Все это пряталось, что является преступлением не меньшим, чем преступление шахтинцев, которые прятали угольные пласты.

Разумеется, что наша задача—разработать все это. Это—задача трудная, длительная, потому что прежде всего нужно все расшифровать, почерк Маркса разбирать чрезвычайно трудно, все написано скорописью, на английском, немецком, итальянском и латинском языках. Но некоторые из математических работ, надеемся, будут в скором времени напечатаны. На этом

мы получимся и создадим настоящую материалистическую, диалектическую историю естествознания и техники. Создание такой истории естествознания и техники—это один из важнейших рычагов для перестройки самого естествознания и самой техники, это одна из важнейших проблем, которая стоит перед нами. Без такой истории, без правильного исторического понимания тех отдельных методов, тех отдельных понятий, которые мы имеем в этих областях, мы не можем по-настоящему приступить даже к этой перестройке, потому что тогда она будет сугубо абстрактной, она не будет опираться на историческое развитие, из которого возникло современное состояние науки.

Я не буду говорить о тех конкретных задачах, которые стоят перед нами в области техники. Скажу только, что дать более или менее цельный план сегодня еще трудно. Я говорил с нашими техниками, я запросил, например, секцию техники при Комакадемии, чтобы она дала мне свою программу. Я получил, правда, список интересных проблем, но все они мало связаны между собой.

Два слова об одной общей проблеме,—о проблеме классификации наук. До сих пор у нас нет классификации естественных наук. Это—одна из коренных, важнейших проблем, без решения которой перестроиться очень трудно. На-днях мне один товарищ рассказал, что существует такая наука—гидробиология. Это—наука, трактующая о всем том живом царстве, которое населяет воду. Значит—о китах, о лягушках, о рыбах, о раках, амебах, о водорослях, о медузах. Все это изучает гидробиология. Это плохая штука. Существует институт этой гидробиологии, там люди серьезно занимаются, на это уходят большие деньги. Какая это наука?

Или возьмем, например, почвоведение. Что это за наука? Что такое почвоведение, я все-таки немножко понимаю. Мне пришлось печальным образом даже заниматься этой наукой, во время споров между почвоведами, подчитать кое-что по этому вопросу. Но я знаю, что до сих пор сами почвоведы не могут решить, куда эта наука принадлежит. Одни утверждают, что она принадлежит к естествознанию, другие говорят, что это чисто техническая, экономическая наука, третьи—что не надо учитывать такие-то факторы и т. д. Марксистской классификации здесь нет. Имеется старая буржуазная классификация, которая к нам механически перенесена. Наши энциклопедии строятся по такому же принципу.

Дело не в том, чтобы дать абстрактное определение. Я прекрасно понимаю, что определения получаются в результате развития самой науки. Дело в том, чтобы правильно организовать, разграничить науки. Если говорить о такой науке, как педология, то тут существует совершенно несусветная путаница. В психо-неврологических науках дело вообще более запутано. Мы внутри каждой данной науки не имеем классификации. Как классифицируют свою науку биологи? Они говорят: есть микробиология. Она отличается тем, что все изучается под микроскопом. Вот все, что ее об'единяет. Нам нужно покончить со всем этим. Это трудная, длительная, сложная работа, которая может быть решена только коллективными, общими усилиями.

Каковы должны быть те конкретные проблемы естествознания, над которыми мы должны сейчас работать и которые мы должны сейчас ставить?

Думаю, что если даже отдельным буржуазным ученым удавалось в период под'ема капитализма создавать вполне деловые, вполне конкретные программы по отдельным дисциплинам, программы действий, программы, которые действительно в науке выполнялись, хотя там у них и нет плана, нет плановых конференций, хотя там нет того коллективного труда, который хотим создать мы, то, конечно, это должно удаться нам. Нет ничего утопичного в том, что мы говорим теперь о необходимости создать научную пятилетку, и не только в том смысле, что нужна пятилетка по подготовке кадров и т. д.

и т. п. Нет, нам нужно в каждой отрасли знания создать конкретный план с узловыми вопросами, такой план, который бы в себе об'единял и вопросы методологические и вопросы непосредственно в применении к социалистическому строительству, план, который был бы так построен, как строятся производственные планы наших заводов, где имелись бы контрольные точки, где мы бы имели личную ответственность по отдельным бригадам, план, который содержал бы минимум тем, но зато чтоб в них предусматривалось максимальное проведение разделения труда, так, чтобы всюду была четкость, ясность. Разумеется, что такие планы по отдельным отраслям, по физике, по химии, по биологии, по математике и т. д. и т. п., могут быть построены только тогда, когда каждый из них будет об'единен какой-то одной основной идеей, основными принципиальными установками.

Я приведу пример, опять-таки исторический, из области геометрии. Левый буржуазный демократ Феликс Клейн в 1872 году создал для геометрии программу, которая имеет одну об'единяющую идею. Это—идея алгебраизации геометрии, это—идея групп, преобразований. Построив вокруг этой идеи свою программу, Клейн выставил определенные основные проблемы, охватывающие целые группы вопросов. И действительно, по линии решения этих проблем в основном потом шло развитие геометрии, потому что он сумел схватить то основное, что в этом развитии было определяющим.

Неужели нам, имеющим ключ к правильному пониманию истории, неужели нам не удастся создать такой программы и по математике, и по физике, и по химии, и т. д., и т. п.? Сейчас этих программ у нас нет. Было бы лицемерием утверждать, что те программы, которые имеются в Коммунистической академии, являются такими программами, которые нам нужны. Это неверно. Те основные темы, которые нам дает секция и Общество физиков-материалистов-диалектиков, те темы этой программы, которые нам дает Институт физики, являются, мне кажется, черновиком, из которого может вырасти такая программа.

Институт физики нам говорит: вот основные проблемы. Я не сомневаюсь в том, что все они нужны и важны, что над ними нужно работать, но все-таки синтеза здесь еще нет. Мы здесь видим такие проблемы, как проблему сведения, проблему теории относительности, идеалистические течения в современной буржуазной физике, принцип неопределенности, унитарная теория электричества. Далее, колебания, тепло-физика и проблемы, связанные с урало-кузбасской проблемой. Я убежден, что все это подлежит еще дальнейшему пересмотру и синтезированию. В буржуазной науке этот синтез происходит стихийно. Над чем, собственно говоря, работает буржуазная физика? В буржуазной физике сейчас в основном все эти проблемы строения материи являются не чем иным, как отражением определенной, большой технической задачи, решения которой несознательно ищет физика. Это—поиски нового источника энергии, поиски внутриатомной энергии. Недаром в волновой механике, в квантовой физике уравнение Эйнштейна—энергия равна произведению массы на квадрат скорости света—играет основную решающую роль,—это не случайность. Так же, как физика прошлого века была в основном лишь отражением технических поисков усовершенствования паровой машины и двигателя внутреннего сгорания, так же теперь физика ищет новый двигатель, новую энергетику. У них это происходит стихийно.

Мы же, исходя из наших основных технических задач, должны построить такую программу физики, которая бы в плановом порядке подводила нас к решению проблем. Строить ее мы должны не случайно, беря лишь то, что лежит на поверхности, а выводя этот план из всего развития науки. Мне кажется, что это основная наша задача. Если в результате моего доклада удастся собрать совещание физиков, чтобы они построили такой

план по своим специальным проблемам, как биологи свой [redacted], чтобы они хоть фундамент заложили для создания такого плана, [redacted] будет громадным достижением. Вместо декларативных приветствий на конференции в Колонном зале нам следовало бы сговориться с физиками, химиками, биологами, которые там работают, о том, чтобы устроить об'единенные заседания. Нам нужно по каждому отделу знаний предложить им деловую программу.

Мы имеем уже кое-какие первые наброски такого плана. В математике, например, такие проблемы более или менее выкристаллизовались, так как в области математики мы имеем кое-какие достижения. Я надеюсь, что через месяц товарищи будут иметь возможность судить и критиковать наш дискуссионный сборник под названием «На борьбу за материалистическую диалектику в математике», довольно об'емистый — страниц в 300 — коллективный сборник. Но нельзя даже в области математики сказать, что этот план уже готов, что все уже выверено.

Или возьмем биологию. Биологи говорят, что основные проблемы, которые сейчас стоят, это проблемы биохимические, проблемы генетики, проблемы физиологии. Нужно по-новому поставить проблемы физиологии, связи эволюции с физиологией и т. д. Взять, скажем, такие проблемы—физиология труда, физиология питания. проблемы биологические, связанные с животноводством, с растениеводством, питанием и т. д. Все это совершенно необходимо. Есть у нас такой единый план? Есть у нас такой подход к единому плану? Их нет. Единая программа, единый план возникнет, я думаю, только в результате нашей конференции. Это будет результат действительно коллективного труда. Он не будет только наброском, мы все будем его знать, мы будем обсуждать его в институтах, а затем снова подвергнем его разбору здесь. Тогда это будет действительно продуманный, а не надерганный план вроде той окрошки, которую Наркомпрос, в лице т. Луппола, представил на конференцию в Колонном зале как план научно-исследовательской работы. Здесь, как в хорошем кооперативе, полный ассортимент всего, чего изволите. Такой план нам не нужен. Это не план, это сумма случайно возникших по каким-то причинам вопросов.

Мы не имеем, конечно, основания сказать, что у нас абсолютно отсутствуют всякие конкретные результаты по отдельным дисциплинам. Конечно, у нас имеются конкретные результаты научно-исследовательской работы. Но они, как я уже говорил, пока что единичны, их чрезвычайно мало. Наряду с этими конкретными, положительными результатами у нас имеются также и громадные прорывы.

Чрезвычайно больно было на конференции в Колонном зале слушать, как пионеры выступили с вопросом о политехнизации. Они заявили: «Вот вы сидите здесь, ученые люди; почему же вы для нас, для политехнизма ничего не даете?!» Я сам во время моей работы в партийном аппарате ставил перед товарищами из Комакадемии эту задачу. Я специально созывал товарищей, работающих на фронте педологии, психотехники и т. д., и говорил с ними о том, что они могут дать по психотехнике, по педологии и т. д. в этой области. Я говорил о том, что они должны что-нибудь здесь сделать.

Приходится констатировать, что ничего в этой области не сделано. А ведь мы прекрасно понимаем, какой рычаг представляет собой дело политехнизма. Мы понимаем, что без политехнизма мы не сможем устранить противоположности между умственным и физическим трудом. И мы, марксисты-ленинцы, работающие в отдельных отраслях естествознания, которые должны быть поставлены на конкретную службу политехнизму, позорно ничего не делаем!

Возьмем хотя бы такую область, как область психотехники и педологии. Никаких твердых установок у них нет. В психотехнике—сплошная пу-

таница. Кроме эклектизма, кроме попыток заимствовать модное буржуазное словечко, подделаться под то последнее дуновение ветра, которое они воображают последним словом партийной директивы, ничего нет. Полная бесхребетность, полное отсутствие работы над самим собой, отсутствие серьезной экспериментальной базы. В педологии дело обстоит не лучше. Позорно для большевика выступать так, как выступают иногда некоторые наши товарищи с психоневрологического фронта. Они, например, позволяют себе говорить так: «Раз меня критикуют, психотехника перестает существовать». Были такие выступления? Были. Мы знаем случаи, когда люди заявляют: «Если прикажут, то педология перестанет существовать».

А ведь педология, психотехника представляют собою чрезвычайно нужное дело. Это нужнейшие науки для социалистического строительства. Мы знаем, что в наших школах иногда калечат детей вместо того, чтобы их воспитывать. Это всем известный факт, о котором пишут наши газеты. Нужна разработка теории, нужна разработка определенных нормативных данных для политехнизма. Все это необходимо сделать, и все это не делается. Так что прорывов у нас еще очень и очень много.

Как поставлено у нас преподавание в вузах, в ФЗС? Как поставлено у нас преподавание естествознания, математики и т. д.? Безобразно. Мы безобразно мало этот вопрос выдвигаем. Во всех этих областях у нас нет ни одного или почти ни одного марксистско-ленинского учебника. Только недавно вышел действительно выдержанный марксистско-ленинский учебник математической статистики. Но если мы возьмем другие отрасли, то увидим, что у нас нет ни учебника физики, ни учебника химии и т. д. Мы еще преподаем по старым учебникам. Мы еще пичкаем головы нашего студенчества той буржуазной дрянью, о которой говорил Ленин. Мы пичкаем ею наших втузовцев, наших вузовцев, все наше молодое поколение. И после этого нечего удивляться тому, что это молодое поколение потом поддакивает старому поколению буржуазных профессоров и говорит: «Ну, техника, но при чем тут материализм и диалектика? Тут только техника, тут нет никакого материализма, никакой диалектики». После этого нечего удивляться тому, что хорошие партийцы-инженеры, когда им дают задачу разобраться во вредительских работах Рамзина, говорят: «Вычисления все верны, ни одной ошибки в уравнениях нет, следовательно ничего такого там не было». Когда потом, после того уже, как в «Большевике» появилась статья, перед этими товарищами снова поставили этот вопрос, эти товарищи заявили: «Ну, что же? Мы и до сих пор не понимаем, как это так. Ведь действительно все вычисления верны, а то, что Рамзин не учел такие-то и такие факторы, так при чем же тут техника? Ведь техника имеет дело только с машинами, а в машинах никакой политики нет». И особенно грустно здесь то, что это говорят инженеры, которых мы воспитали. Это мы даем им такую «чистую» технику. Мы сами даем такую «чистую», загрязненную таким буржуазным практицизмом науку и сами несем за это вину.

И еще громадная задача стоит перед нами,—задача популяризации знаний, задача антирелигиозной пропаганды, пересмотра методики обучения, пересмотра учебных планов, программ, издания учебной литературы. Все эти задачи ждут своего разрешения.

Я бы еще хотел прибавить одну деталь. Я говорил о книжке Бавинка—это книжка о результатах естественных наук. Нам, конечно, не такая, не махистская, не мистическая книжка нужна. Нам нужно наше, материалистическое, диалектическое изложение современных достижений естествознания. Вчера т. Ярославский говорил, что мы, борясь против религии, должны разрешать все «проклятые вопросы». Нам нужно дать на них ответ, а мы этого не делаем. Мы имеем единственную книжку Гурьева с ошибками механисти-

ческого и другого порядка: но все-таки ее можно использовать, переделать в смысле методологии. Это книжка для массового читателя. Конечно, нам такие книжки нужны, как и еще более простые брошюрки, но нам также нужны книжки для высококвалифицированного читателя, для тех, кто хоть и не понимает дифференциального уравнения, но и без всех этих уравнений хочет узнать о последнем слове науки. Такой книжки у нас нет, и наша задача — создать ее, создать такую популярную и в то же самое время научную книгу, которая исчерпывающе освещала бы все достижения естествознания, книгу, на которой мы могли бы учиться материалистической диалектике. Такая книжка должна быть создана, и опять-таки коллективными усилиями.

Задача ОВМД—громадна; она состоит в том, чтобы подбирать все новые и новые силы, а их, этих новых сил, которые будут расти, имеется огромная масса. Все они должны сосредоточиваться под руководством Комакадемии. Постановление ЦК нашей партии от 15 марта 1931 г. дает четкую и ясную установку в этом вопросе; оно дает нам и принципиальные, теоретические установки, оно дает нам в то же время и установки организационные. И для Комакадемии, и в частности, для Ассоциации естествознания, оно дает определение их роли по линии методологического руководства этой областью, То обстоятельство, что Институт красной профессуры естествознания сливается с Ассоциацией естествознания, имеет большое значение. Тем самым будет создан единый центр, тем самым молодые, свежие, не испорченные старым «академизмом» силы возьмутся за дело, тем самым будут несомненно созданы все те предпосылки, которые необходимы для практического решения этих многочисленных и очень трудных задач.

Перед нашим обществом стоит в то же время задача не замыкаться внутри нашего общества, пойти к тем естественникам и техникам, которые находятся вне нашего общества, организовать ячейки ОВМД, организовать живую связь с нашим обществом в научно-технических исследовательских институтах, в вузах, организовать методологическую помощь всем тем, кто желает, но не умеет и не может найти к нам путей, не знает, как к нам притти.

Я хочу закончить не торжественно, а наоборот, весьма прозаично. Я хочу обратить внимание на одну из самых неприятных болезней, которые имеются на нашем фронте. Это—та расхлябанность, та обломовщина, которая царит у нас в области науки вообще и в наших рядах, по-моему, в частности. Если мы посмотрим на то, как работают наши институты, мы увидим, сколько процентов времени уходит на пустую болтовню, сколько процентов времени уходит на хождение и толкание по коридорам, на переливание из пустого в порожнее. Мы все охотно записываемся в ударники, но когда дело доходит до того, чтобы составить конкретный план по социалистическому соревнованию, мы начинаем чесать затылки и говорить о том, как это можно такой доклад выполнить. Если мы даже и постановляем это выполнить, то на деле мы этого не выполняем, никакие сроки у нас не осуществляются.

Мы должны вспомнить, что говорил Ленин в начале революции,—«что русский человек плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Это не может быть иначе при режиме царизма и наличии остатков крепостного права. Эту задачу советская власть должна поставить перед народом во всем об'еме». И дальше: «Деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция не понимает того, что для социализма главная трудность состоит в обеспечении производительностью труда». Хотя в нашей среде не имеется деклассированной буржуазной интеллигенции, в большинстве мы имеем рабочие, пролетарские кадры, к сожалению, надо признаться, что у этой деклассированной буржуазной интеллигенции мы многому научились.

Обломов еще жив в нашей среде. Он очень живуч. Борьба против обломовщины, борьба за трудовую дисциплину в науке, за такую дисциплину, которой мы достигли в нашем производстве, на наших предприятиях и в колхозах,—это также одна из наших важнейших задач. Мы были бы плохими марксистами-ленинцами, если бы говорили о своих задачах на фронте естествознания, на фронте техники, не учитывая в то же время организации живых сил, организации этого важнейшего фактора теоретических сил на фронте науки и техники. Организовать труд, научный труд, освободиться от заседательской и прочей суетни, освободиться от бессмысленной иногда перегрузки и т. д., распланировать труд, освободившись при этом от проклятого наследия царизма—обломовщины,—это также одна из важнейших задач, стоящих перед нами в области естествознания и техники.

Эту задачу мы разрешим. Мы разрешим ее так же, как разрешаем и все остальные задачи; мы разрешим ее так же, как наша партия большевиков до сих пор разрешала все исторические задачи и разрешит их в дальнейшем в мировом масштабе.

Заключительное слово.

Скажу два слова относительно выступления т. Познера, который совершенно неверно понял и извратил вопрос о классификации науки. Прежде всего из истории науки и истории философии всем прекрасно известно, что на поворотных пунктах истории классификация науки всегда играла самую решающую роль. Мне непонятно, как может т. Познер, профессор этого предмета, понимать вопрос так, что классификация науки—это дело только одних названий, а названия, мол, неважны. Мы знаем, что и название имеет значение, но дело здесь не в названии, а дело в том, что когда гидробиология изучает и лягушек, и медуз, и рыб, и китов, то по этой классификации строятся институты, хотя киту корова ближе, чем щука. Когда мы говорим о классификации, то мы понимаем, что мы должны на основании этой классификации организовать и управление. Далее, т. Познер позволил себе такое выражение: «В докладе фигура Деборина заслонила фигуры Энгельса и Ленина». У т. Познера, видимо, есть привычка к таким «мягким» выражениям. Ведь по существу он обвиняет нас в ревизионизме. Мы ревизуем, выходит, положение Ленина о том, что естествознание рождает диалектический материализм. Тов. Познер, повидимому, забыл, что с тех пор, как Ленин писал эти слова, прошло четверть века, и четверть века не простых, а таких четверть века, когда была империалистическая война, когда началась мировая революция, наша Октябрьская революция, когда на одной шестой земного шара не существует больше капиталистического строя, когда мы вступили в период социализма. Разве эти маленькие события не говорят за то, что колыбель, где рождается диалектический материализм, из 5/6 мира перенеслась к нам, что все прогрессивное идет к нам, все тянется сюда. Нужно это понимать, а не ставить вопрос так, как его ставил т. Познер.

Теперь относительно выступления т. Васильева. Оно нас всех достаточно развеселило. Грустно только одно: я не понимаю, как это в Баку, где имеется такое количество крупных инженеров, которые работают в промышленности, в передовой нашей промышленности, как это там т. Васильев выискал одних пьянчужек, виталистов, круглых нулей, круглых идиотов и преступников! Плохо вы ищете, там есть люди, на которых надо опираться и которых можно воспитывать, люди, которые нам будут помогать и которые пойдут с нами.

Совершенно правильно отметил здесь т. Новицкий, что слова «от слова к делу» не означают, что мы должны прекратить самокритику. Основное—

в том, что мы должны продолжать самокритику, должны продолжать борьбу на два фронта. Но недостаточно только критиковать, недостаточно теоретизировать. Нам нужна и практическая работа, и только в единстве этой практической работы, самокритики и теоретической работы родится та большевизация науки, которая является основным звеном, ухватившись за которое мы вытащим и всю цепь.

Теперь относительно выступления т. Гессена. Я считаю, что выступление т. Гессена было не таким, какого мы от него ожидали. Тов. Гессен делает шаги, но с большим трудом, к тому, чтобы отказаться от тех крупных ошибок, которые были у него, вместе со всем естественно-научным руководством. Тов. Гессен все же не сумел здесь поставить вопрос по-партийному, как следует. Нужно было говорить не только о догматизме, и даже не в этом дело. А нужно было прямо сказать, что нет большевизма в науке у него и товарищей, которые вместе с ним шли или с которыми он шел. Вот что нужно было прямо сказать. Тов. Гессен имеет сейчас возможность доказать на практической работе, что он действительно хочет исправить свои ошибки. Тов. Гессен руководит крупными физическим институтом, он входит в редакцию нашего журнала, теперь переименованного «За марксизм и ленинизм в естествознании». Мы будем продолжать критиковать ошибки т. Гессена, помогая ему, и если он поймет, что это не «заезжательство», а единственный путь, которым мы можем воспитывать действительно марксистско-ленинские кадры, то он будет иметь возможность исправить все, возможность действительно целиком и полностью включиться в наши ряды.

Я, собственно говоря, кончил и хочу лишь в конспективном виде зачитать одну страничку того, что нам нужно делать.

Эти основные пути следующие. Во-первых, большевизация науки. У нас имеется ряд звеньев цепи, и большевизация науки является первым из них. Что же нужно сделать, чтобы реорганизовать на основании материалистической диалектики науку и технику? Куда приложить свои силы?

Первая точка приложения — надо разработать марксистско-ленинскую науку и технику. Что для этого нужно сделать? Для этого нужно выполнить то, что давно намечалось,—нужно изучить наследство Маркса и Энгельса. Нужно разработать наследство Маркса и в частности наследство Энгельса, которое не вошло в «Диалектику природы». Нужно разработать марксистско-ленинскую классификацию науки. Нужно изменить организацию соответствующей работы, нужно изменить систему и в связи с этим и руководство всех научных учреждений.

Вторая точка приложения — нужно создать единый производственный план по разным отраслям науки, для чего, во-первых, нужно работать внизу— в лабораториях, заводах и т. д., и, во-вторых,— нужно предусмотреть определенные этапы этого плана. Нужно его построить по системе производственных планов на предприятиях, с контрольными точками определенного срока, определенной личной ответственностью отдельного коллектива и т. д.

Третья точка приложения — надо всем естественникам, всем научным работникам в области естествознания и техники непрерывно изучать наследство Маркса, Энгельса и Ленина, изучать диалектический материализм.

Четвертая точка приложения—для этого нужно организационно закрепить плановое творчество, но закрепить так, чтобы созывать отдельные конференции по отдельным отраслям, где эти планы будут прорабатываться.

Пятой основной точкой приложения наших сил является изменение метода научной работы, что означает, во-первых, реконструкцию методов исследования, методов экспериментирования, во-вторых, это означает коллективность в работе, бригадность, ударничество, соцсоревнование, в-третьих,

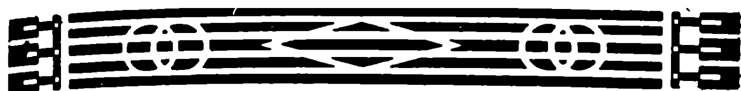
это означает учет и контроль в работе, а в-четвертых,—пролетарскую сознательную дисциплину, такую же, как на предприятии.

Шестой точкой приложения наших сил является задача непосредственного применения. Она, по моему, состоит, во-первых, в максимальном содействии политехнизму, во-вторых, в максимальной работе в области создания программ, учебников и методики преподавания в вузах и втузах. В-третьих, это максимальное участие в наших энциклопедиях — Большой советской, Технической и Медицинской, в научной литературе, журналах и т. п. Следующее — это массовая популяризаторская работа. Затем антирелигиозная работа. Затем создание мироведения для вузовцев и для втузовцев.

Следующая седьмая точка — это выход на международную арену. Товарищ из Берлина, который вчера здесь выступал, сегодня был у меня и подробно со мной беседовал. Нам нужно реагировать не только на такие отдельные события, как, скажем, гегелевское торжество, которое будет этой осенью в Берлине, но нам нужно возможно чаще выступать на международной арене, хотя бы даже и с той скромной продукцией, которая у нас есть, ибо и она поражает буржуазных естественников. Они жадно нас читают, потому что они ищут везде выхода из кризиса, ищут везде чего-либо нового. Мы должны сейчас к этому перейти. Мы взяли на себя задачу, чтобы наши общества дали сборник реконструкции науки в наш период. Мы дадим его в течение ближайшего времени.

Восьмая точка приложения — это вопрос о кадрах. Сюда относится работа со специалистами, перевоспитание специалистов. Затем организация ячеек нашего общества в технических обществах. Затем, работа в районах, особенно в национальных районах. И последнее, основное в этом вопросе, это вербовка в Институт красной профессуры, как в Институт красной профессуры естествознания, так и в Институт красной профессуры по технике, который мы должны организовать для новых марксистских сил. Если не ошибаюсь, у нас имеется уже ядро в 30 человек.

И последняя, девятая точка приложения, основное условие — это вопрос непрерывного ведения борьбы на два фронта и борьбы против примиренчества, это большевистская самокритика, это участие всех молодых товарищей в работе, прекращение игры в каких-то олимпийцев, что было раньше, это дружная товарищеская работа на основе большевистской партийности.



Марксизм-ленинизм о победе социализма в одной стране.

С. Петропавловский.

1. Сущность вопроса о победе социализма в учении Маркса — Ленина.

Социализм, родившийся в тяжелой классовой борьбе после долгих кровавых мук родов, есть уничтожение всякой частной собственности на средства производства и деления общества на классы, что ведет к отмиранию государства и совершается на основе мощного революционного роста пролетариата и планового развития производительных сил общества в переходный период. Революционное насилие является повивальной бабкой нового общества, которому предшествует переходный период революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое и революционной диктатуры пролетариата. Это период самой решительной и острой классовой борьбы пролетариата с буржуазией, борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся, растущим и укрепляющимся коммунизмом.

Такова перспектива социалистического переворота, которую вывели Маркс, Энгельс и Ленин из глубокого научного анализа классовой борьбы в капиталистическом обществе.

Пролетарская революция в России и строительство социализма в СССР блестяще подтвердили их гениальные выводы.

Революционный процесс состоит из ряда последовательных ступеней и этапов и протекает разными темпами и в разных проявлениях в различных странах: развитого или отсталого империализма, угнетающих или колониальных, идущих во главе мировой революции, как СССР, или претворяющих уже его опыт и т. д. Внутренняя и международная обстановка каждой страны видоизменяет этот процесс. Поэтому и самую победу социализма нельзя представлять себе, как такой революционный акт, который совершается одним ударом, единообразно и одновременно во всем мире.

Теоретическое изучение вопроса и исторический опыт Парижской коммуны 1871 г., Финской, Венгерской и Баварской советских революций 1918—1919 гг., и особенно Октября 1917 г. и строительства социализма в СССР, говорят о том, что социализм последовательно побеждает капитализм на тех этапах и ступенях, которые должны быть пройдены в процессе развития переходного периода и социалистического общества. Для успешного завершения каждого из этих этапов необходимо решительное подавление особенно обостряющегося в определенные моменты сопротивления классовых врагов пролетариата и преодоление трудностей и противоречий, выступающих и возникающих в различных странах в ходе развития диктатуры пролетариата и строительства социализма. В своем к о н е ч н о м результате, в мировом

масштабе, эта борьба даст не только полную, но и окончательную победу социализма. Победы же, одержанные в отдельных странах, на отдельных этапах и ступенях, являются такими частичными победами, которые все более и более приближают общество к полному торжеству социализма и к окончательному преобразованию общества из капиталистического в коммунистическое не только в отдельных странах, но и во всем мире.

В этой всемирно-исторической цепи событий пролетариат одной страны может завершить внутри этой страны полное построение социализма. Он может нанести врагу, капиталистическим элементам, полный разгром и построить в своей стране, внутренними ее силами полное социалистическое общество. СССР является именно такой страной побеждающего социализма, основой для грядущей мировой победы коммунизма. В СССР имеются все необходимые для этого условия — мощные экономические ресурсы, огромный революционный опыт и сила пролетарских и идущих за ними крестьянских масс, руководимых большевистской партией и поддерживаемых международным пролетариатом. Помощь и тем более победа международного пролетариата может в огромной степени ускорить построение социализма в отдельной стране, совершаемое ее внутренними силами. Однако окончательно закрепить победу социализма в ней, обеспечив ее от нападений империалистов извне, гарантировать победу социализма над капитализмом в случае вооруженного столкновения социалистической страны с интервентами капиталистического окружения, могут лишь два условия: мощь самой этой страны и сила революционного движения международного пролетариата.

Военный, экономический и политический разгром классового врага пролетариата либо во всем мире, либо прежде всего в самых сильных империалистических странах будет решающей, окончательной победой социализма. Полная победа социализма в одной стране и окончательная его победа во всем мире связаны между собой диалектическим единством. Но вместе с тем необходимо уметь четко, диалектически же различать и расчленять первое и второе. Первое возможно внутренними силами пролетарской диктатуры одной страны. В СССР победа социализма уже обеспечена. Второе же возможно лишь силами международного пролетариата. Лишь окончательная победа международного пролетариата поведет к об'единению всех стран и наций в социализме. К ней нельзя притти без стратегического руководства единого революционного штаба, каким служит Коминтерн.

2. Развитие вопроса в работах Маркса и Энгельса.

Маркс, Энгельс и Ленин на протяжении всей своей революционной деятельности живо интересовались разрешением проблемы победы социализма. Первая постановка ее была дана Марксом и Энгельсом еще в предмартовский 1848 г.: в рукописи о Л. Фейербахе (1845—46 г.), в «Принципах коммунизма» (1847 г.) и в «Коммунистическом манифесте» (конец 1847—начало 1848 г.).

Решение первой части вопроса — о неизбежности всемирной победы коммунистической пролетарской революции над капитализмом и об окончательном торжестве коммунистического общества — было сформулировано великими вождями пролетариата в первых же их работах и особенно ярко в «Коммунистическом манифесте». С тех пор эта идея превратилась в один из краеугольных камней всего учения революционного марксизма и всей классовой борьбы пролетариата. Программа ВКП(б) точно формулирует этот вывод словами — «окончательная победа пролетариата — неизбежна»

Что же касается решения другой части вопроса — возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране, то оно складывалось исторически, на основе глубокого теоретического изучения вопроса, накопления революционного опыта пролетарской борьбы и марксистского учета изменяющейся исторически-конкретной обстановки в капиталистических странах, которые с 40-х годов прошлого столетия и до нашей эпохи пережили бурное экономическое и политическое развитие.

В течение 40-х годов (включая и 1848 г.) Маркс и Энгельс категорически заявляли о невозможности не только полной, но даже первой победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. Победа коммунизма могла быть одержана, по их мнению, только на всемирной арене пролетарской революции и только как совместная победа всемирного пролетариата, хотя сама по себе эта революция могла начаться не одновременно в разных странах, как Франция, Англия, Германия, различаться в них конкретным ходом своего развития и отнюдь не быть одноактной. Пролетарии отдельных стран, например Франции и особенно Англии, обладали некоторыми условиями, способствовавшими успеху, но решить эту задачу одними своими силами и только в своей стране они были не в состоянии ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном отношении. Этот вывод Маркса и Энгельса вытекал из их ясного анализа всемирной обстановки и развития отдельных стран.

В центре тогдашнего политического движения была Франция, как революционный инициатор, в центре же всемирной экономики — Англия, как метрополия капитала, в которой чартистское движение уже шло на уклон. Таков был исторический разрыв и противоречие этого периода. Другие континентальные страны Европы благодаря своей отсталости составляли как бы полуфеодальный, полукапиталистический фон для этих двух народов. Начавшая развиваться Северная Америка была на отлете от Европы. Весь остальной мир, особенно Восток, спал в своей патриархальной неподвижности; его экономическое пробуждение лишь начиналось под влиянием грабительского английского капитализма и конкуренции английской промышленности с разоренным ею ручным ремеслом восточных стран (Китай, Индия).

Первая же победа пролетариата какой-либо одной капиталистической страны Европы, прежде всего Франции, где ни экономические, ни политические предпосылки для социализма еще не созрели, натолкнулась бы на жесточайшее сопротивление не только французской буржуазии, но и консервативной буржуазии Англии, которая могла экономически задушить революционную страну и в то же время на свои сокровища сорганизовать против нее, подобно временам Великой Французской революции, подавляющую военную коалицию отсталых монархических стран с царской крепостнической Россией во главе и в хребте ее. Жертвой такой реакционной коалиции пала революционная Венгрия в 1849 году. Слабая экономическая и политическая дифференциация большинства европейских стран, медленный темп их экономического развития, а потому и недостаточно быстрое еще в то время нарастание неравномерности экономического и политического развития капитализма отдельных стран,—все это создавало на континенте обстановку, не дававшую необходимых шансов для победы даже такого хотя и революционного, но еще слабого пролетариата, каким был рабочий класс Франции. Тогда не могло быть еще и таких серьезных и острых взаимных конфликтов, как впоследствии при империализме, между соединяющимися против революционной страны частями реакционной коалиции. Поэтому шансы на самую возможность самостоятельного захвата власти пролетариатом тогдашней Франции были ничтожны. Даже в случае успеха пролетар-

ская диктатура при чрезвычайной ее внутренней слабости подвергалась бы в то же время извне самой серьезной, почти неизбежной опасности разгрома,— опасности, которая не парализовалась бы, как в наше время, ни революционными ресурсами самой страны, ни достаточной поддержкой революционного движения пролетариев других стран, ни острой борьбой и конфликтами реакционных государств.

Пролетариат всех тогдашних континентальных стран составлял ничтожное меньшинство населения, не прошел серьезной школы крупной промышленности, которая лишь начинала свой под'ем, еще не закалился в упорной классовой борьбе, не обладал необходимой сознательностью и организованностью для социалистического переворота и не стал еще вождем крестьянства и трудящихся. Он ни в коем случае не мог начать свою революцию с чистой диктатуры пролетариата. К ней, если иметь в виду даже Францию, как более передовую страну на континенте, и тем более Германию, он мог притти через период революционно-демократической диктатуры вместе с другими мелкобуржуазными классами и то лишь в результате значительного революционного развития и при условии победы и прямой поддержки пролетариата Англии. *Ни внутренних сил, ни внешних условий для самостоятельной победы пролетариата и тем более для обеспечения ее ни в одной стране европейского континента еще не было.* В них, как в конечностях и периферии всего экономического организма, идущего от центра — от Англии, «народная» (буржуазно-демократическая) революция (и лишь затем пролетарская революция) могла начаться лишь как конвульсия, от экономических кризисов в английской метрополии капитализма — на подобие революции 1848 г. Благополучное завершение этого революционного процесса зависело от событий в Англии. Без ее прямого участия, как хозяйственного двигателя всего капиталистического мира, другие страны при их экономической слабости и отсталости в то время не только построить, но и строить у себя социализм не могли.

Особое положение занимала Англия: будучи экономической сердцевиной и кузницей всего тогдашнего капиталистического мира, обладая крупными кадрами промышленного пролетариата, находясь в островном, защищенном положении, она не только определяла экономические судьбы других стран, но и имела более значительные возможности экономического переворота у себя в стране. Ее революционная координация с пролетарской инициативой во Франции могла бы дать огромные результаты. Поэтому-то Маркс и указывал, что при политической инициативе Франции организующее начало, т.-е. серьезное экономическое строительство социализма, начнется только в Англии. Однако при одиночном выступлении пролетариата Англии, возможность победы социализма в ней при отсталой неподвижности других стран, стояла также под величайшей неопределенностью и угрозой, так как снабжение сырьем и хлебом, а также сбытовой рынок Англии зависели в огромной мере от европейских стран. Дезорганизация этого снабжения и рынка или открытие их со стороны реакционных держав континента ставили под угрозу всю экономику Англии. Нельзя забывать и тот важнейший факт, что революционная инициатива английского пролетариата в то время была уже значительно понижена и не давала поводов ожидать от него самостоятельного революционного выступления.

По этим причинам вопрос о возможности даже первой победы социализма в одной, отдельно взятой стране, т.-е. такой победы пролетариата, при которой, захватив власть, он успешно укрепил бы ее и начал самостоятельно строить социализм в своей стране, решался Марксом и Энгельсом в 40-х *годах категорически-отрицательно.*

В 50-х годах Энгельс вновь берется за его проработку, а Маркс в 60-х годах возвращается к нему в своих письмах.

В 50-х годах Энгельс начал обстоятельное изучение вопроса о возможности победы французского пролетариата в смысле овладения им властью. Вначале это не могла быть чистая диктатура пролетариата, а только лишь соединенная с другими трудящимися революционными классами, главным образом с крестьянством, демократическая диктатура, но при руководящем господстве пролетариата и с тенденцией перехода ее в социалистическую диктатуру, ведущую к созданию социалистического общества. В своей работе «Перспективы войны Франции против Священного союза» он всесторонне рассматривал неизбежную борьбу вооруженных сил революционной Франции с контрреволюционной военной коалицией континентальных держав, не касаясь в этой борьбе непосредственного военного участия Англии.

Что касается экономической победы социализма в одной лишь Франции, то ее Энгельс считал невозможной без участия других стран. Но здесь революционная координация касается уже не одной лишь Англии. Условие экономической победы поставлено так: или содействие революционного переворота в Англии или удвоение производительных сил совместно, в ходе их революций, во Франции и Германии. Здесь уже выдвигается на важное место новая страна — Германия, экономическое развитие которой после революции 1848 года быстро пошло вперед, создавая предпосылки к об'единению всей этой раздробленной страны. Здесь же отводится более серьезная роль и внутренним экономическим и политическим силам самой Франции, пролетариат которой начал оправляться от ран 1848 г., а капитализм после кризиса сороковых годов взвинчивался спекулянтами второй империи и пожинал золотые плоды.

В вооруженном состязании между французской демократической революцией под гегемонией пролетариата и монархической контрреволюцией — на стороне революции, для защиты ее завоеваний и подавления реакции, имелось, по мнению Энгельса, достаточно наличных сил против внутренних врагов. Менее определенно складывалось соотношение сил революционной Франции и «Священного союза» европейских монархических правительств. Энгельс с величайшей точностью и тщательностью взвешивал и подсчитывал все силы и шансы обеих сторон для борьбы. У контрреволюционных союзников имелся несомненный численный перевес в вооруженных армиях. У революционной Франции эти силы тоже были значительны и, кроме того, имелся ряд стратегических условий, благоприятствовавших длительному сопротивлению врагу и защите страны.

Статья Энгельса не закончена. В ней нет и не могло быть вывода о вероятном исходе вооруженной борьбы. Но уже самая постановка вопроса показывает, что Энгельс серьезно проверял точку зрения 40-х годов, учитывая и внося в нее все новое, все данные, шансы и трудности революции. Из этого анализа можно вывести указания Энгельса на те тенденции в историческом развитии, которые подготовляли почву и внутренние силы для победы социализма в отдельной стране (пример — Франция), но для того времени еще не создавали условий для возможности этой победы. Внешние же условия были еще более неблагоприятны, хотя и в них происходили изменения.

В 60-х годах Маркс и Энгельс не внесли изменений в разрешение рассматриваемого нами вопроса. Экономическое и политическое развитие Европы не принесло еще таких решающих изменений, которые могли бы дать ему совсем иное направление. В письмах Маркса к Кугельману и в обращении Генерального совета I интернационала к Федеративному совету романско-швейцарских коммунистов мы находим лишь повторение прежней точки

зрения Маркса о **невозможности** победы социалистического переворота в какой-либо стране Европы **без помощи Англии**, которая являлась метрополией капитала и «великим рычагом пролетарской революции» (Письма к Кугельману, стр. 98). Но сама Англия того времени с ее «обуржуазившимся» рабочим классом не давала основания для широких революционных перспектив в ближайшем будущем, хотя во всей Европе в 50-х и 60-х годах Маркс и Энгельс наблюдали революционизирование ситуации благодаря кризисам и достаточное количество революционного горючего материала в отдельных странах (Франция, Германия, Италия, Россия). Однако в произведениях Маркса имеются ясные указания на начавшееся уже **изменение** в соотношении экономических сил между странами Европы благодаря росту капитализма не только в Англии, но и в других странах (Германия).

Новые моменты во взглядах Маркса—Энгельса на эту проблему мы находим в 70-х **годах** как в отношении Франции, так и в отношении Англии.

Для Франции вопрос ребром был поставлен **Парижской коммуной**, ярко осветившей положение дел и в самой Франции и во всей Европе. Теперь остро встал вопрос о внутренних силах пролетарской революции и о внешних условиях для ее победы. Несмотря на разлагающее влияние империи Луи-Бонапарта, экономическое и политическое развитие Франции в годы после революции 1848 года шагнуло так далеко, что во внутренних условиях ее создались уже об'ективные предпосылки для успеха пролетарского переворота если не в смысле непосредственно близкой организации социалистического общества, то в смысле завоевания пролетариатом власти. Она должна была пройти вначале через революционно-демократическую диктатуру, основанную на союзе пролетариата с крестьянством, и сделать первые шаги к социализму в меру классового созревания и роста сил большинства пролетариата. Результаты войны с Пруссией — поражение Франции и общий кризис в стране, растерянность буржуазного правительства в начале восстания Коммуны и недовольство широких масс населения правительством Тьера, вооружение пролетариата и пленение французских буржуазных армий немцами — **создали ряд благоприятных внутренних условий для пролетарской революции.**

Иначе обстояло дело с той внешней средой, которая окружала Францию и особенно революционный Париж. Весь старый мир реакционным кольцом охватывал истощенную в войне Францию, а прусские армии под командой юнкеров угрожающе стояли под стенами пролетарского Парижа, совершая предательские измены в отношении договора с Коммуной, отдавая версальцам позиции для атаки ее, пропуская их войска, возвращая Тьеру пленных солдат и т. д. и т. п. Они были готовы броситься на помощь реакционной армии Тьера против борцов нового общества. Маркс в своей знаменитой «Гражданской войне во Франции (1870—71 гг.)» охарактеризовал это основное, внешнее препятствие для победы парижского пролетариата указанием на то, что «после самой ужасной войны новейшего времени победившая и побежденная армии соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат». В письме же к Кугельману от 17 апреля 1871 г. он говорит: «Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом **не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков**, стоящих у самого Парижа» (Письма к Кугельману, стр. 176—177, разрядка моя.—*С. П.*).

Разумеется, такой суб'ективный фактор, как политические ошибки руководителей Коммуны, об'ясняемые классовой незрелостью французского

пролетариата и отсутствием у него выдержанной революционной партии, играли важнейшую роль.

Таким образом мы видим. что Маркс признавал наличие необходимых внутренних сил для победы пролетарской революции в такой стране, как Франция, при преобладании сил контрреволюции вне ее.

Это уже изменяло прежнее мнение Маркса и Энгельса на возможность победы пролетарской революции в одной стране.

В разрезе внутренних же условий ставил Маркс вопрос и об Англии, когда в 70-х годах указывал на выгодность для английского пролетариата откупиться от буржуазной банды для облегчения перехода к социализму, т.-е. выкупить у капиталистов землю, фабрики, заводы и проч. средства производства. В Англии этот период был кульминационным пунктом развития домонополистического капитализма, с наименьшим, в сравнении с другими странами, развитием военщины и бюрократии. Поэтому-то, как указывал Ленин (т. XV, стр. 249), в этой стране «тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими».

К указанным внутренним условиям в Англии присоединялся и ряд других: полнейшее численное преобладание пролетариата во всем населении, а сельскохозяйственных рабочих в земледелии, благоприятная почва среди последних для распространения социализма, превосходная профессиональная организованность пролетариата, высокий культурный уровень его и т. д. Внешние условия при колоссально развившихся торговых сношениях Англии со всеми частями света и усовершенствованном пароходстве хотя и могли представить для нее ряд серьезных затруднений, но давали теперь гораздо больше, чем в 40-х годах, шансов на обеспечение ее сырьем, хлебом и сбытом со стороны заокеанских стран. Таким образом облегчался переход к социализму и уменьшалась угроза подавления социалистического переворота в ней континентальными государствами.

Однако конкретная ситуация не сложилась в духе этой возможности, главным образом благодаря недостатку революционности и восприимчивости к социализму в то время у английских рабочих, подкупаемых в лице рабочей верхушки подачками от прибылей английской буржуазии, эксплоатировавшей и грабившей весь мир.

Начиная с конца 70-х и начала 80-х гг., Маркс и Энгельс (в письмах, в кратком предисловии к «Коммунистическому манифесту» и проч.) указывали на огромную перемену экономической и политической ситуации Европы: на гигантское ускорение капиталистического развития таких стран, как Германия и Россия, образование новых политически-самостоятельных государств (об'единенная Германская империя, Италия), расшатывание русского царизма — этого всемирного жандарма, все большее обострение экономического и политического неравенства развития разных стран при капитализме, рост социалистического рабочего движения в Западной Европе и в России и т. д. Наряду с вырастанием в капиталистическом мире новых экономических сил, постепенно ослаблялась роль Англии, как его экономического центра. Вместе с политическим оживлением европейского, особенно германского пролетариата и упадком, благодаря поражению Коммуны, революционной активности в рядах французского пролетариата, падала роль Франции, как центра политической революционной инициативы. Революционный центр все более переносился на восток Европы — прежде всего в Германию, а впоследствии в Россию. Вместе с тем, в связи с напряженной борьбой капиталистических интересов за миро-

вое экономическое господство и с нарастанием вследствие этого международных конфликтов, Энгельс в 80-х годах заострял вопрос о грядущей международной войне, которая должна привести к революционной ситуации в Европе. По его мнению, если война и не окончится непосредственной *победой* пролетариата, то все же сделает ее неизбежной.

В 90-х годах во введении к «Борьбе классов во Франции» Энгельс подверг критическому разбору и переоценке свои взгляды и взгляды Маркса конца 40-х годов. Он опроверг, на основе более чем 40-летнего исторического развития и опыта, их тогдашние ожидания европейской социалистической революции. Она не произошла не только в силу ослабления революционной ситуации (как думали в 1850—52 гг. Маркс—Энгельс), но главным образом в силу незрелости для этого развития капитализма и еще большей незрелости и неподготовленности самого пролетариата. Зато он доказывал, что теперь эти экономические и политические предпосылки социалистической победы пролетариата все более и более *назревают*.

Анализируя экономический и политический ход развития капитализма, его различия и неравномерность в разных странах, рассматривая общую политическую обстановку в Европе, революционное движение пролетариата, могучий, организованный, боевой авангард которого представлял из себя тогда германский пролетариат,— Энгельс утверждал, что теперь «победа европейского пролетариата зависит *не от одной только Англии*» (разрядка моя.—*С. П.*). Разумеется, *окончательная победа* социализма достижима только в *ряде стран*: «Она,—говорил Энгельс,—может быть несомненной только при сотрудничестве Англии, Франции и Германии». Но то, что *победа пролетариата возможна первоначально в одной стране*, явствует из убежденного заявления Энгельса. «Не возможно ли при теперешнем положении вещей, *что Германия станет ареной для первой великой победы европейского пролетариата*», (разрядка моя.—*С. П.*).

Таким образом, в английском предисловии (1892 г.) к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс сформулировал идею о *возможности победы пролетарской революции первоначально в одной стране*, в Германии, пролагающей путь международной победе пролетариата.

Увязывая эту возможность с перспективой европейской войны и связанной с нею революционной ситуацией, Энгельс выдвигал перед германским пролетариатом и германской социал-демократией *задачу революционного овладения политической властью в Германии*. Он готовил к этому германский рабочий класс, требуя в случае войны решительных мероприятий, ведущих к революционной войне и к радикальному революционному пути, в отношении имущих классов. Он специально обращался к французским пролетариям, опасность вовлечения которых в войну с революционной Германией была особенно велика, чтобы предупредить их о той контрреволюционной роли, которую постарается им навязать против германской революции их буржуазия, и чтобы указать им на тот новый революционный центр, который теперь возник на востоке Европы — в Германии, а затем в России. Он призывал их понять это и поддержать германский пролетариат.

Дальнейшее историческое развитие, после Энгельса, не привело к такой именно конкретной развязке. Этому помешало гигантское развитие империализма, который в начале XX века сделал из Германии сильнейшую империалистическую страну и позволил ее буржуазии, как и английской, из своих сверхприбылей подкупать рабочую аристократию Германии. Этим путем руководители социал-демократии и профсоюзной организации превратились

из революционной силы в буржуазную агентуру в среде рабочего класса. Они привили более обеспеченным слоям рабочих яд оппортунизма и национализма. Об'ективное развитие перенесло центр революции в Европе еще дальше на восток, в Россию.

Суммируя ход развития взглядов Маркса и Энгельса на возможность победы социализма первоначально в одной стране, мы можем указать на следующие основные его этапы, вытекавшие из их анализа соответствующих ступеней капиталистического развития общества, революционного роста пролетариата и конкретной исторической обстановки пролетарской революции в разных странах. Маркс и Энгельс уделили большое внимание этому вопросу в революционную полосу конца 40-х и начала 50-х годов прошлого века. Они предвидели тогда, что исторический ход событий может поставить этот вопрос на очередь дня революции. В тот период они отвечали на него категорически-отрицательно, считая победу социализма в одной стране, без успешной одновременной пролетарской революции в других странах, невозможной. Для стран европейского континента, т.-е. прежде всего для Франции, победа пролетариата могла координироваться главным образом с переворотом в Англии. Для Англии же революция должна была иметь свою поддержку в революциях континентальных стран Европы.

Межреволюционный период с 1848—51 гг. до 1871 внес мало материала для нового решения этого вопроса. Поэтому Маркс и Энгельс ограничились анализом тех тенденций, которые могли изменить в будущем это решение, не меняя общей концепции своих прежних взглядов в тот период.

Парижская коммуна 1871 г., затем бурный рост капитализма, с его неравномерностями, и мощный расцвет рабочего движения, главным образом в Германии и России, привели Маркса—Энгельса к изменению их прежнего отрицательного взгляда на решение нашего вопроса.

В 1871 г. Маркс, а затем в 80-х и особенно в 90-х гг. Энгельс уже указывали на те внутренние силы в лице революционного пролетариата и высокоразвитой промышленности капиталистических стран, которые делали возможной такую победу пролетариата в одной стране, которая может совершиться еще до успешного развертывания пролетарской революции в других цивилизованных странах Европы и послужить для нее вернейшей предпосылкой. Такой страной с внутренними возможностями пролетарской победы в 1871 г. была Франция, а в 90-х годах Германия. Основной опасностью для этой победы была угроза нападения капиталистов извне, и потому Маркс и Энгельс (воззвание Маркса в 1871 г., обращение Энгельса к французским рабочим в 1891 г.) мобилизуют европейский пролетариат против этой контрреволюции. Этот вывод о возможности победы пролетариата выражался Марксом и Энгельсом тем определённее и яснее после 1871 г., чем дальше и шире шло развитие капитализма. Разумеется, самое понятие о победе пролетариата, об ее этапах — захвате власти, вооруженной ее защите и строительстве социализма — не могло еще быть так уточнено Марксом и Энгельсом, как впоследствии, в период империализма и, особенно, после Октябрьской революции; это было сделано Лениным, а в дальнейшем, в эпоху социалистического строительства, т. Сталиным. Под победой пролетариата в Германии Маркс и Энгельс понимали прежде всего **захват пролетариатом власти** и его господство для создания условий перехода к социалистическому обществу.

3. Развитие вопроса в работах Ленина.

Исторические причины, поставившие Россию в центре революционного движения пролетариата, коренились прежде всего в тех международных отношениях, которые сложились в начале XX века, и в ее социально-экономи-

ческих условиях. Царизм и крепостничество, служившие тормозом для всего экономического развития страны, поставили еще во второй половине XIX в. на очередь дня буржуазно-демократическую революцию. Маркс и Энгельс с середины 50-х годов многократно сигнализируют это нарастание об'ективно-революционной обстановки в России. Отмена царизмом в 60-х годах наиболее раздражающих проявлений крепостничества, переход его к интенсивному насаждению капитализма, всяческие поощрения торгово-промышленной буржуазии и временами заигрывание с либерализмом оттянули на несколько десятилетий русскую буржуазную революцию. Однако уже к концу XIX столетия ситуация в России вновь становится революционной, чтобы в начале XX века стать непосредственно революционной. Во главе буржуазно-демократической революции стал рабочий класс России. В течение целого ряда лет она переживала революционную ситуацию, затем на протяжении 12 лет прошла через две буржуазно-демократические революции и совершила пролетарскую революцию.

С середины XIX века, за исключением Франции перед 1871 г. и во время его, а также отдельных революционных моментов в Польше, Италии и Испании, Европа нигде не переживала такого длительного и острого революционного кризиса. Как период французских революций с 1789 по 1871 год сделал Францию, так сказать, «носительницей революционной идеи», так долгая революционная борьба России постепенно превратила ее в центр европейской и всемирной революции. Долгие годы революционной ситуации; «генеральная репетиция» 1905 года; рабочий класс, молодой, революционный, не разложенный буржуазным подкупом, страдающий от жесточайшего двойного гнета царизма и капитализма, руководимый боевой партией; крестьянство, революционно настроенное против самодержавия и остатков крепостничества, против хищнической его эксплоатации царской бюрократией, помещиками и кулаками,— вот то основное, что в условиях империалистической войны, в условиях разорения, полного разложения царской дворянской монархии, при дряблости буржуазии подготовило победу русского пролетариата. Подобной острой революционной обстановки не было до войны ни в одной из стран Европы. Она начала складываться лишь в течение войны, подготовляя мощную и победоносную революцию европейского пролетариата.

Разумеется, в 1905 году в России, в обстановке только лишь буржуазно-демократической революции, Ленин ни в коем случае даже не ставил вопроса о немедленной социалистической победе пролетариата. Но он видел своеобразие русской буржуазно-демократической революции, во-первых, в гегемонии в ней пролетариата, выступающего за победу и доведение до решительного конца буржуазно-демократической революции в революционном союзе с крестьянством не только против помещиков и царя, но и против предательства буржуазии, а во-вторых, в том, что в меру успехов буржуазно-демократическая революция должна немедленно начать перерастать в социалистическую. Таким образом Ленин держал курс не на длительное существование буржуазного строя, а на немедленный переход буржуазного этапа революции в социалистический.

Тов. Сталин по этому поводу говорил: «Как в 1915 г. Ленин одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти немедленно ко второму ее этапу, к революции социалистической» (Стеногр. отчет XV партконференции, стр. 732, речь доклада т. Сталина). На ряду с этим Ленин учил, что революция 1905 года представляла собою революционную инициативу, сигнал, исходный пункт, факел, который должен был своей победой зажечь пожар европейской проле-

тарской революции. Победа же европейского пролетариата в свою очередь должна была поднять демократическую Россию на новую стадию революции: на стадию перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции и от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к чисто-пролетарской диктатуре.

В этой концепции Ленин опирался непосредственно на воззрения Маркса—Энгельса, именно таким образом расценивавших революционный процесс в России (см. «Письма», статью Энгельса «О России» 1875—94 гг., русское предисловие к «Комм. манифесту» 1882 — 90 гг. и проч.). При этом ближайшего отклика на русскую революцию и грядущую затем победу социалистической революции Ленин, как и Энгельс, ожидал прежде всего в Германии, где мощно развивалось пролетарское движение и была наиболее сильная и марксистски-образованная социал-демократическая партия.

Однако с самого начала революции 1905 г. Ленин предвидел и более тяжелый ее исход, который в действительности и произошел в частности из-за запоздания крестьянских выступлений. Революция 1905 года не победила, за ней последовал период жестокой реакции и империалистической войны. Но она пробудила все классы России, встряхнув историческую спячку самых захолустных уголков. Она обострила до крайности классовую борьбу в стране, сделав таким образом неизбежной и подготовив новую революцию. 1905 год возбудил значительный отклик в рядах западно-европейского пролетариата.

Новым исходным пунктом революции в России явилось оживление рабочего движения после временного его упадка под влиянием свирепой реакции и меньшевистского ренегатства. Новую обстановку для революции создала империалистическая война. Она не сняла с очереди дня буржуазно-демократическую революцию в России, но она настолько сблизила ее с социалистической, что уже в 1915 году Ленин выдвинул перспективу немедленного использования пролетариатом вместе с деревенской беднотой будущей победы буржуазно-демократической революции в России против буржуазии и кулачества «для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» («О двух линиях революции», т. XIII, стр. 214).

Во время войны 1914—18 гг. Ленин раскрыл с исчерпывающей полнотой сущность империализма, подготовленного прежним развитием капитализма и выступившего на историческую сцену с конца XIX—начала XX века. На основе анализа империализма он четко сформулировал и развил з а к о н неравномерности экономического и политического развития капитализма, учтя и внеся в его анализ и формулировку все то новое, что дала эпоха империализма. Закон неравномерности развития капитализма в различных странах и различных отраслях производства вытекает из самой природы экономических отношений капиталистического общества, построенного на частной собственности и анархии производства. Бешеная погоня за прибылью, конкуренция капиталистов и непрестанная борьба их интересов должны с неизбежностью создавать неравномерный экономический рост отдельных хозяйств и государств. «При капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» (Ленин, т. XIII, стр. 132).

Эпоха империализма не смягчает эти противоречия, не сводит их в рамки «организованного» капитализма, как проповедуют социал-демократы и правые оппортунисты, а наоборот, до крайности обостряет их и тем самым усиливает закон неравномерного развития. Капиталистические организации — тресты, синдикаты, картели и проч., создаваемые финансовым капиталом в монополистический период, не уничтожают, а напротив, делают более бешеной конкуренцию и борьбу за прибыль, за овладение колониями, за под-

чинение и безумную эксплоатацию их и за передел мира. В этой борьбе одни страны, тресты, отрасли промышленности обгоняют другие. Одни из них падают и отстают (напр., современная Англия и ее угольная промышленность), другие поднимаются и захватывают экономическое господство (Германия до войны, САСШ с их трестами в настоящее время и пр.).

Различие в силе и темпах развития капиталистических стран, хозяйств и отраслей производства, а отнюдь не их уравнение, как пытался ревизионистски опошлить марксизм Троцкий (см. XV конференцию),— вот что стоит в центре капиталистической динамики, создает неравномерность развития капитализма, делает его неимоверно лихорадочным, неустойчивым и шатким. Благодаря этой неравномерности развития все противоречия капитализма заостряются до последней степени — в этом заложено начало, чрезвычайно революционизирующее отношения капиталистического общества. Усиление капиталистических противоречий и неравномерности развития при империализме создает новые условия для пролетарской революции. Количество переходит в качество. Чем больше, в связи с развитием империализма, углубляется эта неравномерность, тем сильнее нарастают революционные кризисы в отдельных странах и отраслях производства, которые становятся звеньями в общей цепи пролетарской революции. Поэтому ее «нельзя рассматривать как один акт, а следует рассматривать как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций» (Ленин, т. XIII, стр. 129).

Закон неравномерного развития капитализма ведет к тому, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране» (т. XIII, стр. 133; разрядка моя.— С. П.), но каждая такая победа пролетариата создает и расширяет борьбу мировой революции. Этой страной побеждающего социализма может быть отнюдь не самая передовая капиталистическая страна. Разумеется, для этого необходим, как предпосылка, известный минимум промышленного развития и боевые кадры пролетариата. Самая система империалистического мира и закон неравномерного развития привели к тому, что революция прорвала в империалистической цепи прежде всего средне-слабое звено — царскую крепостнически-буржуазную Россию. В зависимости от этого яснее определился процесс социалистической революции, начавшейся в эпоху империализма. По сравнению с периодом домонополистического капитализма пролетарская революция благодаря большому охвату всех народов империалистической системой и более широкому развитию пролетарского революционного движения приобрела теперь более международный характер. После Октябрьской революции 1917 г. началась «эра всемирной пролетарской коммунистической революции» (программа ВКП(б). Но вместе с тем революция в разных странах стала более неравномерной и по времени (в смысле момента ее начала и темпа развертывания) и по условиям и формам ее развития благодаря величайшему усилению неравномерности экономического и политического развития различных стран и различных отраслей производства в эпоху империализма по сравнению с прежней эпохой промышленного капитализма. Что касается буржуазной, империалистической контрреволюции, то, с одной стороны, финансовый капитал гораздо больше, чем прежде, сцепил и переплел интересы различных национальных групп и отдельных прослоек капиталистов против их классового врага — пролетариата и довел классовую борьбу до величайшего обострения. Но в то же время, с другой стороны, жестокие противоречия между трестами и вообще монополистическими союзами капиталистов, борь-

щимися за всемирное господство и за передел мира, привели империалистические государства к небывалой по остроте взаимной борьбе между ними. Неравномерность развития различных стран и отраслей производства при империализме доводит эту борьбу до высших пределов — до империалистических войн, ослабляя прочность об'единения империалистов против революционного пролетариата.

Блестящим теоретическим выводом из закона неравномерности экономического и политического развития капитализма явилось знаменитое заключение Ленина в 1915 году о «возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране» (т. XIII, стр. 133).

Ленин указал, что такая страна победоносного социализма должна будет выдержать тяжелую борьбу против всего остального капиталистического мира. Опираясь на экспроприацию капиталистов и организацию социалистического производства и поднимая угнетенные классы других стран, победивший пролетариат выступит с оружием в руках против контрреволюционных эксплоататорских классов и их государств. Диктатура пролетариата есть необходимое условие для осуществления социализма, т.-е. уничтожения классов. Отсюда очевидно, что для этой полной и окончательной победы коммунизма необходим мировой коммунистический переворот, в цепи которого победа социализма первоначально в одной или нескольких отдельных странах явится важнейшим звеном. Возможность же такой победы обусловливается законом неравномерности развития капитализма.

Эти идеи Ленина внесли новый вклад в учение марксизма о пролетарской революции и победе социализма.

Мировая обстановка в период развитого империализма до неузнаваемости изменилась по сравнению с теми временами, когда Марксом и Энгельсом впервые (в 1845—46 гг.) был поставлен вопрос о возможности победы социализма в одной стране. Англия перестала быть единым, бесспорным, мировым экономическим центром капитализма. Теперь шла бешеная борьба между гигантами империализма, сначала главным образом между Германией и Англией, а после войны 1914—18 г.—между Англией и САСШ за экономическое господство над миром и за его территориальный передел. Между побежденной Германией и победившими капиталистическими странами возникает ряд антагонизмов, как и между самими победителями из-за раздела добычи и нового грабежа колоний. Отдельные, даже отсталые капиталистические страны настолько двинулись в своем развитии вперед, в них настолько возросли противоречия капитализма, что в целом ряде их создались предпосылки для пролетарской революции и строительства социализма. Вместе с тем усиление в эпоху империализма экономических и политических связей между всеми странами вызвало огромное воздействие нашей социалистической страны на другие страны мира.

Центр всемирного революционного движения бесспорно переместился в Россию.

Неразрывность русской революции и международной Ленин подчеркнул в августе 1917 г. в словах: «Вся эта революция вообще может быть понята лишь как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистической войной» (предисловие к «Государству и Революции»).

Февральская революция 1917 года была началом реализации той революционной перспективы, которую указал Ленин еще в 1915 году. Буржуазно-демократическая революция хотя и не осуществила таких своих коренных задач, как экспроприация помещичьей земли, национализация всей земли, право наций на самоопределение и проч., однако в ближайшем, непо-

средственном смысле она одержала победу, скинув монархию, создав демократическую республику, приведя к организации советов и к двоевластию буржуазного правительства и советов. Для подготовки перехода буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин сначала требовал передачи власти советам и шагов к социализму, а затем поставил задачу революционного захвата и удержания власти пролетариатом. Таким образом, он подводил нас к **первой победе социализма** и на вопрос о возможности ее отвечал безусловно утвердительно: **большевики могут взять и удержать в своих руках государственную власть.**

Октябрьская революция превратила эту возможность в действительность, радикально завершив буржуазно-демократическую революцию в общегосударственном масштабе, начав социалистическую революцию в городе и перенеся ее из города в деревню.

Как для совершения, так и для закрепления и дальнейшего развития этой первоначальной победы пролетарской революции, отбившей всемирное нашествие империалистов,— для превращения ее в первую прочную победу социализма нужен был ряд основных внутренних и внешних условий. Условия эти таковы:

1) Закаленная в борьбе пролетарская партия и ее правильная политическая стратегия и тактика. 2) Революционный, готовый к жертвам и упорному строительному труду пролетариат. 3) Его исторически вырабатывавшееся революционное руководство массами мелких и мельчайших крестьян. 4) Революционный союз пролетариата с крестьянством против помещиков, кулачества и буржуазии, твердая опора рабочих на полупролетариев, деревенскую бедноту, для окончательного разгрома буржуазно-помещичьей контрреволюции, ограничения и вытеснения кулачества, чтобы в реконструктивный период перейти к ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. 5) Некоторый минимально-необходимый уровень производства при прежнем капиталистическом развитии страны, а затем при социалистическом ее развитии, бурный темп роста социалистического хозяйства и культурной революции, победа таких социалистических элементов, как социалистическая индустриализация, главное — тяжелая индустрия, производящая средства производства, электрификация, пролетарское овладение техникой и техническая революция в производстве, интенсификация и машинизация сельского хозяйства, кооперация и особенно сплошная коллективизация крестьянского хозяйства, чтобы в темпе, а затем и в уровне развития догнать и перегнать капиталистические страны. 6) Богатые природные ресурсы и многочисленное население, чтобы обеспечить мощное развитие производства, независимо от капиталистических стран, и защиту от них СССР. 7) Боевой и творческий революционный энтузиазм пролетарской и всей трудящейся массы, соревнующейся в деле защиты и строительства социализма, ударничество и социалистическое соревнование на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах. 8) Рост военной и хозяйственной мощи и обороноспособности страны для предотвращения и отражения вражеского нападения империалистов. 9) Поддержка, сочувственная помощь социалистической стране со стороны пролетариев крупных капиталистических стран и угнетенных империализмом колониальных народов, которую мы систематически получали и получаем в виде мощных революционных выступлений масс Европы, Америки и Востока. Мы являемся головным звеном, ударной бригадой развертывающейся цепи мировой революции. 10) Война, соперничество и беспрерывная борьба империалистов между собою, ослабляющая и даже часто парализующая их совместные контрреволюционные выступления против СССР.

Стоявшая на капиталистическом пути, но отсталая и разоренная при капитализме страна *могла совершить социалистическую революцию, отразить интервенцию всего империалистического мира, быстро восстановить свое хозяйство, развернуть такое гигантское социалистическое строительство в реконструктивный период и превратиться во всех отношениях в базу всемирной революции.*

Эта победа, как правильно вскрыл Ильич еще до и затем во время самой революции, могла быть достигнута только в эпоху империализма с его невероятно обостренными противоречиями и крайней неравномерностью развития.

После октября 1917 г. Ильич все время ставил конкретные задачи победы социализма на соответствующем этапе или полосе нашей революции, а также последовательно развертывал идею о возможности полной победы социализма *нашими внутренними силами*, заключающейся в завершении всего переходного периода и в построении *полного социалистического общества*. Он все время развивал и уточнял эту идею. Но, решая ее положительно, Ленин никогда не отрывал ее от задач и перспектив мировой революции. Перспективу победы нашей социалистической революции он связывал с перспективой победы мировой коммунистической революции.

Чем определяется эта связь? В основе ее лежат следующие важнейшие моменты: 1) Огромное значение наших успехов для победы всемирной революции, так как наша социалистическая революция является уже не только сигналом и исходным пунктом, но мощной опорой и базой всемирной пролетарской революции — вопреки ренегатской концепции троцкизма. 2) Мощная поддержка, которую все время оказывают нам пролетарии других стран и в которой проявляется в данный момент революционное сотрудничество рабочих всех стран в общем деле. 3) Необходимость в будущем теснейшего социалистического сотрудничества всего мирового пролетариата для того, чтобы доделать начатое нами дело, — сокрушить всемирный империализм и на его развалинах создать Всемирную советскую республику. «Создать цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран» — так ставил эту задачу Ленин, указывавший, что действия отдельных отрядов пролетариата, конечно, всегда страдают известной односторонностью и несоответствием.

Для Ленина является неопровержимой аксиомой, которую он на каждом шагу подчеркивает, что *окончательная* победа социализма и коммунизма возможна только в результате совместных усилий важнейших отрядов международного пролетариата, т.-е. всех или нескольких экономически наиболее передовых стран, что наша революция является звеном всемирной пролетарской революции и потому ее полная победа, для которой в СССР имеются все условия и внутренние силы, может быть закреплена, гарантирована и завершена во всемирном масштабе только этой окончательной победой международного пролетариата.

Тов. Сталин дал в своих статьях «К вопросам ленинизма» блестящее развитие ленинской формулировки понятия о полной и об окончательной победе социализма.

«Что такое *возможность* победы социализма в одной стране?— писал он. — Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране при сочувствии и под-

держке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах...

...Что такое невозможность полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революции в других странах? Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит, и реставрации буржуазных порядков, без победы революции по крайней мере в ряде стран»... («Вопросы ленинизма», стр. 47).

Ленин был убежден как в полной победе нашей социалистической революции, так и в окончательной победе всемирного пролетариата.

В зависимости от конкретной исторической обстановки он подчеркивал ту или иную сторону своей революционной концепции о победе социализма в нашей стране.

В 1917—18 г. Ленин концентрировал главное внимание нашей партии и пролетариата на завоевании, защите и прочном укреплении диктатуры пролетариата, чтоб на ее основе приступить к хозяйственому строительству социализма.

Весной 1918 г. Ленин ставил задачу «упрочения перехода России к социализму», имея в виду длительность его и ряд переходных ступеней. Вместе с тем он писал, что проведение в жизнь трудовых лозунгов и методов советской власти «является необходимым и достаточным для окончательной победы социализма» (Ленин, т. XV, стр. 183).

В конце 1918 г. конкретная обстановка изменилась. Мы стояли против всемирного империализма, который представлял собой сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему или в «один грязный кровавый комок» (т. XV, стр. 508) и который в лице Антанты после окончания мировой бойни организовал общее наступление на нас. Но на нашей стороне был мощный союзник — нараставшая международная революция, которую сигнализировал политический кризис в Германии, служивший преддверием германской революции, и начало революционного под'ема во всей Европе. В этой обстановке вопрос о полной победе социализма должен был ставиться в смысле «непосредственного» перехода к социализму, без долгого обходного пути к нему, при помощи мощного наступления международного пролетариата, одним из отрядов которого мы являемся и от успехов которого зависят наши победы над империализмом.

Вот почему Ленин тогда (8 ноября 1918 г.) говорил, «что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества по меньшей мере нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем» (т. XV, стр. 508).

Иначе не могло быть в период, когда вопрос о том, насколько распространится революция в других странах и удастся ли нам до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции.

К концу 1919 года, когда окончательно определились наши ресурсы в борьбе с интервенцией империалистов, в гражданской войне и в преодолении наших внутренних трудностей, особенно продовольственных, и когда вместе с тем наша революция ощутила определенную опору в революционном движении международного пролетариата, Ленин подытожил в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» условия и силы революции для победы социализма в нашей стране. «С точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом»,—писал он (т. XVI, стр. 550). Буржуазия потому и ведет бешеные атаки на нас, организуя военные наступления и заговоры, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы и перестройки

общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой». «А задавить нас таким образом не удается».

Таким образом, с точки зрения экономической, политической и военной Ленин признавал возможность полной победы социализма в нашей стране, считал ее обеспеченной, превращающейся в неизбежность. Это не значит, что она возможна в каждой стране. Говоря об Италии в 1920 г., Ленин подчеркивал, что в случае революции угроза блокады извне является для нее «важнейшей проблемой» (problema grawissima). Возможность долгого сопротивления империалистам он считал вполне допустимой для нее лишь при условии непосредственной координации ее с другой революционной страной Центральной Европы.

В 1919—20 гг. вопрос о победе социализма в нашей стране ставился им в плоскости решения его путем военного коммунизма, путем приближения к «непосредственному» переходу к социализму. После победы в гражданской войне перед нами вплотную стали задачи на хозяйственном фронте, которые при наличии миллионов крестьянских хозяйств потребовали политической стратегии в виде нэпа. На очередь дня в наступившем восстановительном периоде встал вопрос о движении к социализму не «непосредственно» прямым путем, а при помощи целого ряда переходных ступеней и применения методов не только атаки, но и обхода врага. И на этом трудном пути Ленин не только не отказался от принципиального признания возможности нашей полной победы, но подчеркнул ее неизбежность словами о том, что мы протащили уже социализм в нашу повседневную жизнь: «Из России нэповской будет Россия социалистическая».

С наибольшей ясностью Ленин выяснил диалектику нашей победы в статье «О нашей революции», где, установив единство направления в развитии социалистической революции у нас и во всемирном масштабе, он вместе с тем указал на своеобразие ее проявлений в наших условиях, на «возможность иного перехода к созданию основных предпосылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах». «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы». «Нам пришлось создать революционным путем такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму» (т. XVIII, ч. 2, стр. 3).

Достаточны ли имеющиеся у нас предпосылки для полной победы социализма? Да, у нас налицо достаточно внутренних сил, ресурсов, политических и экономических данных,— в виде диктатуры пролетариата, собственности пролетарского государства на все крупные средства производства, союза пролетариата с многими миллионами крестьян, необходимость разрыва которого не заложена в социальной природе нашего государства, в виде обеспечения пролетарского руководства крестьянством и т. д.,— чтобы, организуя массы населения в кооперацию, коллективизируя крестьянское хозяйство, иметь возможность построить социализм. «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» («О кооперации», стр. 130). Это и есть возможность «построения полного социалистического общества, т.-е. полной победы социализма. Для того, чтобы эта возможность реализовалась в действительности, для того, чтобы имеющиеся в наших руках социалистические элементы претворить в социалистическое общество, нужен известный срок и ряд условий, которые Ленин обрисовал в своих предсмертных статьях. Нужно упорно, с револю-

ционным воодушевлением и верой, невиданно высокими темпами, в кратчайший срок строить новые материальные ценности и новый уклад отношений. Нужно правильное руководство этой стройкой и проведение твердой классовой линии нашей партии в ликвидации капиталистических элементов. Нужно с обнищалой крестьянской лошади, с лошади мелкой экономии пересесть на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». Нужно, и в этом главное, «чтобы промышленная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» (т. XVII, стр. 428). Нужно сохранение союза пролетариата и крестьянства, поднятие его на высокую производственную ступень и направление этого союза по линии строительства социалистического хозяйства в деревне, чтобы под руководством рабочего класса во главе с партией создать из миллионов распыленных хозяйств крупные коллективные хозяйства на базе тракторизации и высокой сельскохозяйственной техники. Нужно или предотвращение нашего столкновения с империализмом или вооруженное отражение последнего. Нужно выдержать борьбу с ним либо до взаимного столкновения самих империалистов, либо «до следующего столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 127), либо до решительного выступления всемирной революции. При этом важно отметить, что если в 1918 году Ленин главным образом делал упор на ближайшую поддержку нас западно-европейской революцией, то в 1923 году он предвидел перенесение на известный срок центра тяжести в сторону национально-революционного Востока, о великом революционном значении которого он многократно повторял и прежде. Ленин диалектически брал то звено мировой революции, которое соответствовало данному историческому моменту: в 1918 году на очереди дня стоял тур революций западно-европейского пролетариата, в 1923 г. предстоял тур революций на Востоке, которые в ближайшем времени действительно разразились. Теперь же мы наблюдаем, как вновь отчетливо вырисовываются контуры нового революционного под'ема на Западе, уже координирующегося с волной революционного движения на Востоке (Индия, Китай). В основе этого революционного под'ема лежит сама капиталистическая рационализация империалистического хозяйства со всеми ее противоречиями. Мировой промышленный кризис капитализма привел к огромному ускорению этого процесса.

«Для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас,—говорил Ленин,—для этого необходимо большинству человечества, входящему в восточные отсталые государства, успеть цивилизоваться. Мы теперь наблюдаем, как быстро эта революционная цивилизация распространяется и в Китае, и в Индии, и в других странах. Нам тоже нехватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки»,—писал Ленин (XVIII т., ч. 2, стр. 128).

В чем же должна заключаться наша цивилизация? Прежде всего в индустриализации и электрификации, которых мы должны добиться «ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве». В том, чтобы оказаться «на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии». В этом залог отражения нами империализма и победы социализма в нашей стране.

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная мощная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» (из до-

становлений III конгресса КИ). Таково основное условие для победы социализма у нас и во всем мире.

Но когда Ленин говорил о необходимости защиты «нас» от империалистов, он в это «мы» вкладывал понятие не только об СССР, но и о всей мировой революции. В случае нашего столкновения с империалистами — «каково будет окончательное решение мировой борьбы?» Ленин отвечал на этот вопрос так:

«Исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом».

Гигантским большинством, на которое указывал Ленин в период 1923 г., является СССР, а затем, кроме пролетариата капиталистических стран, народы Востока, быстро втягивающиеся в борьбу за свое освобождение.

«В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» (т. XVIII, ч. 2, стр. 127),— так формулировал Ленин глубокий вывод из Марксова учения о пролетарской революции.

4. Продолжение и применение марксистско-ленинской концепции в работах тов. Сталина и в решениях партии после Ленина.

После Ленина партия в борьбе как с троцкизмом, так и с правым уклоном отстаивала марксистско-ленинскую концепцию о победе социализма, применяя ее на практике социалистического строительства.

Величайшая заслуга в этом деле принадлежит т. Сталину, прямому продолжателю дела Ленина в области теории и практики пролетарской революции.

Тов. Сталин в целом ряде блестящих выступлений доказал основное, доминирующее, центральное значение для пролетарской революции проблемы победы социализма в одной стране — в СССР. Он подтвердил это как теоретическим анализом, основанным на глубоком изучении и умелом обобщении ленинского научного наследства, так и четким, своевременным подытоживанием практического опыта социалистического строительства. Это облегчило ему возможность давать ясные руководящие лозунги, соответствующие текущим задачам партии в социалистической стройке на каждом новом ее этапе и в каждый новый исторический момент.

В упорной борьбе с оппортунизмом и неверием в силы пролетариата и социалистической революции в СССР партия разбила оппортунистические концепции Троцкого — Зиновьева и правых — Бухарина, Рыкова, Томского.

В этой борьбе шаг за шагом дальше развивалась суть марксистско-ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране и обосновывались важнейшие решения партии. В работах и выступлениях т. Сталина вопрос о возможности и необходимости полной победы социализма в СССР и об окончательной победе его в мировой революции нашел все более и более полное и глубокое освещение и разрешение.

В статье «Вопрос о победе социализма в одной стране» т. Сталин раз'ясняет ход развития идей о победе социализма в нашей стране по мере развития самой нашей революции и исходя из учения Ленина об этом вопросе. Основываясь на законе неравномерного развития капитализма, он еще в апреле 1924 г. в брошюре «Об основах ленинизма» сосредоточил внимание партии на том, что «все это ведет не только к возможности, но и необходимости победы пролетариата в отдельных странах» («Вопросы ленинизма», стр. 43; разрядка моя.— *С. П.*).

Это правильное положение было направлено против социал-демократического отрицания возможности такой победы и против предательства социал-демократами пролетарской революции, а также против неверия троцкистов в крепость диктатуры пролетариата.

В 1925 г. т. Сталин дальше развил вопрос, доказав, что нельзя «связывать в один вопрос два разных вопроса: вопрос о **возможности** построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя вполне **гарантированной** от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ» (стр. 44).

Второй вопрос разрешим, действительно, лишь в порядке «совместных усилий пролетариев нескольких стран». Решение же первого вопроса вытекает из «той неоспоримой истины, что мы имеем все необходимое для построения социалистического общества» (Ленин «О кооперации», стр. 45).

Эта научная истина легла в основу всех дальнейших выступлений т. Сталина и решений партии на пленумах ЦК, на XIV конференции, XIV с'езде, XV конференции, XV и XVI с'ездах партии. В них она находила все более полное развитие в зависимости от нашего мощного продвижений вперед на пути строительства социализма.

В замечательной брошюре «К итогам работ XIV конференции ВКП(б)» (май 1925 г.), в главе «О судьбах социализма в Советском союзе», т. Сталин с чрезвычайной ясностью определил, что гвоздь вопроса о возможности полного построения социализма в СССР заключается в том, чтобы «**преодолеть своими собственными силами и исчерпать внутренние противоречия в нашей стране, противоречия между пролетариатом и крестьянством**» (стр. 205; разрядка моя. — *С. П.*). И в этом суть раскола между ленинизмом и разновидностью меньшевизма — троцкизмом. Троцкизм не верит в силу и способность нашего пролетариата повести за собой крестьянство и руководить им. Он не верит в революционную способность самих бедняцких и середняцких масс, в их участие в строительстве социализма. Он не верит в союз рабочего класса и крестьянства. И потому он не верит в возможность построения социализма в нашей стране. Для него вся крестьянская масса, без различия ее классовых прослоек и без четкого классового анализа контрреволюционной сельской буржуазии — кулачества — вся масса крестьянства есть реакционная, антипролетарская, антисоциалистическая сила. Для него классовые противоречия между пролетариатом и крестьянством неразрешимы нашими внутренними силами. Их можно разрешить лишь на арене мировой победоносной революции. Без нее столкновение между нашим пролетариатом и крестьянством и поражение пролетариата — неизбежны. Отсюда пророчества Троцкого о нашей гибели и перерождении. Для Троцкого крестьянство не только не союзник пролетариата в социалистическом строительстве, а враг его. И потому он делал вывод, что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (Предисловие к «1905 году»).

У Троцкого выходило, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру» («Наша революция»).

Наша революция, при затяжке мировой революции, осуждена, по мнению Троцкого, на поражение и извне и изнутри.

«Безнадежно думать,— писал он,— что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы» (т. III).

И даже больше того, в 1922 г. Троцкий писал: «Подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (т. IV).

Значит, пока предстояло только безнадежное топтание на месте и омертвение. Теперь и слепые видят, как высмеяла и разоблачила жизнь это право-«левое» ренегатство и как грандиозные темпы нашего социалистического роста разбили вдребезги пессимистические фантазии схоластического мудреца. Сбылись предсказания Ленина о таком ускоренном нашем движении вперед, о каком прежде мы и мечтать не могли.

Мрачная, безнадежная, ренегатски-интеллигентская концепция Троцкого по всем линиям противоречит революционной бодрой концепции Ленина и Сталина.

В противоположность Троцкому, для Ленина союз пролетариата и крестьянства для сохранения власти пролетариата есть высший принцип диктатуры пролетариата. При правильной политике коммунистической партии, при государственной власти пролетариата, владеющего всеми крупными средствами производства, мы имеем «союз этого пролетариата с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству» (т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Для Ленина вопрос решается так: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством — и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)». (План и конспект брошюры о «Продналоге», 1921 г.).

Именно эту сердцевину ленинской постановки вопроса о победе социализма в нашей стране — союз пролетариата и крестьянства — прекрасно выявил Сталин. Не стирая классовых различий между рабочим классом и классом мелких собственников — крестьянством, разоблачая правый оппортунизм, с эсеровским налетом, о непрерывных уступках крестьянству, Сталин доказал, что ведущая роль пролетариата в отношении крестьянства и союз между ними, принимая на различных этапах социалистической революции различные формы, остаются незыблемой основой строительства социализма и не только не ослабевают, а укрепляются по мере его развертывания.

Противоречия же, которые, несомненно, имеются между рабочим классом и крестьянством мы можем преодолеть своими собственными силами.

«Ленинизм,—пишет т. Сталин,—отвечает на этот вопрос положительно: да, мы можем построить социализм, и мы будем его строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса» (стр. 204).

Каковы мотивы и основания для такого утверждения? Они вытекают из всего учения, из всех положений Маркса, Энгельса и Ленина, высказанных ими в течение трех четвертей века и развитые Сталиным, о необходимости различать два пути развития земледелия: п у т ь к а п и т а л и с т и ч е с к и й и п у т ь с о ц и а л и с т и ч е с к и й. Путь капиталистический — это разорение и обнищание, кабала и эксплоатация большинства крестьянства и обогащение верхушки городской и сельской буржуазии.

Путь социалистический—это неуклонное поднятие благосостояния большинства крестьянства, организуемого пролетариатом для крупного производства и ликвидация капиталистических элементов.

Здесь, в этом коренном вопросе развития сельского хозяйства, интересы пролетариата и большинства крестьянства, несмотря на отдельные колебания последнего, с о в п а д а ю т и перекрывают существующие проти-

воречия между ними. Это и является *«базой, основой союза рабочих и крестьян»*.

Неверие в союз пролетариата и крестьянства, неверие в построение социализма первоначально в одной стране есть неверие в Октябрьскую революцию, меньшевистский отказ от взятия власти пролетариатом и от пролетарской революции, полный переход на сторону буржуазии.

«Ждать пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это—бессмыслица» (Ленин, т. XV, стр. 287).

Ленинизм требует не только захвата власти пролетариатом при благоприятной обстановке, но и самой активной организации и развития социалистического хозяйства после взятия ее, чтобы тем самым не только в корне изменить соотношение классовых сил между социалистическими и капиталистическими элементами *внутри страны*, но *и соотношение сил между страной социализма и странами ее капиталистического окружения*.

Неверие в победу социализма в СССР—вот что лежало в основе уклонов оппортунистов всех разновидностей, служило источником всех их ошибок и вело на путь *капитуляции пролетариата перед капиталистическими элементами*.

Партия, во главе с т. Сталиным, разоблачила и разбила не только антиленинскую идеологию Троцкого, прикрытую «левыми» фразами, она вскрыла троцкистскую установку оппозиций тт. Зиновьева—Каменева и всего оппостического характера нашей промышленности, паническое преувеличение лизм в СССР из-за технической отсталости страны, опорочение социалистического характера нашей промышленности, паническое преувеличение ими сил кулака, и смазывание роли середняка, непонимание социалистического пути развития нашей деревни при диктатуре пролетариата, а отсюда политика мелкобуржуазных, «левых» наскоков и жестов,—все это идет из одного корня, из неверия в силы пролетариата, в его руководство крестьянством и в возможность построения социализма в СССР, из оппортунистической установки на капитуляцию перед капиталистическими элементами. Те же корни имеют и праоооппортунистические установки тт. Бухарина, Рыкова и Томского,—затушевывание классовой борьбы в нашей стране, понимание нэпа только как отступления, выводы о врастании кулака в социализм, об уступках кулаку, о потухающей кривой нашего развития в реконструктивный период, которую одинаково проповедывали как откровенно правые, так и Троцкий, о непосильности для нас мощных темпов, о свертывании их, аграризации страны, приспособлении смычки с крестьянством к товарно-потребительским запросам, а не к производственно-техническому прогрессу коллективизирующейся деревни, ставка на индивидуальное крестьянское хозяйство, а не на интенсивную сплошную коллективизацию. Партия отбросила и эту линию, которая привела бы нас прямым путем к капиталистической реставрации.

XIV партконференция, решения которой утверждены XIV партс'ездом, дала в своем постановлении о задачах КИ четкий ответ на вопрос о победе социализма. «Из неравномерности экономического и политического развития, каковая неравномерность есть безусловный закон капитализма», т. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране» и б) возможность, что «эти немногие или даже одна страна не обязательно будут странами самого развитого капитализма».

Опыт русской революции показал, что страна побеждающего социализма должна обладать для этого известным минимумом внутренних условий

и сил, как СССР, и должна встретить со стороны международного пролетариата известную поддержку, хотя может быть, что «эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах».

В дальнейшем XV конференция по докладу т. Сталина «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» блестяще развила идею о победе социализма в СССР:

«Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развертывания мировой революции и, во-вторых, открывает собою переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат при правильной политике в отношении крестьянства может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, если конечно мощь международного революционного движения, с одной сороны, и мощь пролетариата СССР,—с другой, будут достаточно велики для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма» (разрядка моя.—*С. П.*).

XV с'езд ВКП(б) подчеркнул в своем постановлении «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» следующую мысль:

«...При правильной политике партии в нашей стране возможна полная победа социализма, если только не помешают внешние нападения, оппозиция исходит из невозможности победы социализма».

XVI с'езд партии, давший боевой лозунг развернутого социалистического наступления по всему фронту, блестяще формулировал генеральную линию по вопросу о победе социализма в СССР и во всем мире в резолюции по докладу т. Сталина: «С'езд выражает непоколебимую уверенность в том, что сплачивая под знаменем ленинизма миллионы рабочих и колхозников, сокрушая сопротивление классовых врагов, ВКП(б) поведет массы в развернутое социалистическое наступление и обеспечит полную победу социализма в СССР.

С'езд выражает непоколебимую уверенность в том, что, подымая мощь СССР и укрепляя братские узы с рабочими и трудящимися капиталистических и колониальных стран, ВКП(б) обеспечит укрепление СССР, как несокрушимого оплота международной пролетарской революции».

В программе Коминтерна мы находим подтверждение и обобщение идей ленинизма о победе социализма.

Процесс всемирной революции она характеризует следующим образом:

«Всемирная история вступила в новый фазис своего развития, в фазис длительного общего кризиса капиталистической системы. При этом единство мирового хозяйства нашло свое выражение в международном характере революции, а неравномерность в развитии его отдельных частей — в разновременности революции в отдельных странах.

Исходя из обострения неравномерности капиталистического развития при империализме и отрицая единовременность и одноактность всей международной революции, программа утверждает, «что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Но каждая такая победа пролетариата расширяет базу мировой революции и, следовательно, еще более обостряет общий кризис капитализма. Капиталистическая система в ее целом приходит, таким образом, к своему окончательному краху. Диктатура финансового капитала гибнет, уступая место диктатуре пролетариата».

Процесс развертывания пролетарской революции до всемирной победы ее должен пройти через победы ее в отдельных странах или группах стран, освобождение колоний и федерацию победивших республик. «Федерация

таких республик становится, в конце концов, союзом советских социалистических республик мира, осуществляющим об'единение человечества под гегемонией международного «государственно-организованного пролетариата».

В этих положениях программы Коминтерна о пролетарской революции суммируется огромный опыт международного пролетариата и колоссальная теоретическая работа Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Такова история марксистско-ленинской концепции о победе социализма. Это—один из важнейших вопросов, по которым большевистская партия упорно боролась со всеми видами оппортунизма.

Уверенность в победе социализма, в силе могучего пролетарского движения как во всемирном масштабе, так и в отдельных странах, в данном случае в нашей стране,—вот что характеризует ленинское отношение к этому вопросу.

5. Оппортунистические искажения марксизма-ленинизма в вопросе о победе социализма.

Если меньшевизм в корне отрицает возможность успешной пролетарской революции в одной стране, то и его ответвление — троцкизм, не признавая возможности победоносного построения социалистического общества в отдельно взятой стране в эру всемирной пролетарской революции, стоит на принципиально противоположной марксизму-ленинизму точке зрения, отрицающей своей оценкой роли крестьянства и гегемонии над ним пролетариата, самую сущность марксистско-ленинского учения о пролетарской диктатуре.

Выше мы уже раскрыли троцкистское, контрреволюционное неверие во внутренние силы нашей революции, в руководящую роль пролетариата и в его революционный союз с крестьянством. В этом — сущность меньшевистской, дряблой и авантюристической «теории» Троцкого о «перманентной революции», которую он проповедывал еще в период русской буржуазно-демократической революции 1905 г. и на которую он впоследствии пытался натянуть ленинизм, якобы «перевооружившийся» в Октябре 1917 г. по указке Троцкого.

Стратегия «непрерывной» (перманентной) революции была выдвинута, обоснована и блестяще развита Марксом, Энгельсом и Лениным, применительно к революции 1848, 1905 и 1917 годов. Но только в совершенно ином смысле, чем «теория перманентной революции» Троцкого. Они не только не игнорировали революционной роли крестьянства и трудящихся непролетарских слоев, но на их движении и на руководстве этим движением со стороны пролетариата они основывали силу рабочего класса.

Диалектическая раздельность и вместе с тем связность демократической и социалистической революций, переплетение одной и другой, перерастание первой во вторую,— все это многократно раз'ясняли творцы марксизма-ленинизма. Они требовали умения различать такие большие полосы исторического развития,—как демократический и социалистический перевороты. Однако это различие не должно, указывали они, заслонять ту истину, что даже старые демократические революции содержат в себе социалистические движения и коммунистические попытки пролетарских масс, что демократическая революция порождает социалистическую инициативу пролетариата, и что социалистическая революция, в свою очередь, вызывает и завершает те демократические завоевания, которые буржуазия хоть и обещала, но не смогла по своей трусости осуществить.

Троцкизм, как меньшевизм, органически не мог понять этой раздельности и связи обоих переворотов, диалектики перерастания демократической революции в социалистическую. Отсюда возник уродливый лозунг Троцкого в 1905 г.: «без царя, а правительство рабочее». Отсюда его механическая «теория» перманентной революции. Отсюда столь чуждый марксизму-ленинизму прием перепрыгивания троцкизмом неизжитой еще ступени крестьянского движения в демократической революции, Маркс же, выдвинувший в своем «Обращении Центрального комитета к союзу» (март 1850 г.) лозунг «непрерывной революции», вложил в него смысл именно перерастания демократической революции в социалистическую. Он писал:

«В то время как демократические мелкие буржуа с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований хотят наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, стр. 501).

Так ясно сформулирована Марксом стратегия непрерывной революции. Ленинская идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, — развиваемая им на протяжении всей его деятельности,— является развитием, уточнением и применением в действии Марксовой стратегии в вопросе о непрерывной революции. Еще в 1905 г. он писал в «Двух тактиках» о переплетении демократической и социалистической революций. А в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» он говорил:

«От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути...

Мы всеми силами помогли всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариату, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче революции социалистической» (т. VI, стр. 449—450).

Совершенно правильно заметил тов. Сталин, что идея Ленина о перерастании демократической революции в социалистическую «есть одна из форм воплощения Марксовой теории перманентной революции».

Троцкизму чуждо марксистко-ленинское понимание вопроса о союзниках в революции. Как борьба за демократические завоевания, так и социалистическое строительство требуют союза пролетариата и крестьянства. В 1848 г. и тем более в 1905 г. буржуазия с самого начала демократической революции изменила ей. Основным союзником пролетариата даже в демократической революции стало крестьянство, идущее вместе с пролетариатом под руководством пролетариата против контрреволюционного союза помещиков и предательской буржуазии.

Отсюда возник знаменитый вывод Маркса о поддержке пролетарского восстания новым изданием крестьянской войны. Отсюда — великая идея Ленина о революционном союзе пролетариата и крестьянства, которую он так

блестяще развил в 1905 г. и на всем дальнейшем протяжении своей жизни.

Постановка вопроса о союзе со всем крестьянством во время демократической революции отнюдь не препятствовала марксистско-ленинскому пониманию классовой природы и классового деления крестьянства.

Исходя из этого понимания, Энгельс обрисовал в 90-х годах XIX века («Крестьянский вопрос в Германии и Франции») задачи пролетариата в классовой борьбе с деревенской буржуазией, выдвинул перед пролетариями города и деревни и обосновал лозунг добровольного коллективного обобществления трудового крестьянского хозяйства, чтобы таким путем сделать его ветвью социалистического общества. Ленин же развернул блестящие лозунги о классовой борьбе в деревне и ее коллективизации, соответствовавшие исторической смене этапов демократической и затем социалистической революции и позиции в них различных слоев крестьянства. Выступая сначала вместе со всем крестьянством против царизма и помещиков, прочно опираясь затем на бедняка, нейтрализуя середняка, заключая дальше с середняком прочный союз и жестоко борясь с кулаком, мы пришли, следуя заветам Ленина, к опоре на колхозника, к сплошной коллективизации целых районов и к ликвидации на этой основе кулака как класса.

Только разбив троцкизм, партия могла осуществить эти задачи. «Теория» Троцкого, писавшего что, когда пролетариат встанет у власти, «придет во враждебные столкновения... с широкими массами крестьянства», вполне примирилась с правооппортунистской ориентацией на потухающую кривую нашей промышленности, со ставкой на кулака и с контрреволюционной борьбой против СССР, против большевистских темпов и против всей генеральной линии партии.

Диалектический материализм требует ясного понимания конкретно исторической обстановки. Механическое же перенесение точки зрения XIX столетия на этот вопрос в современную обстановку означает не диалектический, а вульгарный механистический материализм и реакционное опошление марксизма. Троцкистское отрицание возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране в эпоху империализма, базирующееся на отрицании огромного обострения неравномерностей развития различных стран в эту эпоху — есть отрицание в теории самой диалектики общественного развития. На практике же это означает панику перед трудностями пролетарской революции в совершающей ее стране и предательство пролетарской революции капиталистам. В результате неверия в победу нашей социалистической революции троцкизм пришел в лагерь прямой контрреволюции.

Другое оппортунистическое отрицание победы социализма в нашей стране вытекает из взглядов лагеря правых и примиренцев. Свертывание темпа индустриализации и коллективизации, идеи о врастании в социализм кулака, капитуляция перед трудностями и перед сопротивлением кулацко-нэповских элементов есть сдача позиций социалистической революции и переход на путь капиталистического развития. Это неверие правых в силы нашей пролетарской революции приводит их туда же, куда и троцкизм.

Наилучшую характеристику ликвидаторской позиции троцкистов и правых в отношении построения социализма в современном этапе в СССР дал т. Сталин в докладе на XVI с'езде партии (см. «Отчеты ЦК, ЦКК и делегации ВКП(б) в ИККИ XVI с'езду ВКП(б)», стр. 99—104).

В противоположность всем видам оппортунизма марксистско-ленинская диалектика приводит нас к четкому и твердому решению этого вопроса

Она ставит перед пролетарским революционером и перед пролетарской партией великую задачу: не впадать в неверие в период даже наибольших трудностей, использовать благоприятное сочетание условий, чтобы преодолеть все препятствия и превратить возможность победы социализма в своей стране в реальную действительность в интересах всемирного пролетариата. И мы видим, как на наших глазах эта возможность превращается в неизбежность и в реальную действительность построения социализма в нашей стране.

6. Исторический опыт пролетариата, строительство социализма в СССР и роль его как базы мировой революции.

Как реализовалась марксистско-ленинская концепция в конкретном ходе исторического развития?

Первой победой социализма можно назвать торжество пролетарского восстания, которое, низвергая власть буржуазии, еще не приводит немедленно к созданию социалистического хозяйства и нового общества, но закладывает основы для него путем установления диктатуры пролетариата.

Первый пример такой решительной победы произошел в нашей революции, в которой мы не только свергли власть буржуазии и помещиков, но отбили наступление всемирного капитала.

Парижская Коммуна одержала первую полупобеду, взяв власть из рук крупных капиталистов и передав ее в руки рабочего класса и мелкой буржуазии Парижа, но она не смогла довести до конца борьбу за сохранение диктатуры пролетариата, окончившуюся военным поражением и жесточайшим разгромом рабочего класса.

Такую же временную полупобеду представляла Венгерская соц. республика, и тем более Баварская, — обе организовавшие власть советов, но не выдержавшие ударов об'единенной внешней и внутренней буржуазной, и в том числе социал-демократической, контрреволюции. Рабочая революция в Финляндии и Кантонская коммуна представляли из себя также первый, недолгий успех восстания пролетариата совместно с народными низами. Советы в Китае теперь являются уже более устойчивой силой.

Вторая победа социализма, на уровень которой мы последовательно поднялись и которую успешно завершаем, может быть изучена на нашем собственном примере.

Начало этой победы — всестороннее закрепление диктатуры пролетариата — нами было осуществлено еще в восстановительный период. После поражения внутренней контрреволюции и империалистической интервенции на военных фронтах и создания мощного оплота социализма в лице героической Красной армии, гарантирующей революционную оборону страны, мы приступили к хозяйственному переустройству страны.

Мы перешли к нэпу, т.-е. скрепили экономическую смычку социалистической промышленности с крестьянским хозяйством, которая вначале приняла преимущественно товарную форму, а в период социалистической реконструкции хозяйства — преимущественно производственную. В восстановительный период мы достигли, а в крупной промышленности превзошли, довоенный уровень. Тогда же мы организовали миллионы распыленных хозяйств в одном из важнейших социалистических звеньев — в потребительской и производственной с.-х. кооперации. Это помогло нам перейти в реконструктивный период к мощному развертыванию крупной социалистической промышленности и к усиленному строительству крупного коллективного сельского хозяйства, ассоциирующего воедино распыленные крестьянские хозяйства.

была подведена таким путем мощная экономическая база под диктатуру пролетариата и под завершение построения фундамента социализма в третьем, решающем году пятилетки.

Мощное движение к социализму идет все нарастающим темпом. *Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации; вовлечение огромных масс пролетариата и трудящихся в управление государством и создание через приводные ремни мощного аппарата пролетарской диктатуры; развертывание соцсоревнования и ударничества; создание новых кадров и овладение пролетариатом техникой и современной наукой; осуществление лозунга «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении в минимальные сроки передовые капиталистические страны; культурная революция в стране* — вот вехи, по которым идет это движение к социализму.

Только благодаря тому, что во главе пролетарского государства стоит стальная пролетарская партия, являющаяся *основным стержнем пролетарской диктатуры*, — оказались возможны эти достижения. Борьба со всеми уклонами от генеральной линии партии и разгром классовых врагов — кулачества, вредителей, бюрократов, меньшевиков и пр. — вот условия успехов нашего социалистического наступления.

Осуществление победы социализма в нашей стране *превратилось в историческую необходимость*. Мы последовательно организуем и направляем с помощью более сотни тысяч тракторов стихийно распыленных мелких хозяйств в русло крупного коллективного хозяйства. Хозяйственные силы пролетарского государства, его индустрии, кооперации и коллективизации сельского хозяйства развиваются в невиданных размерах. Удельный вес капиталистических хозяйств промышленности и торговли является ничтожным, они уже пошли ко дну и обречены на быструю, окончательную гибель. В сельском хозяйстве они сломлены. Социалистические элементы являются диктующим рычагом всего хозяйства, его командной позицией и вместе с тем огромным центром притяжения к себе еще сохранившихся миллионов мелких хозяйств. Социалистическая, прежде всего, тяжелая промышленность, теперь является основным двигателем, *ведущей силой всего развития страны, переключающейся из отсталой в передовую*, из аграрной в *индустриальную*. Историческое величие пролетарской диктатуры, гигантски воздействующей на движение миллионов пролетариев и трудящихся всего мира, заключается в том, что *не капитализм, а социализм разрешает эту огромную задачу переключения* самой большой в мире страны из отсталой в передовую, превосходящую прежние передовые страны.

На основе роста социалистических элементов укрепляется плановое начало нашего хозяйственного и культурного строительства. В ряде отраслей мы выполняем пятилетку в 2—3 года, и не может быть сомнения, что в целом мы выполним и перевыполним ее в 4 года. Преодолеть стихийность миллионов крестьянских хозяйств, ввести сельское хозяйство в русло планового руководства через организацию подавляющего большинства их в коллективы и в 4 году пятилетки провести социалистическую плановость во все хозяйство страны — значит успешно закончить второй этап переходного периода.

Победа на этом этапе переходного периода есть *преддверие социалистического общества*. В это преддверие мы уже вступили,

мы вошли в период социализма, когда все главные хозяйственные рычаги страны сосредоточены в руках социалистического сектора.

Еще на заре марксизма, когда Маркс и Энгельс анализировали основные условия, при помощи которых диктатура пролетариата может привести общество к социализму, они указывали на главнейшую задачу: на из'ятие из частной собственности и обобществление производительных сил общества, и на максимальное развитие и увеличение пролетарским государством этих обобществленных производительных сил. Наша социалистическая индустриализация — есть выполнение основных заветов Маркса—Энгельса—Ленина и осуществление важнейших уроков марксизма-ленинизма. Только так революционная страна пролетарской диктатуры, в особенности отсталая прежде капиталистическая страна, нуждавшаяся в переходных ступенях, и может решить вопрос о переходе к социализму. Вне известного срока, без жертв и лишений нельзя пережить «долгие муки родов», нельзя создать новое, высшее общество. Наши успехи в деле хозяйственного строительства доказывают правильность линии, проводимой партией.

Выработанный под руководством высших партийных органов пятилетний план нашего строительства, утвержденный 16-й всесоюзной партконференцией и V всесоюзным с'ездом советов, к XVI с'езду партии уже превзойденный в ряде отраслей, представляет собой то генеральное развернутое социалистическое наступление на капиталистические элементы на хозяйственном фронте, которое завещал Ильич и которое он подготовлял, произведя в 1921 — 1922 г. маневр временного хозяйственного отступления для того, чтобы затем разбежаться и дальше прыгнуть. Еще в 1920 г. он считал десятилетний план электрификации первоочередной задачей, второй программой нашей партии, тем более это относится к пятилетнему плану нашего хозяйства.

Плановое начало всего общественного хозяйства есть один из основных признаков социалистического общества, отличающих его от анархии капиталистического производства. И поэтому самый факт нашего ускоренного осуществления пятилетнего хозяйственного плана красноречиво говорит о победе социалистического пути над капиталистическим не только в промышленности, но и в земледелии и во всем хозяйстве, несмотря на все предсказания правых паникеров. Невиданный экономический кризис с 35 миллионами безработных и бешеным наступлением капитала в буржуазных странах, полная ликвидация безработицы и неслыханные темпы роста в СССР, от которых империалистам становится не по себе, — вот два диаметрально-противоположных мира.

Для того, чтобы осуществить победу социализма, Ильич поставил перед нами конкретную историческую задачу: построить фундамент социалистической экономики. Теперь мы завершаем это построение. Что это значит? Это означает такое развертывание социалистических элементов нашего хозяйства, такой рост и социалистическое развитие всех ведущих отраслей нашего хозяйства — тяжелой промышленности, транспорта и коллективного сектора сельского хозяйства, который позволит поставленный Лениным вопрос «кто кого» решить окончательно и бесповоротно не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, уничтожить внутри страны не только капиталистические элементы, но и самую почву для их возрождения путем неоспоримого, подавляющего преобладания социалистического сектора и крупного коллективного хозяйства над мелким частнокрестьянским хозяйством.

В 1920 г. на VIII с'езде советов Ленин сказал, что «мы более слабы, чем капитализм не только в мировом масштабе, но и внутри страны» (т. XVIII, стр. 428).

Как изменилась картина теперь! Страна советов, переживавшая в 1920 еще первый этап переходного периода и диктатуры пролетариата, еще выходившая из периода капитализма, с оружием в руках боровшаяся за сохранение диктатуры пролетариата, теперь вступила в высокую стадию переходного периода и в период непосредственного строительства социализма, вступила в период социализма. Под руководством партии произошли огромные изменения в соотношении классовых сил в стране, колоссально приближающие нас к полной победе социализма.

Поэтому VI с'езд советов СССР мог с полным основанием дать следующий анализ текущего этапа нашей революции:

«Со времени прошлого с'езда советов произошли крупные изменения в соотношении классовых сил внутри Союза ССР и международном положении.

На почве крупнейших успехов индустриализации и коллективизации советской страны социалистический сектор занял господствующее положение во всем народном хозяйстве. Тем самым теперь, в условиях последней стадии нэпа, страна советов вступила уже в период непосредственного строительства социализма... В нашей стране вопрос о победе социализма решен, и победа социализма в СССР полностью обеспечена (разрядка моя. — *С. П.*).

Социализм теперь неизмеримо сильнее капитализма внутри страны. Возможность полного построения социализма в ускоренном порядке превращается в доподлинную действительность. В течение ближайших десяти лет мы должны и сможем пробежать по-революционному (недаром, как говорили Маркс и Ленин, в революции иногда дни равняются десятилетиям спячки) 50—100 лет, на которые обгоняли нашу прежнюю отсталость развитые страны капитализма. А тогда радикально изменится вся картина соотношений между страной социализма и капиталистами. Если даже к тому времени и не подоспеют еще к нам на помощь пролетарские революции других стран (вернее: они уже свершатся), то социализм в лице нашей страны вместе с международным пролетариатом победит капитализм в международном масштабе. Тогда вопрос — «кто кого» будет решен не только внутри, но и вовне страны. Тогда сбудется замечательное предсказание Ильича, что «10 — 20 лет правильных соотношений с крестьянством — и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)». Тогда и вопрос о гарантии от интервенции и реставрации будет решен перевесом нашей силы над силами капиталистов.

Порукой этому служит тот энтузиазм и тот темп, какими пролетарские и колхозные массы выполняют наш пятилетний план строительства социализма. А этот план, в том числе план третьего года пятилетки, есть действительно большевизм, марксизм-ленинизм в действии. Он доказывает, что марксизм-ленинизм — не догма, а руководство для действия, что он служит не только для того, чтобы объяснить мир, но чтобы путем творческого энтузиазма, ударничества и социалистического соревнования изменить мир.

Мы делаем это не только для рабочих и крестьян СССР, но, главное, для мирового пролетариата. В этом — великий интернационализм нашего строительства. Недаром в своем выступлении на конференции работников соцпромышленности т. Сталин назвал нас «ударной бригадой» всемирного пролетариата, указал на всемирное значение наших побед и на первейшее наше обязательство перед всемирным пролетариатом. Факты и цифры говорят сами за себя.

Программа первых двух лет пятилетки перевыполнена.

Валовая продукция нашей промышленности в 1913 г. равнялась 10 миллиард. руб., в 1930 г.—20 млрд. руб., в 1931 г.—30 млрд. руб. За четыре года — утроение довоенного уровня. А ведь десять лет тому назад (1920 г.) валовая продукция нашей промышленности была в 5 раз ниже довоенной.

В 1931 г. мы вовлечем в промышленность 2 миллиона новых рабочих. К 500 тыс. молодых кадров подростков и фабзавучников, вовлеченных в 1930 г., вовлечем 700 тысяч новых молодых работников. Дадим стране 518 новых промышленных гигантов. Должны поднять производительность труда на 28 процентов и на 10 процентов снизить себестоимость продукции.

В 1931 г. мы должны дать прирост промышленной продукции в 45%, вместо 25%, данных в 1930 г.

По важнейшим отраслям наш рост продукции выразится так:

1913 г.	1930 г.	1931 г.	
9,2 млн. тонн	18,9 млн. т.	27,5 млн. т.	нефть
29 " "	56,6 " "	83,6 " "	уголь
4,24 " "	6 " "	8,82 " "	сталь
4,2 " "	5,3 " "	8 " "	чугун
—	3,8 млн. квт. ч.	6,2 млн. квт. ч.	электростанции
—	2,2 млн. р.	4,1 млн. р.	машиностроение
67,5 млн. р.	588,7 млн. р.	972 млн. р.	электротехника

На 7-часовой рабочий день мы перевели в 1930 г. 45% предприятий, в 1931 г. переведем 85%.

Блестящим примером большевистского решения задачи является выполнение пятилетки в два с половиной года в ведущей отрасли промышленности — в нефтяной. Мы встали на второе место после Америки по добыче нефти.

Это — образец побеждающего социализма и коммунистического труда.

Другой такой же поразительный образец большевистских темпов — это окончание пятилетки в два с половиной года самым мощным гигантом электротехники Электрозаводом (рабочим которого в данный момент является автор этой статьи) — такова активность массы в строительстве социализма в нашей промышленности. Не менее поразительна она и в сельском хозяйстве. В течение 2 лет мы разрешили зерновую проблему на основе коллективизации. За этот же срок широкие массы, не только бедняцкого, но и середняцкого крестьянства, решительно повернули и прочно стали на путь коллективизации и социализма, сделав таким образом возможным для партии перейти от политики ограничения и вытеснения класса кулаков, к его ликвидации.

Основа этой революции в деревне — техника, машина и трактор, данные нашей индустрией.

Ленин завещал нам дать сотню тысяч тракторов, чтобы совершить в деревне переворот от мелкого хозяйства к коллективизации и коммунизму. Теперь этот завет осуществлен. Весной 1931 г. в борьбу за социалистическую реконструкцию деревни движется 1.040 новых машинно-тракторных станций, выйдут 120.000 новых тракторов.

Вот темпы этого роста:

Весна 1930 г.	Сейчас	К концу 1931 г.
159 МТС	1200 МТС Охватили 18 млн. гектаров	1400 МТС Охв. 25 млн. га.

Наша индустрия автотракторного строения в 1930 г. дала на 97 м. руб., в 1931 г. дает на 486 млн. руб., а в 1913 г. его даже не существо
Сельхозмашиностроение:

В 1913 г.	1930 г.	1931 г.
52 млн. руб.	414,2 млн. руб.	760 млн. руб.

Недаром в темп этой технической революции в деревне растет и ко лективизация ее. В коллективах мы имели и имеем:

1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
400 тыс. хоз. около 2%	1 млн. х. около 8%	6 млн. х. свыше 22%	13 млн. х. свыше 50%

В данный момент мы имеем уже фактическое перевыполнение 1931 года в 50% коллективизированных хозяйств. Этот процент с пятидневкой возрастает, а к концу 1931 года будем иметь их зн выше 50%. Это такой сдвиг к социализму, от которого уже нет пути к капитализму. За 3 года все лицо деревни в корне изменилось:

	В 1927 г. было валовой продукции:	1931 г. становится:
Колхозов и совхозов . .	2%	50,7%
Бедняков и середняков .	85%	46,8%
Кулаков	13%	2,5%

Такова сила строящегося и побеждающего социализма.

В общей динамике роста в 1931 г. народный доход подымается 38%, а социалистический сектор займет 82%. Таковы факты. Этим усп мы прежде всего обязаны той ленинской линии, по которой разверты свою стратегию социалистического строительства наша партия.

Партия не должна и не может сбиваться с намеченной Лениным г неральной линии движения к социализму.

Проводя неослабевающую борьбу с контрреволюционным троцки с правым оппортунизмом, как с главной опасностью в данный период, с « выми» загибами, примиренчеством к разным уклонам, партия должна г вить и организовывать силы пролетариата к моменту схватки с импер тами-империалистами и к моменту решительных битв всемирно пролетариата, для которого СССР превратился в действительное о чество и в неот'емлемый революционный оплот.

Это знает не только каждый сознательный пролетарий капитал ческих стран, но и каждый борющийся труженик Китая, Индии и всех у тенных империализмом колониальных и полуколониальных стран. Всем пролетарская революция достигла в лице СССР гигантского завоевани измеримой важности, ибо СССР есть мощная опора и ба для всех революций как в самих странах империализма, так и колониях. Потому-то лозунг защиты СССР является самым популярны масс Запада и Востока.

Противоречие между СССР и капиталистическим миром в данный мент есть основное мировое противоречие. Лишь на путях высоких те нашей индустрии и неустанной работы на оборону страны мы можем ре нашу коренную задачу: приготовить СССР отбить ко революционную интервенцию империалистов.

Когда-то, на исходе революционного 1848 года, Маркс провоз в «Новой рейнской газете» о том, что демократическое освобождение

Европы зависит от победы французского пролетариата. Он обрисовал, как вместе с его июньским поражением во всей Европе восторжествовала и стала неистовствовать над угнетенными народами и средними мелкобуржуазными классами свирепая реакция. Он ожидал, как вновь на раздавшийся из Франции призывный революционный крик галльского петуха проснутся, откликнутся и поднимутся для революционной победы угнетенные народы и средние классы Европы.

Эти ожидания не сбылись тогда. Но нечто подобное сбывается теперь. История почти за ¾ века сделала гигантский, крутой поворот. Она перенесла революционный центр тяжести из Франции в ту самую Россию, которая во времена Маркса была всемирным жандармом и злейшим оплотом монархической, крепостнической реакции. Она превратила ее в социалистическую страну и во всемирный оплот нового общества.

Как долго сохранит история социалистическое первенство руководства за СССР и его пролетариатом, как скоро станут рядом с нами его сестры— советские социалистические республики других стран, как скоро их рабочий класс овладеет властью, победив буржуазию,— этого мы еще не знаем. Но мы должны, защищая всемирное отечество пролетариата, всеми мерами облегчить муки родов пролетарской революции в империалистических и колониальных странах, расширяя смелой марксистско-ленинской тактикой начавшийся под'ем международного пролетарского движения и закрепляя, на основе нашего опыта, всемирный союз пролетариата и крестьянства.

Всей нашей деятельностью мы должны подготовить, приблизить и слить вместе с полной победой социализма в СССР всемирную социалистическую Республику Труда и окончательную победу коммунистической революции во всем мире.

О роли практики в теории познания.

А. Васильева.

Маркс и Энгельс о роли практики в связи с критикой Гегеля и Фейербаха.

Колоссальная критическая работа, проделанная Марксом над Гегелем, Фейербахом и всей современной ему философией, нашла свое отражение в его недавно опубликованных «Подготовительных работах для «Святого семейства» и в «Немецкой идеологии». В свете этих работ становится совершенно ясным действительный путь, пройденный Марксом от Гегеля до самого себя, путь революционного преодоления и абсолютного идеализма Гегеля и созерцательного материализма Фейербаха. Марксизм не есть синтез гегелевской диалектики и материализма Фейербаха, как утверждает Деборин. Говорить так,—значит не понимать всей глубины различий между материализмом и идеализмом, значит стать на оппортунистическую точку зрения примирения противоречий. Именно Гегеля критиковал Маркс за об'единение существенных крайностей, действительных противоположностей. Маркс раскрыл за этим логическим приемом стремление Гегеля скрыть реальные противоречия немецкой действительности, примирить их, опосредствовать, дополнить друг другом. Ошибка состоит в том, говорит Маркс, «что 1) резкость действительных противоположностей считается чем-то вредным или. что считают нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, между тем как это превращение означает не что иное как, с одной стороны, их самопознание, так, с другой стороны, их воодушевление к решительной взаимной борьбе; 2) что пытаются их опосредствовать» [1]).

Характеризовать отношения между идеализмом, хотя бы и диалектическим идеализмом Гегеля, и материализмом Маркса отношением синтеза — значит скрыть взаимную борьбу между ними, затушевать все различие гносеологических и социальных корней этих двух мировоззрений. В этой оценке сказалось все некритическое отношение деборинской группы к Гегелю и все ее непонимание марксизма, как революционного мировоззрения. Марксизм как идеология пролетариата есть результат борьбы с идеализмом, с поповщиной, со всякой метафизикой, а не беспартийный созерцательный логический синтез, в котором растворяется весь революционный смысл марксизма, его особенности, происхождение, его связь с революционной борьбой пролетариата.

Но было бы неправильным утверждать, что марксизм только отрицает все прошлое философское развитие. Марксизм не отбрасывает всех предшествующих достижений мысли, не начинает истории и диалектики только с момента своей собственной истории и собственной диалектики. Диалек-

---

[1]) Архив К. Маркса и Энгельса, т. III, стр 214.

тический материализм достаточно об'ективен, чтобы вскрыть истинное содержание в самых искаженных идеологических формах и показать реальную связь, существующую между действительностью и ее ложными отражениями. Гегелевская философия — лишь момент в развитии исторического познания, и рациональное зерно этого момента можно обнаружить лишь через дальнейшую ступень, через борьбу нового со старым, через отрицание этой пройденной ступени.

Теория Деборина не понимает отрицательного революционного отношения марксизма к гегелевской диалектике. В этом сказалось непонимание революционного духа марксизма. Механисты огульно отрицают Гегеля, метафизически подходят к развитию познания, не видят его истории, его переходов, его живой жизни. Ложность же позиции деборинщины привела к тому же самому вульгарному пониманию, сглаживающему противоречия, скользящему по поверхности, не вскрывающему внутренней противоречивости всякого развития. Требования диалектической критики прекрасно выразил Ленин в следующих словах: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, которая несомненно содержит в себе элемент отрицания и при том как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т.-е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» [1]). Механисты «зряшно» отрицают Гегеля. Деборинцы сбиваются на апологетику Гегеля, понимая развитие, переход от Гегеля к Марксу без борьбы. И те и другие извращают марксизм.

Маркс в своих первоначальных работах дал образцы такой диалектической критики в отношении Гегеля. По существу в этих работах отражена подлинная история возникновения марксизма, история его отдифференцирования от немецкой идеологии в процессе борьбы против этой идеологии— борьбы и теоретической и политической. Вместе с критикой немецкой идеологии Марксом дана также и критика немецкой действительности. Проследить связь между ними — чрезвычайно благодарная задача. Она вскрывает социальные корни марксизма, его органическую связь у самых истоков с революционной борьбой рабочего класса. На предшествующем этапе философии у нас эта задача не была поставлена, тем более необходимо поставить ее сейчас. Только в свете выяснения этого вопроса можно понять историческое значение марксизма и его роль на современном этапе классовой борьбы пролетариата, в период развернутого социалистического строительства. Только тогда можно будет понять, что отрыв теории от практики революционной борьбы является не только академизмом, не только недостатком в теоретической работе, а таким колоссальным из'яном теории, который марксиста превращает в антимарксиста, диалектического материалиста — в идеалиста, революционера-большевика — в меньшевиствующего теоретика. Мы хотим проследить ход Марксовой критики категории практики у Гегеля и Фейербаха в связи с развитием социально-политических взглядов Маркса, насколько эта связь выявляется в его первоначальных работах.

«Феноменология духа» Гегеля — произведение, заключающее в идеалистической форме много моментов исторического порядка. Сам Гегель поставил перед собой задачу дать в нем историю донаучного сознания. Этот процесс состоит в том, что самосознание порождает свой предмет, потом преодолевает его, и различные формы взаимоотношений сознания с предметом и формы преодоления последнего со стороны суб'екта и образуют этапы в истории развития сознания. Историческое значение Гегеля — в том, что он, несмотря на свой идеализм и мистику, сумел отразить, хотя бы в искаженном виде или, как выражается Маркс, в отчужденной форме, действи-

[1]) Лен. сб., IX, стр. 285.

тельные стороны общественной истории. Маркс прямо говорит, что «Феноменология духа» содержит в себе критические моменты целых областей жизни. Маркс указывает на отделы о «нечестном сознании», о «честном сознании», о борьбе «благородного и низкого сознания». В критике этих форм сознания дана характеристика различных сторон действительного исторического сознания, а поскольку это историческое сознание дано в движении противоположностей, в нем нашел свое выражение противоречивый процесс общественного развития. Вот, например, что говорит Гегель об отношении между «благородным» и «низким» сознанием. «В общественной власти оно («благородное» сознание. — *А. В.)* усматривает нечто равное себе в том смысле, что сознание имеет в ней свою простую сущность и ее реализацию, и его служение государственной власти проявляется в действительном послушании и внутреннем уважении.

Сознание отношения к государственной власти, как к неравным себе, напротив, есть н и з к о е сознание; в господствующей власти оно видит только цепи и угнетение бытия для себя, а потому ненавидит господина, повинуется только со скрытой злобой и всегда оказывается готовым к мятежу» [1]). Правда, действительный источник противоречивости исторического сознания и пути изживания этих противоречий в действительности и в сознании представлялись Гегелю в извращенном виде, тем не менее со стороны характеристики разнообразнейших форм исторического сознания «Феном. духа»» дает богатейший материал и представляет интерес еще и теперь.

Гегель был убежден, что сознанию доступно лишь духовное, лишь то, что само не выходит за рамки мышления и потому предметом сознания может быть порожденное им самим. Но он также знал, что знание невозможно, если оно всегда остается равным себе — в таком случае оно формально и бессодержательно, и потому суб'ект активен, деятелен, переходит во внешность, порождает предмет, развивает собственные силы и начинает блестеть всеми красками бытия (Энгельс). И дальше. Эта деятельность порождает предметы, противоположные самосознанию. В предметности и вещественности находит оно себе противоположность, свое отрицание, и вместе с тем необходимое условие для выявления всего богатства своего содержания, для развития своих скрытых сил.

Эту положительную сторону гегелевской «Феноменологии» Маркс оценивает следующим образом: «Величие гегелевской «Феноменологии духа» и ее конечных результатов — диалектики отрицания, как движущего и порождающего принципа — заключается в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека, как процесс, рассматривает опредмечение, как распредмечивание, как отрешение и снятие этого отрешения, в том, что он значит усматривает сущность т р у д а и понимает предметного человека, истинного действительного человека, как результат его с о б с т в е н н о г о т р у д а. И с т и н н о е деятельное отношение человека к себе, как родовому существу, или осуществление себя, как действительного родового существа, т. е. к а к ч е л о в е ч е с к о г о существа, возможно только потому, что человек действительно создает все свои р о д о в ы е с и л ы — а это опять-таки возможно лишь благодаря коллективной деятельности человечества, возможно лишь как результат истории — и относится к ним, как к предметам, что опять-таки возможно сперва лишь в форме отчуждения» [2]). Необходимо отметить, что в своих «Подготовительных работах» Маркс еще в значительной степени стоит на позициях Фейербаха. Этим об'ясняется, что он здесь больше напирает на деятельность ч е л о в е ч е с т в а, а не на о б щ е с т в е н н ы й характер этой деятельности, больше говорит о челове-

---

[1]) Феноменология духа, стр. 229.

[2]) Архив К. Маркса и Энгельса, т. III, стр. 263.

ческой природе, а не об общественной природе человека. Но уже и в этой работе Маркс пошел значительно дальше Фейербаха. Он признал уже значение труда для общественной жизни, но не доразвил это признание до материалистического понимания истории. Это было осуществлено в позднейшем произведении — в «Немецкой идеологии», написанной Марксом совместно с Энгельсом, и там же была показана вся несовместимость их взглядов с фейербаховскими.

Итак, за борьбой между самосознанием и абстрактным сознанием, между знанием и его предметом, между человеком и его собственным отчуждением и отрешением в «Феном. духа» скрыта характеристика действительного отношения общественной жизни, а именно, что историческое развитие общественного человека совершается через труд, через практику. В области науки о человеке и его отношении к природе это было настоящим открытием, обусловленным историческим взглядом на сознание, об'ективным направлением гегелевского идеализма, открытием, подготовленным самым ходом общественного развития. Это философское открытие труда в истории сознания и человека сопровождалось водворением этой категории в политической экономии и появлением ее на арене политической жизни. Но так же, как в политической экономии, труд выступает вначале лишь в своей особенной форме, связанной с деятельностью определенного вида (труд земледельческий в теории физиократов), а своей всеобщей конкретности как исторической категории он достигает по существу лишь в марксистской политической экономии, так и в философии труд выступает вначале в своей особенной форме, как только теоретический, абстрактный труд. В «Феном. духа» труд, практика не приобретают всеобщего значения, они ограничены лишь сферой мышления, хотя сам Гегель не понимает этой ограниченности и действительного места теоретической деятельности в системе общественного труда и, как идеалист, возводит во всеобщее, возводит в принцип эту особенную и, в этой своей особенности, абстрактную деятельность.

Критикуя в данном вопросе Гегеля, Маркс вместе с тем развивает свою положительную теорию; отрицает гегелевскую постановку вопроса и вместе с тем дает рациональное истолкование ее, отбрасывает универсализм теоретической практики Гегеля, ее абсолютный характер, ее обожествленность, и в то же время устанавливает ее действительную связь с реальным процессом жизни человека и его деятельности. Деятельность мышления—также действительный труд, но лишь при условии, что оно свою основу имеет не в самом себе, а вне себя, что теоретическая деятельность является лишь стороной, лишь моментом предметно-чувственной деятельности людей, т. е. общественного материального производства. Для Гегеля знание возможно лишь потому, что действительность — собственность сознания, что предмет сознания, несмотря на свою внешность, предметность и вещественность, находится внутри сознания. Верно наоборот. Знание возможно лишь потому, что сознание — собственность действительности. Для Гегеля знание как деятельность приводит к познанию потому, что эта деятельность есть собственное делание самого суб'екта, самого абсолютного. Верно наоборот. Знание может привести и приводит к познанию потому, что деятельность мышления есть лишь часть, сторона преобразующей материальной деятельности самой действительности — людей, общества, как части природы. «Только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения [1]) изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления» [2]).

[1]) Термин «материальные сношения» позднее был заменен Марксом термином «производственные отношения», четко отражающим общественно-экономический характер этих отношений.

[2]) Архив, т. I, стр. 216.

Только практика, деятельность, как общественное материальное производство, обладает всеобщим характером. Лишь в нем имеет место не только отношение человека к самому себе, и потому лишь идеальное отношение, но и отношение к внешнему миру, ко всей природе и к другим людям, т. е. общественное отношение. Деятельность мышления ограничена, если не выходит за свои собственные пределы; деятельность, направленная на предметы природы, так же безгранична, как безгранично разнообразие природы, как бесконечно ее существование во времени и пространстве. Естествознание и промышленность, как теоретическое и практическое отношение человека к природе, вскрывает материальное происхождение мышления. История возникновения человека показывает, что человек стал мыслить тогда же, когда начал производить и на почве этого производства вступил в с другими людьми в общественные отношения. «Сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока существуют люди» (Маркс).

История материального производства человеческого общества обнаруживает тот об'ективный источник, из которого мышление черпает свое содержание. Она показывает, что мышление является лишь отражением условий этого производства и даже измышления мышления о самом себе, обожествление себя находят свое об'яснение лишь в самой материальной жизни общества. «Если сознательное выражение реальных отношений этих индивидов иллюзорно, если в своих представлениях они ставят свою действительность на голову, то это в свою очередь является следствием их ограниченного материального способа деятельности и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений» [1]).

Лишь производственная деятельность людей обнаруживает перед человеком существенную связь его с природой, раскрывает материальную—природную и общественную, так как общественные отношения материальны лишь как производственные отношения, — основу всякого сознания. В выяснении этой материальной основы мышления и роли практической деятельности общества в деле революционного преобразования этой основы и соответствующего ей мышления и заключаются самые глубокие гносеологические корни диалектического материализма. Вот почему идеалистична деборинская постановка вопроса о соотношении теории и практики, поскольку она игнорирует эту материальную основу, констатируя лишь единство этих категорий. «Самопознание надо рассматривать, как выражение человеческой практики, а с другой стороны и практика является определенной формой познания», говорит Деборин в предисловии к IX Ленинскому сборнику. Говорить о связи теории и практики и не выяснять характера этой связи, говорить о единстве этих двух моментов и упускать материальную основу этого единства, игнорировать определяющую роль практики в этом единстве, — значит стать на формальную, абстрактную, а потому идеалистическую точку зрения. Категория единства еще не обеспечивает материалистического решения проблемы теории и практики, ибо это единство может быть единством в мысли, единством на идеальной основе. Гегель также стоял на точке зрения единства. Критическое преодоление Марксом Гегеля в этом вопросе состояло в установлении, что труд, материальная деятельность людей является основой теоретической деятельности их и как исторически исходный пункт для мышления, как источник всего содержания теории и как действительный и постоянный критерий для нее. Действительную силу теории, ее роль в отношении к практике можно понять, лишь выяснив материальную основу этого единства. Только та теория становится действительной силой и достигает истинного единства с практикой, которая наиболее полно и революционно отражает и охватывает содержание исторически определенной общественной

[1]) Там же, стр. 216.

практики, которая находится на службе у революции и отвечает на вопросы, выдвинутые революционной практикой. Лишь тогда практика становится определенной формой познания, а теория — выражением человеческой практики.

Гегель хотел возвеличить мышление, об'явив теоретическую деятельность универсальной формой деятельности, но результат получился обратный. Деятельность мышления, исходя из своей внутренней основы, не имеет выхода за свои пределы, она бессильна и в своих конечных результатах бесплодна. Теологическая схоластика немецких гегелианцев была выражением того тупика теоретической мысли, в который эта последняя попала благодаря гегелевскому ложному исходному пункту. Деборинский отрыв теории от практики, культивирование самодовлеющего значения теории, которая находится как будто бы в единстве с практикой, но не определяется последней, не служит ее задачам, не отвечает ее запросам, продолжали ту же идеалистическую тенденцию, загоняли нашу теоретическую мысль в тупик абстрактного методологизирования. Теория бессильна, если она не опирается на практику, — вот почему борьба за связь теории с практикой, за поворот к задачам социалистического строительства есть борьба за действительно революционную теорию, борьба за ее развитие. Теория, оторванная от практики, теория, не раскрывающая материальной основы теоретической деятельности, ищет и находит эту основу в самой себе, т. е. в идеальном, и потому отрыв теории от практики неизбежно приводит в лагерь идеализма.

Деборин мог бы сослаться на десятки мест из своих работ, где говорится о материальности мира, о производстве, как основе общественного развития, но это еще не решает вопроса. В этой связи интересны следующие слова Маркса, направленные против гегелевской «Феном. духа»: «Ясно, что самосознание... может полагать только вещественность, т. е. опять-таки только абстрактную вещь, вещь абстракции, а не действительную вещь. Ясно, поэтому, далее, что вещественность не представляет ничего самостоятельного, существенного по отношению к самосознанию, а является только его созданием, чем-то полагаемым им, и что это полагаемое не утверждает самого себя, а есть только утверждение акта полагания, закрепляющего на мгновение свою энергию в виде продукта и сообщающего ему для видимости, но опять-таки только на мгновение — роль самостоятельного действительного существа» [1]. И дальше там же «... самосознание находит соблазнительную сторону отчуждения не в определенном характере предмета, а в его предметном характере. Поэтому предмет есть нечто отрицательное, само себя снимающее, есть ничтожность».

Таким образом ясно, что признание категорий предметности, вещественности еще не есть материализм, ибо материя вообще, предметность вообще, вещественность вообще — только абстракция, формальные пустышки, только идеи, если материя не рассматривается как определенная материя, вещи и предметы как конкретные вещи и предметы. Абстрактно-теоретический подход к вопросам у Деборина и состоял именно в том, что определенный характер вещи и предмета появился у него в исследовании лишь на мгновение, лишь повидимости, так как тут же весь центр внимания переносился им на анализ категорий, как таковых, а не на анализ реальных переходов определенных вещей, предметов, процессов в обществе и природе. Так, в вопросе о возможности и действительности построения социализма через нэп Деборин не останавливается на выяснении и характеристике пути и основных условий перехода возможности в действительность, не ищет движущих

[1] Архив, т. III, стр. 266.

сил этого процесса, не обнаруживает реальных противоречий в этом переходе, — для него главное — подчеркнуть единство и различие этих категорий, как таковых. Значит нэп и социализм как конкретные явления для него только повод, который через минуту остается позади, и предметом анализа становится делю логики, а не логика дела. Но это и есть идеализм, так как налицо имеется только видимость изучения действительности, только видимость изучения практической деятельности людей, их производства, их борьба, а на самом деле исследуются лишь понятия, а по существу дело идет лишь о деятельности вообще, а потому о деятельности абстрактной, о деятельности только в мысли. Примеры играют роль бледных иллюстраций для логических категорий, вместо того, чтобы через развертывание живого материального процесса показать об'ективный характер диалектических категорий, раскрыть конкретные богатства их, в которых, если они материалистически поняты и об'яснены, должна быть отражена пульсация, движение самого предмета.

Абстрактный материалист всегда сбивается на идеализм, так как анализ природы и человека в силу абстрагирования от предметной деятельности общества и ее результатов подменяется анализом понятий. Только через практику природа выступает перед человеком во всем разнообразии свойств, во всей ее материальной, чувственной и качественной определенности. Только в практике природа выступает перед человеком как определенная материальность, как вещи, как предметы, хотя сама по себе природа существует во всей определенности и вне человеческой практики. «... только в обществе природа является о с н о в о й его собственного ч е л о в е ч е с к о г о бытия... таким образом, о б щ е с т в о есть законченное существенное единство человека с природой» [1]). Сам человек является продуктом природы, общественное производство — есть материальная, предметная деятельность, и, наконец, материал для своего производства общество черпает исключительно из природы. Тем не менее природа вне практической деятельности общества материалистически понята быть не может.

Труд есть основа человеческой жизни, основа, определяющая отношение человека к природе, природы к человеку — и человека к человеку, т. е. общественные отношения. Отсюда совершенно ясно фундаментальное значение труда, практической деятельности людей для материалистической теории познания. Природа через труд создала человека со всеми его предметами, чувствами и отношениями, природа через труд сама поднялась на высшую ступень своего развития, ибо человек есть часть природы. Поэтому человек, только опираясь на историю общественного производства, может понять и историю природы и свою собственную историю и природу. В труде человек выступает как последовательный материалист, потому и в познании он может сохранить материалистические позиции, лишь опираясь на эту проверенную, надежную, единственно-устойчивую почву труда, и при том не только в исходном пункте, но в каждый данный момент, т. е. опираясь на исторически определенные формы общественной практики.

В процессе критики гегелевского понимания практики Маркс не только определил характер практической деятельности людей, как материальной и предметной, не только исследовал значение практики для познания. Он дальше установил, что практическая деятельность людей протекает в исторически определенных общественных формах, и смена этих форм общественного производства составляет действительную историю общества и является истинной основой развития общественного сознания. Критикуя в «Подготовительных работах» Гегеля и в «Немецкой идеологии» всю современную ему немецкую философию, Маркс вскрыл реальную связь этой определенной идео-

[1]) Архив, т. III, стр. 253.

логии с исторически определенной формой общественного производства, а именно с буржуазным способом производства. К выяснению этой стороны вопроса мы и переходим.

* * *

В «Феноменологии» теоретическая деятельность есть необходимое условие познания, так как только благодаря ей знание получает свой предмет, самосознание — свой об'ект. Но деятельность сознания имеет отрицательную сторону. Этот отрицательный момент — в предметном характере деятельности самосознания. Самосознание абстрактно, но его деятельность порождает такие определенные исторические явления, как богатство, государственная власть, рабство, благородство, честь и т. д. И, хотя все эти общественные явления в «Феном. духа» проходят лишь как исторические формы и виды сознания, Гегель характеризует их, как внешние и враждебные в отношении к абстрактному самосознанию. Гегель — идеалист, и потому предмет знания не дается извне этому сознанию. Чтобы получить этот предмет, самосознание опредмечивает и овеществляет самого себя, но тем самым вступает в противоречие со своей собственной абстрактной природой.

Благодаря ложному идеалистическому исходному пункту у Гегеля вещи, предметы, конкретные исторические факты действительно противоположны сознанию, враждебны и чужды ему, и потому опредмечивание самосознания есть действительное отчуждение своей собственной сущности. Для того, чтобы преодолеть эту внешность и отчужденность, необходимо дальнейшее усилие самосознания для распредмечивания, для дематериализации результатов его деятельности.

Этот обратный процесс распредмечивания самосознания, как и процесс опредмечения, носит характер абстрактно-теоретической деятельности. Отвлеченный акт снятия отчуждения состоит в том, что вещи, предметы утрачивают свой материальный характер, общественные явления теряют свою историческую определенность и возводятся в идею, становятся лишь идеальной формой этих вещей и явлений. Преодоление отчужденности человеческой сущности в государственной власти, в религии, в морали заключается в отбрасывании всех их конкретных сторон, как исторически определенных общественных явлений, в игнорировании способов воздействия каждого из них на общественную жизнь, условий их возникновения, их истории, их значения и т. д. Преодолеть отчужденность — значит откинуть все действительные определения как внешние и несущественные, а самые вещи и явления превратить в логические идеи. Распредметить государство, богатство, религию, — значит возвести их в логический принцип, представить их — государство как таковое, богатство как таковое, религию как таковую. Маркс в «Критике фил. права Гегеля» так характеризует этот процесс:

«Конкретное содержание, действительное определение выступает как формальный момент, совершенно абстрактное же определение форм выступает как конкретное содержание. Сущность определений государства состоит не в том, что они являются определениями государства, а в том, что они в своей наиболее абстрактной форме могут быть рассматриваемы как логико-метафизические определения. Центр тяжести интереса лежит не в сфере интереса философии права, а в сфере логики» [1]. Таким образом, распредметить нечто, снять отчуждение человеческой сущности — значит превратить предмет в мысль, возвести человеческую сущность в идею, самосознание — в мертвое, законченное, абсолютное знание. Таков конечный результат «Феном. духа», итог беспокойной деятельности самосознания, которое в своем развитии вплотную подходит к изображению исторических явлений,

[1]) Архив, т. III, стр. 153.

чтобы потом снова нарушить эту реальную связь с миром, с природой, с человеком, отрицать ее и возвратиться к своему абстрактному исходному пункту. Мысль была первым делом «Феноменологии», мысль осталась и ее последним делом.

Первым, кто обнаружил никчемность результатов гегелевской «Феноменологии», был Фейербах. Он показал, что философия Гегеля есть продукт абстрагирования сущности и свойств не абсолютного самосознания, а действительного живого чувственного человека. Религия обожествляет сущность человека, философия идеалиста абстрагирует и превращает в мысль ту же самую человеческую сущность. Философия — та же религия, лишь выраженная в мыслях и логически систематизированная, и потому также достойна осуждения. Реальной основой той и другой является сам человек и его природа. Тайны святого семейства нужно искать в земной семье, природа человека раскрывает все фантазии мышления и самосознания о самом себе. Человек — истинный принцип реальной науки. Человек — истинная почва, с которой только можно и понять и об'яснить все отвлеченности и религии и философии.

Маркс и Энгельс высоко ценили фейербаховскую критику Гегеля. Эту работу Фейербаха Маркс называл великим подвигом. «Только у Фейербаха мы наблюдаем серьезное критическое отношение к гегелевской диалектике, только он сделал подлинное открытие в этой области и вообще по настоящему преодолел старую философию», — говорит Маркс в «Подготовительных работах». Правда, эти слова относятся к фейербахианскому периоду развития Маркса. Но и позднее, в «Немецкой идеологии», направленной против Фейербаха, Маркс называет его единственным вышедшим из школы «левых гегельянцев», «который, по крайней мере, сделал шаг вперед».

Энгельс в кн. «Л. Фейербах» пишет по поводу выхода «Сущности христианства»: «Заклятие было снято; «система» была пробита и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении».

Действительно Маркс и Энгельс стали последователями Фейербаха, но только временными. Они очень скоро поняли его основной недостаток, состоявший в том, что сущность человеческий природы им усматривалась не в совокупности производственных отношений, вырастающих в процессе активного практического воздействия человека на природу и развивающихся вместе с ним, а в чисто естественных свойствах человека, в его способности мыслить, любить, верить и т. д. Человек Фейербаха был абстрактным индивидуумом, который не живет в исторически определенном обществе, который не представляет взглядов и интересов определенного класса этого общества — словом, человек у него не является общественно-историческим существом, каким он в действительности только и существvет. Весь мистический характер человеческой сущности антропологического принципа со всей ясностью обнаруживался, как только с точки зрения этой теории хотели об'яснить действительные исторические явления.

Фейербах вскрыл в религии ее земное происхождение, вскрыл, что в религии человек отчуждает свои собственные свойства. Человек создал религию и бога, а не бог человека, но Фейербах не показал материального процесса возникновения этого отчуждения в действительной истории общества, не показал движущих сил этого процесса, а потому и не мог указать истинного пути уничтожения этого отчуждения. «Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира в религиозный и светский. Его задача состоит в том, чтобы свести религиозный мир к его светской основе. Но то, что светская основа отделяет себя от самой себя и как самостоятельное царство водворяется в облаках, может быть об'яснено

только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой светской основы. Следовательно, последняя сама должна быть понята из самой себя со всеми ее противоречиями, с одной стороны, практически революционизирована — с другой» (Маркс, «Тезисы о Фейербахе»). Конкретный процесс возникновения этой саморазорванности в общественной истории человека не раскрывается Фейербахом, и потому и возникновение отчуждения и снятие его остаются снова лишь мысленным процессом. Фейербаховский человек подобно гегелевскому самосознанию способен лишь на теоретическую деятельность. Все противоречия общественной жизни есть результат неправильно понятой сущности человека, и потому вся задача борьбы против этих извращений, против этой отчужденности заключается лишь в теоретическом осознании этого мысленного раздвоения человеческой сущности, в теоретическом разоблачении его, в том, чтобы показать человека как единственную основу всяких идеальных измышлений, а также и реальных отношений в обществе, которые опять-таки состояли лишь из идеальных отношений любви, дружбы и т. д. «Он хочет... как и прочие теоретики, добиться только правильного сознания чего-то существующего, некоего факта, между тем как для действительного коммуниста дело идет о том, чтобы низвергнуть это существующее», — говорит Маркс по поводу Фейербаха в «Немецкой идеологии».

И все же Фейербах и исторически и логически — необходимый этап в развитии теоретической мысли от Гегеля до Маркса. На место абстрактного самосознания Гегеля Фейербах поставил человека, и это было целым переворотом. Этот принцип стал для Маркса исходным пунктом окончательного преодоления спекуляций Гегеля. После проделанной Фейербахом работы задача Маркса состояла в том, чтобы открыть — в чем заключается сущность человеческой природы, вскрыть законы ее развития и пути ее изменения. Эта задача всемирно-исторического значения была выполнена Марксом и Энгельсом. В борьбе за нее основоположники марксизма далеко оставили позади себя Фейербаха, но путь их шел через него. Эту задачу Маркс и Энгельс могли выполнить лишь потому, что они научно открыли пролетариат и стали на его точку зрения. Мера критического преодоления основоположниками марксизма и Гегеля и Фейербаха определялась мерою осознания ими роли пролетариата в современном обществе.

В отчужденности сознания Гегель угадал противоречивость, раздвоенность, извращенность общественной жизни всего предшествующего периода, достигших своей высшей стадии в буржуазном обществе, — и в этом историческое значение гегелевской «Феноменологии». Но Гегель не понял действительных основ этого отчуждения, не вскрыл материальных причин, порождающих противоречия и антагонизмы в общественной истории, не указал путей преодоления уродливых отношений, к которым привела общество его собственная практическая деятельность. Наоборот, гегелевская философия возвела это уродство в принцип, обобщила его, провозгласила отчуждение сущностью человека, а действительного исторического человека подчинила стоящему над ним враждебному ему существу — абсолютной идее. В этом проявился весь классовый буржуазный смысл гегелевской философии, которая все противоречия общественной жизни переносила в мысль, предполагала лишь мысленное преодоление их и тем самым оставляла их неприкосновенными в действительности, затушевывала необходимость борьбы против них. Об этой консервативной стороне гегелевской философии говорит Маркс еще в своих «Подготовительных работах».

Маркс начал искать причины этой отчужденности общественной жизни не в противоположности мысли и предмета, а в противоречиях самого общественного производства. Для Гегеля отчужденность богатства в отно-

шении самосознания, т. е. человека, состоит в предметности этого богатства в противоположность духовной сущности человека. Для Маркса же извращенность этого общественного явления состоит в том, что до сих пор оно являлось продуктом эксплоатации одного класса другим и было достоянием лишь господствующих классов. Рабский труд — основа богатства древних государств; ужасающая нищета средневековых крестьян сопровождала роскошь феодальных замков, а современные дворцы построены руками неимущих пролетариев. Характеризуя антагонистическую основу происхождения богатства буржуазии, Маркс говорит, что этот процесс отличается тем, «что при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также нищета; что при тех же самых отношениях, при которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила угнетения; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазного класса, лишь при условии... образования постоянно растущего пролетариата» («Нищета философии»).

Эксплюатация пролетариата, нищета трудящихся масс, политическое и духовное угнетение их как условия буржуазного богатства,— вот в чем отчужденность современного богатства.

Современное капиталистическое государство есть орудие господства буржуазии над пролетариатом и могущественное средство отчуждения всех достижений материального и духовного развития общества в интересах этого господствующего класса. В этом — отчужденность всякого государства, которое является спутником исключительно классового общества и отомрет лишь вместе с уничтожением классов. Лишь диктатура пролетариата есть государство, которое, будучи орудием подавления и ликвидации эксплоататорских классов, ставит перед собой задачу построения бесклассового общества. Для Гегеля эта отчужденность в том, что «зависимость», «произвол» и другие конкретные определения государства противоречат всеобщей идее государства.

В морали, искусстве, религии и философии отчуждение общественной жизни проявляется в извращенных мыслях и представлениях, так как все назначение, весь смысл этих общественных явлений в классовом обществе — в извращении действительности, в оправдании эксплоатации и классового неравенства.

В развитии форм частной собственности и разделении труда получают свою основу и исходный пункт, а вместе с тем и свое действительное рациональное об'яснение, и все другие формы отчужденности общественной жизни человека. Развитие производительных сил обусловило переход первобытно-коммунистического общества к общественному разделению труда, а «вместе с разделением труда дается изначально уже и разделение условий труда, орудий и материалов, а значит и раздробление между капиталом и трудом, и различные формы собственности» [1]).

В «Немецкой идеологии» в разделе о Фейербахе Маркс и Энгельс дают картину и теоретический анализ развития разделения труда и форм частной собственности, вскрывают их внутренние противоречия, дают классовую характеристику этим противоречиям, прослеживая этот процесс до капитализма. Вместе с анализом капиталистических производственных отношений и их противоречий Маркс выясняет всемирно-историческое значение капитализма для всего дальнейшего общественного развития и то исключительное значение,

---

[1]) Архив, т. I, стр. 249. Необходимо снова отметить марксистскую незрелость «Подготовительных работ» Маркса. Здесь еще не выступает классовый характер разделения труда. Вместо исторически определенных классовых антагонизмов Маркс говорит вообще о противоречии между трудом и частной собственностью.

которое имеет эта стадия общественной практики для мышления, для теории познания. В разрезе поставленной перед нами задачи приобретает особенный интерес освещение взглядов Маркса по этим вопросам именно в первоначальных его работах, отражающих процесс формирования и становления марксизма.

Всемирно-историческое значение капитализма состоит в том, что противоречия между орудиями производства и частной собственностью, как выражался Маркс в первоначальных работах, между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером производства и частным присвоением, как формулировал Маркс позже, достигли особенной глубины и широты. Глубина этих противоречий в том, что труд, как труд рабочего, становясь уделом основных масс человечества, исключает всякую частную собственность. И наоборот, частная собственность как капитал, представляя из себя невиданное до сих пор богатство, исключает всякий труд. Труд и частная собственность при капитализме теряют все элементы непосредственной связи между собой, они начинают существовать лишь в форме противоположности. «Капитал предполагает наемный труд, наемный труд предполагает капитал. Они обусловливают и создают друг друга» (Маркс). Маркс в «Подготовительных работах» характеризует глубину этих противоречий, отдавая определенную дань влиянию Фейербаха. Все противоречия капитализма находят свое выражение в создании нечеловеческих условий для человека. И там же социалистическое общество характеризуется им как такое, в котором человек будет вести настоящее человеческое существование. Тем не менее термин «человеческое» не имеет у Маркса исключительно натуралистического значения. Человеческое при социализме есть высшее развитие общественных свойств человека. Приведем лишь отдельные места.

«Даже потребность в чистом вольном воздухе перестает быть у рабочего потребностью. Человек поселяется снова в пещерах, которые, однако, отравлены чумным дыханием цивилизации, и по отношению к которым он чувствует себя неуверенно, как по отношению к чужой силе...»

«Грязь, этот признак падения и деградации человека, нечистоты (это надо понимать буквально) цивилизации становятся элементом его жизни».

«Человек лишается не только человеческих потребностей, но он утрачивает животные потребности. Ирландец знает лишь потребность еды, и притом только картофельной еды, и вдобавок только худшего сорта картофеля» [1]).

Только капитализм разрывает национальные рамки общественной жизни, общество впервые развивается в мировом масштабе и широта противоречий человеческой жизни достигает предельной величины.

Таким образом, всемирно-историческое значение капитализма в том, что он обострил противоречия всех предшествующих общественных форм до их невозможности, до их конечного предела, и вместе с тем в том, что он, как наиболее развитая форма противоречий, порождает свой отрицательный момент, создает все реальные предпосылки для уничтожения не только капиталистической формы противоречий, но и всяких классовых противоречий, не только капиталистической частной собственности, но и всякой частной собственности, эксплоатации, угнетения.

Активным носителем этих реальных предпосылок явился пролетариат. Именно потому, что пролетариат не связан ни с какой формой частной собственности, а наоборот, существует как ее противоположность, он — единственный класс, который может решительно и до конца бороться против всяких форм частной собственности, против всяких форм отчуждения

[1]) Архив, т. III, стр. 276.

общественной жизни, неизбежно сопутствующих частной собственности. Пролетариат как класс не ограничен связью лишь с определенным видом труда, а овладевает всеми его видами и поэтому всем ходом развития капиталистического производства он подготовляется, как организатор нового общества, построенного на отрицании всякой собственности, всяких классов. Только пролетариат, прошедший уже при капитализме школу крупного машинного производства, обладает всеми данными для борьбы не вообще против труда для себя, что было идеалом всех прежних угнетенных классов, не только для борьбы против форм труда, отчуждающих его результаты, но и за новую, социалистическую организацию труда, за всеобщее торжество его, за новое отношение человека к труду.

В этом — всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата, его революции и его диктатуры. Вот почему наш ЦК, организатор и руководитель социалистического строительства, намечая задачу 3-го года пятилетки — завершение построения фундамента социалистической экономики в нашей стране, — говорит о всемирно-историческом значении этого факта. Это будет означать не только победу социализма над капитализмом внутри нашей страны, но и завоевание крупнейших позиций мирового пролетариата в его борьбе против мирового капитализма. Все до сих пор существовавшие формы общественной жизни, несмотря на различия между ними, были построены на эксплоатации, на угнетении, зависимости, и потому социализм — не только новая форма общества по сравнению с капитализмом, но и начало новой эры в развитии человеческого общества, начало новой истории, действительной истории человечества, по сравнению с которой все предшествующее развитие было лишь предисторией, ее подготовкой.

Появление на арену общественной жизни пролетариата и развитие его классовой борьбы явились исходным пунктом создания нового учения о познании, создания новой последовательно-материалистической и диалектической теории познания. Не случайно, что выработка материалистической теории познания у Маркса сопровождалась анализом основных противоречий капитализма, выяснением роли рабочего класса в деле революционной переделки капитализма и характеристикой основных черт социалистической организации общества. Не случайно, что действительная роль практической деятельности человека в деле развития общества, роль практики в образовании и развитии мышления, а вместе с тем раскрытие материального происхождения и материального содержания самого познания, не случайно все это впервые в истории развития человеческой мысли было понято и формулировано идеологами пролетариата. Материалистическое понимание истории, а вместе с ним последовательно проведенная материалистическая теория познания есть исключительно детище пролетариата, так как только пролетариат, как единственный представитель многообразного труда, как единственный творец всех материальных и культурных ценностей современного общества, может понять материальное единство природы, общества и всеобщее значение труда для общества. Общественное положение пролетариата в условиях капитализма исключает для него всякие иллюзии — дает возможность его идеологам и из теории познания изгнать всякий фетишизм. Если буржуазия в период своей революционности и становилась сторонницей материалистической теории в философии, даже в области исторического об'яснения в лице историков своей революции — Гизо, Тьери и др. — приоткрывала завесу материалистического понимания истории, тем не менее материализм буржуазии не был доведен до конца, он всегда касался их прошлого, а не настоящего и ни в коем случае будущего. Буржуа не был бы буржуа, если бы он не боролся против материализма, если бы он не пытался опр

ть свое эксплоататорское существование всякой идеалистической мишу-й. Свои социальные корни последовательный материализм имеет только пролетариате.

Эту связь материализма с социальной основой Маркс выражает в сво-«Подготовительных работах» следующим образом: «Но поскольку для циалистического человека вся история есть не что иное, как образование ловека человеческим трудом, как становление природы для человека, по-ольку он обладает наглядным, неопровержимым доказательством своего ждения самим собой процесса своего возникновения» [1]). Благодаря обще-венному характеру производства пролетариат еще в рамках капитализма яется эмбрионом социалистического общества и потому он обладает не-ровержимым доказательством исключительного значения его собствен-го труда для капиталистического общества и значения труда вообще в тории. Еще резче эту связь материализма с пролетариатом и его движе-ем Маркс подчеркнул в своей марксистски более зрелой работе — «Не-цкой идеологии», когда он материализм назвал теоретическим коммуниз-м, а коммунизм — практическим материализмом. Диалектика как теория лько тогда выступает во всей своей последовательности и революционности, гда ее социальной базой является пролетариат, когда она является теоре-ческим отражением той ступени общественного развития, при котором вы-ит на сцену единственный последовательно революционный класс — про-тариат.

«Но противоположность между собственностью и отсутствием соб-венности не есть еще противоречие, если она не рассматривается, как про-воположность между трудом и капиталом» [2]). Таким образом, только капи-лизм все противоречия прошлой истории довел до степени противополож-стей, только капитализм дает все об'ективные условия для теоретического скрытия основного закона диалектики — единства и борьбы про-воположностей. Интересно, что раскрытие диалектики природы и откры-е естественно-научных основных законов, отражающих развитие, истори-ски совпадают с приходом капитализма. Но если на диалектическое по-мание природы оказалось способным и буржуазное естествознание, хотя здесь остались следы буржуазного извращения теории развития, хотя и сь пролетариату предстоит очищать «авгиевы конюшни», то понять диа-ктику общественного процесса, понять диалектику во всей ее всеобщно-ти, как основной закон всех без исключения областей жизни природы и че-века, способен лишь пролетариат.

Деборин критикует Лукача за его ограничение диалектики лишь сфе-ю исторического процесса. Он доказывает, что и Маркс и Энгельс (Лукач ротивопоставлял взгляды Маркса и Энгельса, считая Маркса сторонником шь общественной диалектики, Энгельса — лишь диалектики природы) спространяли диалектику и на общество и на природу. Деборин дальше рывает идеалистический характер диалектики Лукача, так как послед-м взаимоотношение суб'екта и об'екта не выясняется, как материальный роцесс общественного производства, а сводится к познавательному про-ссу. Тем не менее критика Лукача со стороны Деборина абсолютно недо-таточна, ибо эта критика не доведена до обнаружения социальных корней алистического извращения марксизма со стороны Лукача и ограничена шь философской критикой. Недостаточна также и эта философская кри-ка.

Марксизм действительно признает всеобщее значение диалектики, как об'ективного закона природы, общества и мышления. Но эта материалисти-

[1]) Архив, т. III, стр. 259.
[2]) Архив, т. III, стр. 250.

ческая всеобщность диалектики заключается, во-первых, в том, что развитие природы само порождает человека, как материальное и деятельное существо — конкретный ход этого процесса был исследован Дарвином со стороны естественно-научной, Марксом и Энгельсом — с общественной стороны. Во-вторых, она состоит в том, что в процессе именно материальной деятельности человеческого общества, в процессе общественного производства возник новый род деятельности—человеческое сознание. Труд есть связывающее звено между природой и сознанием, так как труд — материальный процесс, в нем материален и об'ект и суб'ект этой деятельности, материален так же результат ее, материальны те отношения, в которые люди вступают между собой в процессе производства, но труд есть в то же время сознательная деятельность. Только в процессе труда рождается сознание человека, развитие форм трудовой деятельности общества, развитие форм общественного производства определяет содержание и формы общественного сознания. Природа лишь через труд определяет человеческое сознание, а никакого другого сознания нет, и потому сознание только через труд и на основе изучения человеком всей совокупности условий трудовой деятельности общества становится познанием и природы и человеческой природы, т. е. общества, и своей общественной природы — природы сознания. В этом — единство логики диалектики и теории познания. Ниже в связи с анализом ленинской критики гегелевского понимания практики в «Логике» мы подробнее остановимся на этом вопросе. Здесь же необходимо отметить, что совершенно недостаточно говорить о всеобщности диалектики и для природы и для общества и не вскрыть той необходимой связи, которая существует помимо нашего сознания между диалектикой природы и общества, и игнорировать те переходы, то развитие, которые об'единяют диалектику природы с диалектикой общества и которые впервые во всей их конкретности были вскрыты марксизмом. Вне этого вопрос о всеобщности диалектики природы, общества и мышления материалистически не может быть разрешен.

В связи с этим у Деборина имеется другая ошибка в критике Лукача, характерная для всякой его критики,— это игнорирование связи диалектики как теории с ее социальными корнями, с пролетариатом, его политикой, его борьбой. Идеализм Лукача не получил политической характеристики и разоблачения, кроме общей фразы о буржуазности вообще идеализма, потому что сама диалектика у Деборина не доведена до социальной базы, до пролетариата, хотя Деборин неоднократно говорил о революционности диалектики. Этим же об'ясняется неумение деборинской группы разоблачить до конца механистов. Механисты были разбиты партией в ее решениях, в выступлениях тов. Сталина против идеологии правых и «левых» оппортунистов. Здесь были вскрыты и методологические корни и социальная база механистов. Но революционное содержание диалектики, весь ее революционный смысл и в практике и в теории проявляется лишь тогда, когда она превращается в орудие классовой борьбы пролетариата. Диалектика как теория революционна, когда она является теоретическим отражением той ступени воздействия общества на природу и той ступени развития общественных противоречий, при которых возникает пролетариат. Диалектика как теория революционна, когда с ее помощью была выяснена историческая роль пролетариата и намечены реальные пути его победы и строительства нового общества, и именно социалистического общества, и когда она служит орудием в повседневной борьбе пролетариата за его окончательную победу.

Материалистическая диалектика есть исключительная принадлежность пролетариата. Вот почему буржуазия в лице лучших своих идеологов (Гегель) способна лишь на идеалистическую диалектику, которая требует революционности лишь в мысли и потому таит в себе глубоко консервативную с

рону, приводит к примирению с действительностью, а не к ее революционизированию.

«Мы видим, что решение теоретических противоположностей возможно только практическим путем, только благодаря практической энергии человека, и что поэтому решения их отнюдь не являются задачей только познания, а действительно жизненной задачей, которой философия не могла решить именно потому, что видела в ней только теоретическую задачу», — писал Маркс в «Подготовительных работах». Ни один из господствующих до пролетариата классов не видел в разрешении теоретических противоопложностей практической задачи, подобно тому, как практическое разрешение основной противоположности в действительной истории человека — частной собственности и труда — ни одним классом до пролетариата не ставилось в порядок дня. Это вовсе не значит, что теоретическая работа до Маркса не служила практическим задачам господствующих классов, а их практика не преследовала цели известного изменения действительности. Но подобно тому, как практическая революционность всех предшествующих классов ограничивалась узким классовым интересом и подымалась лишь до замены одной формы частной собственности другой, подобно этому практический смысл всех предшествующих философских теорий состоял в извращении общественных законов в интересах господствующих классов, в отрыве теории от практики, в возведении теоретической деятельности во всеобщий принцип всякой деятельности вообще.

Марксизм есть первая теория, в которой связь с практикой осуществляется не в извращенной форме, а непосредственно, прямо. Реальной основой этой действительной связи теории с практикой является революционная деятельность пролетариата, направленная на революционную переделку, исключительную по своей глубине и всеобщности, всех сторон общественной жизни, вплоть до организации и закрепления нового социалистического общества. Этот неограниченный размах практической революционности пролетариата является предпосылкой невиданного размаха теоретической мысли. Философия впервые становится положительной наукой, и ее предмет—не в извращении действительности, а в реальном ее познании. В лице пролетариата теория приобретает впервые реальную силу, лишь будучи орудием пролетариата теория становится действительностью. С другой стороны, лишь пролетариат способен обеспечить действительное развитие человеческой мысли. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так пролетариат в философии — свое духовное оружие» (Маркс).

Только с выступлением пролетариата массы приобщаются к теории, только с победой пролетариата массы овладевают ею. Только пролетариат пробивает брешь в уродливом разделении труда на физический и умственный, в этой неот'емлемой принадлежности всякого классового общества, и отчужденные раньше от масс теоретические свойства становятся действительными свойствами действительного человека. Борьба пролетариата против капитализма и процесс строительства социализма есть в то же время процесс борьбы с отчужденными формами теоретического мышления и процесс овладевания массами теорией, процесс становления масс теоретиками. Уже одно это количественное увеличение теоретически мыслящих людей неизмеримо увеличивает возможности теории.

Но дело не только в этом. Пролетариат ставит перед собой задачу изменения мира, революционной его перестройки и для осуществления этой задачи он несет в себе все об'ективные и суб'ективные возможности, — поэтому развитие революционной деятельности пролетариата выдвигает перед теорией принципиально новые вопросы и совершенно по-новому ставит их.

Пролетариат делает теорию достоянием масс и тем самым устанавливает новое отношение самой теории к действительности. «Оружие критики не может заменить, конечно, критики оружия, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [1]). Теория становится итогом опыта революционного движения, сама практическая деятельность становится непосредственно теоретической. «Чувства становятся непосредственно в своей практике теоретиками»,— говорит Маркс в «Подготовительных работах», характеризуя социалистическое общество. Опыт нашего социалистического строительства дает много материала для обобщения того нового отношения между теорией и практикой, которое несет нам с собой социалистическое общество. К сожалению, наша теория, руководимая на прошлом этапе философии Дебориным, не ставила перед собой этой задачи. В последующей части своей работы мы постараемся поставить этот вопрос.

* * *

Маркс очень рано связался с революционным движением пролетариата и очень рано в политике стал защитником его точки зрения. Так, уже в 1843 г., находясь в Париже, Маркс усердно посещает собрания немецких рабочих и изучает французское и немецкое рабочее движение. Так, в конце 1843 — 44 года Маркс писал в «Немецко-французских летописях»: «Возвещая разложение прежнего миропорядка, пролетариат высказывает лишь тайну своего собственного бытия, ибо он — фактическое разложение этого миропорядка. Требуя отрицания частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возвело в его принцип, что овеществлено в нем уже помимо его содействия, как отрицательный результат общества» [2]). Там же он говорил, что пролетариат есть сердце в предстоящей немцам эмансипации. В «Немецкой идеологии» (1845 г.) Маркс говорит уже о коммунизме, как о реальном движении, направленном против существующего порядка. Там же уже со всей резкостью поставлен вопрос о коммунистической революции и ее предпосылках. Маркс вплотную подходит к вопросу о диктатуре пролетариата.

Тем не менее своей окончательной зрелости марксизм достигает лишь накануне революции 1848 года, когда Маркс со всей точностью и определенностью сформулировал сущность диктатуры пролетариата и ее необходимость. Он сделал это в своих непосредственно предреволюционных работах — в «Нищете философии» и в «Коммунистическом манифесте».

Диктатура пролетариата — основное в марксизме. Это положение установил Маркс, выясняя свое отношение к буржуазным идеологам в области теории исторического процесса. Наличие классов и классовой борьбы признали и теоретически осветили буржуазные историки и экономисты. То, что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата и что сама эта диктатура есть лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов — это принадлежит целиком Марксу. Это положение со всей резкостью было подчеркнуто Лениным в «Государстве и революции». «Кто признает т о л ь к о борьбу классов, тот еще не марксист, тот еще может просто не выйти из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики». «Марксист лишь тот, кто р а с п р о с т р а н я е т признание борьбы классов до признания д и к т а т у р ы п р о л е т а р и а т а. В этом — самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать д е й с т в и т е л ь н о е понимание и признание марксизма». И, наконец, правильность этого положения подтвер-

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 406.
[2]) Там же, стр. 412.

ждена опытом борьбы нашей партии с правым и «левым» оппортунизмом, опытом, теоретически подытоженным в известном положении т. Сталина, что диктатура пролетариата есть основной вопрос ленинизма.

Опыт нашей революции, успехи социалистического строительства практически показали всемирно-историческое значение этого величайшего открытия Маркса. Путь к социализму лежит лишь через диктатуру пролетариата — это проверено и подтверждено практикой миллионных масс в нашей стране. Это теперь совершенно ясно. Здесь мы считаем необходимым остановиться на значении, которое имело открытие необходимости диктатуры пролетариата для развития материалистической теории познания.

Если для установления того, что капитализм неизбежно придет к гибели, что лишь развитие классовой борьбы пролетариата через его диктатуру приведет общество к социализму, Марксу необходим был метод революционной диалектики, то, с другой стороны, свою революционную зрелость материалистическая диалектика как теория познания приобрела лишь с открытием неизбежности пролетарской диктатуры. Исторически учение о диктатуре пролетариата явилось завершающим пунктом процесса формирования марксизма, за которым начиналось продолжающееся до наших дней его развитие, но это учение должно стать исходным пунктом в понимании всего марксизма и в частности его теории познания. Только с введением в учение Маркса идеи диктатуры пролетариата марксизм становится революционной теорией, способной дать пролетариату революционную перспективу, способной стать действительным орудием пролетариата в его классовой борьбе. Лишь опираясь на учение о необходимости диктатуры пролетариата, которое само явилось результатом анализа экономических законов капитализма, положения рабочего класса в нем и всей истории классовой борьбы, пролетариат получает твердую основу для последовательного применения материалистической диалектики как теории познания и для дальнейшего ее развития. Все политические или экономические события и отношения к ним различных классов, каждая ступень развития классовой борьбы, могут быть поняты во всей их всесторонности, конкретности, во всем их развитии лишь в связи с конечным пунктом, в связи с исходом классовой борьбы пролетариата, а именно — с завоеванием им диктатуры и уничтожением классов. Без этой революционной ориентировки на конечную цель движения не может быть революционной партии и действительно революционной борьбы рабочего класса; точно так же без этого условия не может быть ни понята, ни применена материалистическая диалектика, как теория познания. Вне этого не может быть революционного единства теории и практики.

Вся практическая и теоретическая работа Ленина, как организатора и непосредственного руководителя нашей партии в деле подготовки и проведения пролетарской революции, является образцом такой действительной связи теории и практики. Основой этого единства явилось руководство со стороны нашей партии революционной борьбой рабочего класса: борьбой, рассчитанной всегда и при всяких условиях, даже самых тяжелых, на подготовку сил и условий для решительной битвы, для социалистической революции. Только на этой основе диалектика как теория стала таким могущественным орудием в руках Ленина. Лишь на этой основе диалектика обеспечивала действительно всесторонний охват вопроса, вскрытие всех действительных противоречий классовой борьбы, их развитие, движение. Вся революционность категорий материалистической диалектики могла быть выявлена и доведена до конца только на почве революционной борьбы пролетариата. Этим объясняется вся глубина ленинского понимания материалистической диалектики, всесторонний охват ее и то дальнейшее развитие теории материалистической диалектики, которое было осуществлено Лениным.

И, наоборот, отход Плеханова от практики революционной борьбы пролетариата, отход, который к моменту непосредственного кануна пролетарской революции довел его до прямой измены делу рабочего класса, привел его к теоретической ревизии марксизма и к оппортунистическому извращению материалистической диалектики. Здесь нужно искать корень ошибок Плеханова даже в самых «тонких» вопросах философии. Учение о революционной борьбе пролетариата, о ее задачах и путях — это такая неотъемлемая составная часть марксизма, что всякое непонимание этого учения неизбежно отомстит за себя теоретику, который захотел бы остаться марксистом в экономической либо в философской области. Вся история политической измены вождей II Интернационала есть в то же время история идеалистического и механистического искажения материалистической диалектики и политической экономии Маркса. И, наконец, идеалистические извращения теории со стороны деборинской группы также коренятся в отрыве от революционной борьбы рабочего класса, а у некоторых из членов этой группы — в прямом отходе от генеральной линии партии.

Ленинский принцип партийности философии как раз и заключается в требовании, чтобы философия была связана с практикой революционной борьбы пролетариата, служила ее задачам, была бы действительным ее орудием. Вот почему отрыв теории от практики не есть просто непонимание партийности в философии, в науке, это — защита антипартийной философии, враждебной пролетариату. Тов. Сталин, называя деборинское извращение марксизма меньшевиствующим идеализмом, дал яркую характеристику политического смысла отрыва теории от практики. Философия, оторванная от практики революции, не просто удалена от нее, — она служит орудием враждебным классам в их политической борьбе против революции, против ее завоеваний, ее успехов. Опасность этого отрыва особенно велика в условиях жестокой классовой борьбы, которая происходит в нашей стране в связи с ликвидацией кулачества как класса. Нельзя было лучше выразить единства теоретического и политического смысла целого направления в ряде областей теории в период социалистического строительства (деборинщина в философии, рубинщина в политэкономии), чем это сделано в определении такого направления как меньшевиствующий идеализм. Это определение является действительным образцом революционного понимания и применения принципа единства теории и практики.

Принцип партийности философии был выдвинут Марксом еще в 1843 году. В письме к Руге Маркс говорил, что необходимо «связать нашу критику с критикой политики, с интересами определенной политической партии, а, стало быть, связать и отождествить нашу критику с действительной борьбой». Но революционное содержание в этот принцип партийности философии можно было вложить лишь тогда, когда стала ясной вся непримиримость классовых интересов пролетариата и буржуазии, когда стало ясно, что путь к окончательной победе пролетариата лежит через его диктатуру. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад, — говорил Ленин, — и потому совершенно еще недостаточно признать лишь партийность философии.

Задача заключается в том, чтобы всю теоретическую работу насытить революционным содержанием, чтобы сделать ее действительным спутником пролетариата в его повседневной борьбе за социализм. Задача заключается в том, чтобы помогать партии подытоживать опыт революционной борьбы масс и намечать перспективы; в том, чтобы помогать партии разоблачить теоретическую сущность и классовое лицо всякого оппортунизма; в том, наконец, чтобы вести повседневную непримиримую борьбу с идеологией буржуазии и доводить эту критику до обнаружения классовой сущности

сти буржуазии, и именно современной буржуазии, и именно в данной философии. Вне этих задач не может быть партийно-коммунистической, ленинской философии. Вне этого философия останется партийной, но ее партийность будет враждебна пролетариату.

Принцип коммунистической партийности философии и ее революционной действенности имеет свою логическую предпосылку в выводах Маркса относительно экономической природы капитализма, его об'ективных тенденций, места пролетариата в нем, свою действительную основу — в развитии основных противоречий капитализма и классовой борьбы пролетариата за диктатуру, за победу социализма. Вот почему Маркс уже в своих первоначальных работах принцип партийности философии выдвигал в связи с критикой экономической действительности капитализма и соответствующих ей отчужденных форм идеологии, в связи с развитием своих социально-политических взглядов, в связи с анализом основных черт соотношения теории и практики в будущем социалистическом обществе.

Таким образом, критика отчужденности экономических форм общества, на основе которых вырастает отчужденье всех сторон общественной жизни (государство, религия, нации) и в частности отчужденные формы мышления, нахождение реальных движущих сил, которые способны освободить общество от этого всеобщего отчуждения, опирающегося на экономическое угнетение одного класса другим, — научный анализ Маркса нашел эту силу в лице пролетариата, — и, наконец, выяснение необходимости диктатуры пролетариата для победы над старым обществом — все это необходимые предпосылки материалистической теории познания Маркса. Экономическое учение Маркса и его теория научного коммунизма, формулированная в «Коммунистическом манифесте», не являются лишь составными частями марксизма, и их отношение к философии марксизма не исчерпывается тем, что последняя дала им метод материалистической диалектики. Сама материалистическая диалектика как теория познания имеет свое обоснование в экономическом и социально-политическом учении Маркса. Диалектико-материалистическая теория познания невозможна, если она не опирается на революционную практику пролетариата. Значение практической деятельности в теории познания могло быть выяснено и рационально понято лишь в связи с выяснением значения революционно-критической деятельности пролетариата в современном обществе.

История возникновения марксизма, поскольку она находит свое отражение в первоначальных работах Маркса, со всей ясностью вскрывает эту связь развития теории познания Маркса с развитием его экономических и социально-политических взглядов. Процесс отхода Маркса от Фейербаха, процесс критического преодоления им последнего есть в то же время процесс осознания Марксом революционной роли пролетариата и все большего углубления непосредственных связей Маркса с практикой классовой борьбы пролетариата.

Антимарксизм Деборина в вопросах теории познания имеет свой источник именно в игнорировании этой социальной базы. Для Деборина марксистская теория познания есть сумма философских утверждений, которые лишь применяются в политической экономии, в других науках и в практике революционного движения. Если так, то понятно, что материалистическая диалектика Маркса есть синтез гегелевской диалектики и фейербаховского материализма. На самом же деле теория познания Маркса является выражением той ступени общественного развития, когда появляется пролетариат, и теоретическим обобщением того опыта, который человечество приобрело к этому моменту в деле борьбы с природой, в познании ее в процессе производства, а также в деле осмысливания отношений друг к другу—общест-

вещных отношений, — фетишизм которых теоретически ... путь практического уничтожения его мог быть найден лишь с ... летариата. Это есть центральное положение материалистической ... познания. Отказ от него не только закрывает всякий путь к ... лософии марксизма, но и является самой прямой дорогой в лагерь ... и политической измены делу рабочего класса.

Материалистическая диалектика как теория является философией ... летариата, его идеологией, и потому она — его методология. Эта ... является суб'ективным отражением об'ективного положения пролетариата в капиталистическом обществе, основных тенденций развития этого общества и его классовой борьбы, отражением общих законов движения и ... природы, общества и мышления, раскрытых в связи с развитием ... и его промышленности, в связи с изучением всей истории человеческой мысли,— и потому эта теория может служить могущественным орудием в руках пролетариата в его борьбе против капитализма, в его борьбе за ... лизм, за развитие техники, за развитие науки. Вот краеугольный ... в марксо-ленинском учении о единстве теории и практики.

Только исходя из этого принципа Маркс и мог создать действительно революционную теорию, которая стала знаменем борьбы мирового пролетариата. Исходя из этого принципа, Ленин мог развивать дальше и ... тельно двинул вперед эту теорию, подытожив в ней колоссальный ... шению новый опыт борьбы рабочего класса эпохи империализма и ... ских революций. Вот почему теория ленинизма явилась таким могучим ... дием в руках пролетариата, которое обеспечило победу пролетарской ... люции в России, — революции, являющейся прологом к мировой ... К разбору ленинского учения о значении практики в теории ... основе анализа отдельных этапов борьбы Ленина за революционную ... и анализа всего его философского наследства мы и переходим в ... статье.

К вопросу об „азиатском“ способе производства*).

Е. Иолк.

Для марксистов-ленинцев, работающих над вопросами колониальных ...ций, чрезвычайно важно выяснение специфических, своеобразных черт ...ического процесса на Востоке. Известно, какое внимание уделяли этой ...е Маркс и Энгельс, когда в связи с Тайпинской революцией в Китае ... называемым «сипайским» восстанием в Индии они вплотную занялись ...ом. Нет нужды также напоминать все, что сказано и написано по это... ...просу Лениным. С этой точки зрения надо приветствовать стремление ...товарищей дать марксистский анализ особенностей исторического раз... ...восточных стран в докапиталистическую эпоху. Это особенно важно, ... такие экскурсы в историю делаются в связи с рассмотрением нынешнего ...ственного строя стран Востока, как это мы находим, напр., в работах ...дьяра, представляющих в ряде вопросов весьма ценный вклад в марксист... изучение экономики колониальных стран, в особенности с.-х. Китая.

Но плохо, если эти хорошие устремления приводят к конструированию ... и к выводам, расходящимся с методологическими основами марксизма-...низма. Именно такого рода схемою является теория особого «азиатского» ...соба производства, развитая в некоторых работах тт. Мадьяра, Берина, ...а и др. [1]).

Недавно вышедшая специальная работа т. Мадьяра представляет собою ...йшую попытку обосновать правомерность трактовки «азиатского способа ...зводства» как особого, качественного отличного от феодализма и раб... способа производства. В этой работе автор с особой настой...стью подчеркивает правоту и марксистскую ортодоксальность своей точки ..., обвиняя всех инакомыслящих в эклектизме и искажении марксизма. ...у тем, как это мы ниже покажем, концепция особого «азиатского» спо... производства представляет собою по существу антимарксистскую систе..., как таковая,— может служить основанием для оппортунистических по...ческих выводов. Разоблачение ревизионистской сущности теории особой ...точной» общественно-экономической формации вследствие этого прио...ет сугубо **актуальное** значение для дела революционной борьбы в ...ах колониального Востока.

---

*) Печатается в порядке обсуждения. Ред.

[1]) Предисловие к книге М. Кокина и Г. Папаян. «Цзинтянь» аграр... строй древнего Китая, с предисловием Л. Мадьяра. Лен. Вост. И-т. Л. 1930 г. ...ной книге, представляющей собою блестящую иллюстрацию бесплодности ... «азиатского» способа производства в области об'яснения исторических ...ий, мы в этой статье не останавливаемся. Отсылаем интересующихся к нашей ...зии в журн. «Проблемы Китая» № 4 1930 г.

I.

Еще в 1928 году в своей известной работе по экономике сельского хозяйства в Китае [1]) т. Мадьяр выступил с утверждением, что «восточное» общество, т.-е. докапиталистический общественный строй стран Востока являет собою специфическую общественно-экономическую формацию, принципиально отличную от исторически существовавших в Европе докапиталистических классовых формаций—античного и феодального общества. Тысячелетний китайский исторический процесс развивался, согласно концепции т. Мадьяра, на основе закономерностей этой особой «восточной» общественно-экономической формации. Иностранный капитал, вторгшийся в Китай в XIX в., застал там не феодализм, но общественный строй, основанный на «азиатском» способе производства.

Из этой концепции тов. Мадьяра следовало, что в современном Китае основной силой туземной реакции являются не элементы феодализма, а пережитки «восточного» общества. Из теории особого «восточного» общества (хотел этого автор или нет) вытекали политически ошибочные выводы об отсутствии феодализма в Китае и т. д., на что неоднократно указывалось в последующих дискуссиях по данному предмету.

В 1930 году на конференции аграрников-марксистов, а также в последней работе т. Мадьяр под давлением критики внес в свою концепцию весьма существенную поправку, признав ошибочной свою характеристику общественного строя современного Китая и др. стран Востока как строя переходного от «азиатского» способа производства к капитализму. Вместе с тем т. Мадьяр продолжает настаивать на правильности своих взглядов по поводу существования особой «восточной» общественно-экономической формации вообще.

Свой тезис т. Мадьяр базирует на толковании некоторых классических высказываний Маркса и Энгельса, относящихся к характеристике особенностей общественного и политического строя в некоторых странах Востока. Тов. Мадьяр пытается суммировать эти отдельные замечания и формулировки основоположников марксизма и построить на их основе схему особой «восточной» общественно-экономической формации, не задаваясь при этом таким «пустяковым» вопросом, насколько результат этой конструкции действительно соответствует сущности марксистского учения об общественно-экономической формации. Однако, здесь этот весьма упрощенный метод построения новой общественно-экономической формации жестоко мстит за себя: ибо то, что тов. М. пытается представить как некую законченную систему, целиком вытекающую из взглядов Маркса и Энгельса, на самом деле оказывается в непримиримом противоречии с самыми элементарными основами марксистского понимания социально-экономической формации, класса, государства и т. д.

Рассмотрим, как определяет тов. М. сущность «восточной» общественно-экономической формации.

> «Итак, основное классовое деление восточного общества,—пишет т. Мадьяр,—происходит между основными крестьянскими массами, об'единенными в общинах, и между выделившимися из

[1]) Л. Мадьяр. Экономика сельского хозяйства Китая, НИИ по Китаю, М. 1928. Еще раньше, а именно в мае 1927 г. взгляд на общественный строй современного Китая, как на строй «азиатского» способа производства, был высказан Дж. Пеппером в статье «Европейско-американский империализм и кит. революция». («Правда», 1/V 1927 г.).

[2]) См. стр. XIX «Предисловия»; ср. также § 5 тезисов доклада т. М. «Общественные формации и аграрный вопрос» на вост. секции Конференции аграрников-марксистов при Комакадемии в 1930 г

бывшими слугами общины, конституировавшими себя, как господствующий класс. (Жрецы в Египте, литераты в древнем Китае и т. д.). Форма государства—деспотия. Частная собственность на землю отсутствует. Верховным собственником земли и воды—этих основных условий производства—является государство. Основной экономической формой эксплоатации является налог, который совпадает с рентой. Господствующий класс эксплоатирует общины, взимая прибавочный продукт в виде налога—ренты. Экономическая форма высасывания прибавочного продукта в виде налога, который совпадает с рентой, несомненно, сближает этот способ эксплоатации с феодальным. Отсутствие феодальной собственности и класса феодалов все же создает принципиальное различие между восточным и феодальным обществом»[1]).

В интересах большей ясности мы рядом с этой выдержкой сопоставим также более четкую формулировку т. Мадьяра о сущности «азиатского» способа производства, данной им в тезисах на конференции аграрников[2]), в пункте 8 упомянутых тезисов т. М. пишет:

«Если сопоставить высказывания Маркса и Энгельса, то характерными чертами этого способа производства (т.-е. азиатского.—*Е. И.*) являются следующие:

а) он возникает и развивается там, где искусственное орошение является первой предпосылкой земледелия,

б) возникновение классового общества связано с необходимостью организации искусственного орошения. Слуги общины — родовой ли, сельской ли или религиозной—выполнявшие функции организации орошения, в ходе развития конструируются в господствующий класс, который угнетает и эксплоатирует общину или род, высасывает прибавочный труд непосредственных производителей,

в) отсутствие частной собственности на землю является важнейшей характерной чертой азиатского способа производства. Государство здесь верховный собственник земли...

г) при азиатском способе производства государственной формой является восточная деспотия...».

Что здесь неверно?

В изложенной схеме, явно противоречащей марксизму-ленинизму, является та теория классообразования, которой пользуется т. Мадьяр. В особом «восточном» обществе, согласно т. Мадьяру, крестьянству противостоят в качестве господствующего и эксплоатирующего к л а с с а... жрецы, ученая бюрократия («литераты») и т. д. Господствующим к л а с с о м эти «бывшие слуги» общины, согласно тов. Мадьяру, становятся в силу своих ф у н к ц и й «организаторов» орошения. Само возникновение классового общества об'яснено «необходимостью организации искусственного орошения».

Таким образом, не о т н о ш е н и е к с р е д с т в а м п р о и з в о д с т в а, что является действительно основой классообразования, кладется тов. Мадьяром в основу определения класса, а организаторская функция. Совершенно очевидно, что это противоречит марксистско-ленинскому учению о классах.

При этом сторонники теории особой «восточной» общественно-экономической формации пытаются прикрыть богдановскую методологию в этом вопросе ссылками на Энгельса и Маркса. Приводя известное место из Анти-

[1]) Предисловие, стр. III.

[2]) См. лит. тезисы к докладу т. Мадьяра «Общественные формации и аграрный вопрос». Заметим, что от этих тезисов т. М. не отказался и, как видно из сопоставления, они по содержанию целиком совпадают с последней работой автора.

Дюринга, где Энгельс разбирает вопрос о разложении первобытной общины, о «зачаточной государственной власти» должностных лиц общины, превращающихся из слуг ее в господ — т. Мадьяр пишет: «мы видим, таким образом, как необходимость искусственного орошения выделяет из общины группу лиц, которые, выполняя общественные функции как слуги общины, снабжаются известными полномочиями и как эти слуги общины превращаются в господ общины, как они конструируют (?) себя по отношению к общине, как господствующий класс. Политическая власть из служанки превращается в госпожу. Тем самым бывшие слуги общины, ставшие господами общины станут (?) и эксплоататорами общины. В этом смысле говорит Маркс о господстве жрецов в Египте» (стр. 11, подчеркнуто нами.— *Е. И.*).

Нам кажется, что т. Мадьяр в приведенной им цитате из Анти-Дюринга слишком поспешно увидел, как слуги общины превращаются в господствующий класс! Энгельс в данном месте как раз не останавливается на том, как происходит этот процесс конституирования господствующего класса. «Нам нет надобности излагать здесь,—пишет Энгельс,—каким образом эта самостоятельность общественных должностей по отношению к обществу усилилась со временем до господства над ним, как слуги при благоприятных условиях постепенно превратился в господина» [1]... Вместо того, чтобы дать марксистский ответ на вопрос, каким образом конституируется господствующий класс в «восточном» обществе, т. Мадьяр спешит приписать Энгельсу свои собственные неверные взгляды на основу классообразования.

То же пытается т. Мадьяр сделать и с Марксом. Какой же иной смысл имеет ссылка на известное замечание Маркса, где, действительно, говорится о господстве касты жрецов-руководителей земледелия в Египте [2]? Тов. Мадьяру, очевидно, неведомо, что верхушка разлагающейся общины могла конституироваться в господствующий класс лишь на основе монополии на важнейшие условия производства, что общественные функции, и особенно сохранение их наследственными, как правило, могли быть монополизированы лишь экономически более сильными членами рода или общины. И жрецы могли выступать как господствующий класс, но только не на основе их организаторских функций, как это думает Богданов и вслед за ним сторонники теории «азиатского» способа производства, а на основе монополии на средства производства [3]).

Соскользнув с марксистских позиций по основному вопросу о классообразовании, тов. Мадьяр с неизбежностью приходит к теории надклассового государства. Восточная деспотия в изображении тов. Мадьяра есть государство, в котором господствующим «классом» являются «организаторы производства»— жречество, «литераты» (ученая бюрократия), «водная и строительная» бюрократия [4]), т. е. социальные категории, которые, как из-

---

[1]) Анти-Дюринг, цит. по Мадьяру, стр. 51 (подчеркнуто нами.— Е. И.).

[2]) Капитал, т. I, стр. 389.

[3]) Может быть следующая цитата поможет сторонникам особого «азиатского» способа производства разобраться в вопросе о классах:

«Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединить к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства, при чем безразлично, будет ли этот собственник афинский аристократ, этрусский теократ (жрец, которому принадлежит господство), римский гражданин, норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 166) (подчеркнуто нами.— Е. И.).

[4]) «Экономика сельского хозяйства», стр. 53—55.

стью, выполняли всегда определенные функции эксплоатации в интересах господствующего класса, которые, как мы уже выше указали, иногда могли выступать как господствующий класс, но исключительно в качестве собственников условий производства. Сами по себе, на основе своих организаторских общественных функций, они класса образовать не могут. Но в таком случае восточная деспотия, о которой говорит тов. Мадьяр, фактически является государством без господствующего класса.

Здесь тов. Мадьяр оказывается в непосредственном соседстве с самыми пошлыми теориями «надклассовой восточной деспотии», против которых он не справедливо ополчается [1]). Спрашивается, чем отличаются его взгляды на природу восточного государства от взглядов М. Вебера, Плеханова, Каутского и др.? Вероятно не случайно М. Вебер фигурирует в основной работе тов. Мадьяра в качестве авторитета по восточным делам и не случайно также тов. Мадьяр берет Вебера под свою защиту против т. Радека, критиковавшего в своей статье «Основные вопросы китайской истории» («Нов. Восток» № 16—17) историческую концепцию Вебера [2]). И не случайно также тов. Мадьяр в своем «предисловии» противопоставляет взгляды Каутского 1927 года на восточную деспотию—взглядам Каутского 80-х годов, заявляя, что Каутский 1927 г. «докатился до полного отрицания классовой борьбы в восточных обществах» (стр. VI, подчеркнуто нами.— *Е. И.*). Тов. Мадьяр должен ведь знать, что взгляды Каутского на восточное государство с 80-х годов не претерпели существенного изменения и что еще в 1884 г. Каутский считал восточную деспотию бесклассовым государством, а в 1887 г. об'яснял происхождение господствующего класса древне-азиатских деспотий, каковым у него выступает «аристократия»— указанием на выполнявшиеся этим «классом» общественные функции [3]).

II.

Каковы же действительные взгляды Маркса и Энгельса на восточную деспотию? Маркс в тех случаях, когда речь шла не о рабовладельческих деспотиях, рассматривал восточную деспотию, как специфическую политическую форму, основанием которой являлись феодальные производственные отношения. Это неопровержимо следует хотя бы из того факта, что налог, который в восточной (не рабовладельческой) деспотии есть форма выкачивания прибавочного труда, рассматривается Марксом как форма ренты (именно: феодальной ренты). «Если не частные земельные собственники»,—писал Маркс при анализе сущности феодальной ренты,—«а государство непосредственно противостоит им (непосредственным производителям. *Е. И.*), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты» [4]).

Рента-налог исторически выступает как простая превращенная форма феодальной земельной ренты. Здесь содержанием является то же отношение земельной ренты, выражающее эксплоатацию непосредственных производителей, владеющих своими собственными средствами производства— верховным номинальным земельным собственником. В азиатской деспотии

---

[1]) Предисловие, стр. LXVI.

[2]) «Экономика сельского хозяйства», стр. 55.

[3]) См рецензию К. Каутского на книгу А. Бебеля «Die mohammedanische Kulturperiode» в «Neue Zeit», 1884. S. 237; также ст. «Die moderne Nationalität, № 7 1887, S. 397. Интересно отметить, что, как откровенно признает сам Каутский, он в конце концов пришел к своей собственной «отличной от энгельсовой» теории государства, главным образом под влиянием, М. Вебера. См. Die Materialistische Geschichtsauffassung», Berlin, 1929, 2 Auflage, B. II. S. 90.

[4]) «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 267. Гиз, 1928 г.

в силу своеобразных специфических обстоятельств, подлежащих в каждом отдельном случае особому конкретному анализу, этим собственником выступает государство, как организация класса земельных собственников. Вследствие этой особенности меняется форма ренты, принимающая здесь вид налога.

В том, что мы здесь действительно имеем дело лишь с превращенной формой, нас убеждает еще ряд высказываний Маркса, который в анализе феодальной земельной ренты неоднократно указывает на «безличное» отношение данной формы (ренты налога) к содержанию (феодальным производственным отношениям) [1].

Феодальный характер восточной деспотии далее отчетливо подчеркнут в том месте «Капитала» (т. II, гл. IV), где Маркс останавливается на процессе поглощения кругооборотом промышленного капитала товаров, произведенных в самых различных некапиталистических условиях производства. Здесь наряду с производством, основанном на рабстве, общинным и мелкокрестьянским производством, Маркс упоминает и о государственном производстве, характеризуя его как производство, основанное на крепостной зависимости [2]).

И Ленин в полном согласии с Марксом определял классовую сущность азиатских деспотий, как государств, основанных на крепостничестве.

В 1911 г. в известной статье о Толстом Ленин писал, что толстовщина является идеологией «восточного строя, азиатского строя», что точка зрения Толстого «есть лишь идеологическое отражение старого («перевернувшегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов [3]).

Крепостническую царскую монархию Ленин сближал с «азиатскими государствами» также в статье о Сун-Ят-Сене (1912). Далее, с наибольшей резкостью, Ленин подчеркнул именно феодально-крепостнический строй восточных обществ в статье «К вопросу об аграрной политике современного правительства» (1913 г.), где, анализируя крепостнический характер современного русского помещичьего хозяйства, Ленин писал: ...«Это не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет! Это совсем не по-европейски. Это по-старо-китайски. Это по-турецки. Это по-крепостнический» [4]).

На II Конгрессе Коминтерна Ленин в докладе Комиссии по национальному и колониальному вопросам говорил также весьма определенно об угнетенных массах отсталых стран, эксплоатируемых «не только купеческим капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе» [5]).

---

[1]) «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 270—271 «Теории приб. стоимости», т. II, с. 310 и др.

[2]) «Являются ли товары продуктом производства, основанном на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общинного производства (Голл. Ост-Индия), государственного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречавшееся в ранние эпохи русской истории), или производство полудиких охотничьих народов и т. д.» («Капитал», т. II, стр. 64).

Мысль Маркса о русском государстве как классовом крепостническом государстве необходимо сопоставить с его же и Энгельсовой характеристикой русского государства, как государства типа восточной деспотии (К. Маркс, Письма к В. Засулич. Архив М. и Э., т. I, стр. 273; также Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 167, Гиз, 1928 г.). Здесь с полной ясностью обнаруживается, какая способу производства соответствовала с точки зрения М. и Э. политическая форма восточной деспотии.

[3]) Собр. соч. т. XV, 2-е изд., стр. 101.

[4]) Собр. соч., т. XVI, 2-е изд., стр. 459 (подчеркнуто Лениным.— Е. И.).

[5]) Собр. соч., 2-е изд., т. XXV, стр. 353. (Подчеркнуто нами.— Е. И.) (Ср. также характеристику Лениным крепостнического государства в «совершенно отсталых азиатских странах» в его лекции о государстве. («Правда» от 18/I 1929 г.)

Корень ошибок т. Мадьяра и всех других сторонников теории особой «восточной» общественно-экономической формации лежит в непонимании сущности ренты-налога. Товарищи не отдают себе отчета в том, что с точки зрения выяснения классовой природы данного общества безразлично, существует ли индивидуальная земельная собственность частных и номинально-самостоятельных по отношению к государству земельных собственников-помещиков («феодалов»), или мы имеем дело с концентрированной формой этой земельной собственности, формой, которая не меняет сущности определенных производственных отношений, выражением коих она является.

В восточных деспотиях [1]), где земельная собственность «концентрирована в национальном масштабе» (Маркс), эксплоатация непосредственных производителей осуществляется агентами государства через выжимание прибавочного труда в форме ренты-налога н а о с н о в е монопольной собственности государства на важнейшее условие производства — землю [2]) и, следовательно, в с и л у того, что указанные агенты государства выступают как представители этой монополии.

Если понимать под собственностью на землю определенные классовые отношения, то агенты государства в данном случае выступают как н о с и т е л и этого отношения и постольку они фактически являются собственниками данного условия производства. Эта земельная собственность сатрапа есть лишь п р о я в л е н и е его собственности на прибавочный труд земледельцев-производителей в пределах территории его непосредственного господства [3]).

Таким образом, сатрапы, мандарины и пр. не только выступают как п р е д с т а в и т е л и земельной собственности конституировавшегося в государство класса феодалов-крепостников, но они непосредственно и суть феодальные собственники, члены этого господствующего класса [4]).

Дело не меняется от того, что, как это было в Китае, сатрап назначался в качестве политического властелина и верховного сборщика ренты-налога области на ограниченный срок (во избежание самозакрепления мандарина в определенной области центральная государственная власть в Китае пыталась установить 3-летний срок службы в какой-либо одной провинции для губернаторов и т. п.). Непосредственным производителям любой провинции в каждый данный момент противостояла фигура эксплоататора-собственника их прибавочного труда и верховного собственника важнейшего условия производства—земли.

Последнее обстоятельство, именно тот факт, что сатрапы и проч. агенты государства олицетворяют лишь господство отчужденных условий производства над непосредственными производителями, остается скрытым, з а м а с к и р о в а н н ы м отношением непосредственного господства и подчи-

---

1) Мы рассматриваем здесь эту форму в чистом виде, допуская при этом: 1) что всевозможные «служилые» люди, номархи, сатрапы и пр. являются строго подчиняющимися центральной государственной власти фигурами и 2) что отсутствует всякая форма частной земельной собственности.

2) К сведению т. Мадьяра и др. товарищей, упорно выдвигающих «воду» в качестве особой экономической категории «восточного» общества: Маркс воду с экономической точки зрения всегда относил к земле. См. хотя бы «Капитал», т. I, стр. 120, т. III, стр. 125, 266.

3) Ср. формулировку Маркса, о земельной собственности, как лишь «акциденции» собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей при рабстве или крепостничестве,— К а п и т а л, т. III, ч. 2-я, стр. 140 (в русском переводе слово akzidens оригинала неточно переведено: «следствие»).

4) Этим, между прочим, об'ясняется легкость превращения сатрапов единой централизованной деспотии в самостоятельных феодалов-сеньоров классического европейского типа, процесс, который имел место почти во всех восточных деспотиях.

ения, отношениями между барщинно-оброчно-налого-обязанными производителями, с одной стороны, и государством, с другой.

Отрицать феодальный крепостнический характер эксплоатации в форме ренты-налога на том основании, что-де в восточной деспотии отсутствует «помещик-феодал», отсутствует частная феодальная собственность европейского типа,—значит принижать научное марксистское понимание феодализма, как определенного типа производственных отношений, до уровня тривиальных буржуазных представлений о феодализме как «децентрализованном» строе частных собственников-феодалов и проч., и проч.[1]).

Не видеть в лице восточных сатрапов, выколачивающих прибавочный продукт из «вверенных» им крестьян такими же методами и на тех же «основаниях», как это проделывают «классические» западные бароны и сеньоры,—фактических верховных собственников условий производства—это значит впадать в самый грубый фетишизм, значит, вместо общественного отношения, видеть в земельной собственности вещь, значит видеть в з е м л е или пр и р о д е источник земельной ренты.

Если же под феодальными производственными отношениями мы вслед за Марксом будем понимать непосредственные отношения господства—подчинения, выростающие из такого распределения средств производства, при котором на одной стороне стоят верховные номинальные собственники этих средств производства и на другой—масса непосредственных производителей, «владеющих» своими средствами производства, то мы бесспорно приходим к выводу, что отношения эксплоатации в восточной деспотии по с у щ е с т в у являются отношениями феодальной эксплоатации и что, следовательно, особую «восточную» общественно-экономическую формацию на факте государственной собственности на землю построить нельзя, не порывая с духом марксизма. Разумеется, это должно остаться книгой за семью печатями для тех, кто находится в плену буржуазных, чисто ф о р м а л ь н ы х определений феодализма и вынужден поэтому при встрече с новыми формами либо отказаться от об'яснения этих форм, либо прибегнуть для об'яснения к выдумыванию новых общественно-экономических формаций.

С еще меньшим основанием, чем факт государственной собственности на землю, может быть использована для конструкции нового способа производства ссылка на общину как на характерную для восточных деспотий форму организации непосредственных производителей.

Бесспорно, устойчивость натурально-хозяйственного общинного строя, локализованность многочисленных изолированных сельских общин, образующих базу восточного деспотизма и т. д., составляли, как на это неоднократно указывали Маркс и Энгельс, особую отличительную черту азиатских застойных форм феодализма. Однако Маркс и Энгельс никогда не пытались на этом основании говорить об особой «восточной» классовой формации. Наоборот, основоположники марксизма не раз подчеркивали при анализе феодальных производственных отношений относительно несущественное значение этой формы для выяснения о с н о в н о г о —характерной формы экс-

---

[1]) Для тех, кто, исходя из поверхностных (буржуазных узко-европейских) представлений о феодализме, пытается отрицать феодально-крепостнический характер восточной деспотии, следующая глубоко правильная мысль Энгельса должна быть признана сугубо «немарксистской»: «Несомненно,—писал Энгельс Марксу в 1882 г.,—крепостное отношение н е я в л я е т с я с п е ц и ф и ч е с к о й с р е д н е в е к о в о й ф о р м о й—мы встречаем его всюду, г д е з а в о е в а т е л и з а с т а в л я ю т с т а р ы х ж и т е л е й о б р а б а т ы в а т ь з е м л ю». (Письма, Сб. Адоратского, 3-е изд., стр. 312 (подчеркнуто нами.—Е. И.).

А известно ведь, что Маркс и Энгельс неоднократно говорили о великих деспотиях древней и средневековой Индии, Китая, и Ближнего Востока, как о деспотиях завоевателей («мусульманских», «монгольских» и т. д.).

плоатации, выростающей из вышеозначенного типа соединения рабочей силы и средств производства. В общине, согласно Марксу, не уничтожается та самостоятельность непосредственных производителей по отношению к номинальному землевладельцу, которая является основой феодального способа эксплоатации. С другой стороны, Маркс считал, что община (как коммунистическая, покоящаяся на кровном родстве, так и община «вторичной формации»—сельская) может служить также и формой, в которой совершается рабское закрепощение производителей в тех, очевидно, случаях, когда не только земля, но и остальные средства производства, а также и личность производителей аппроприировались господствующим классом [1]).

Возвращаясь к рассматриваемой концепции в целом и выясняя ее о б щ е - м е т о д о л о г и ч е с к и е погрешности, мы констатируем, что здесь пытаются возвести в степень особого нового содержания (новые производственные отношения «восточной» общественно-экономической формации) то, что представляет собою различие формы (рента-налог — форма феодальной ренты [2]).

Однако эта методологически неправомерная конструкция особой формации сейчас же обнаруживает свою несостоятельность: оказывается, что новая «восточная» общественно-экономическая формация не может быть представлена автором в сколько-нибудь с у щ е с т в е н н ы х признаках, обязательных для марксиста при характеристике всякой социально-экономической формации. Таким существенным признаком, как известно, является тип или способ соединения рабочей силы и средств производства, обратной стороной которого являются определенные, соответствующие данному способу соединения рабочей силы и средств производства, производственные отношения и классы. Ахиллесовой пятой конструкции т. Мадьяра является именно в о п р о с о к л а с с а х в этом «восточном» обществе, вопрос, на который ни один сторонник теории особого «азиатского» способа производства вразумительного ответа не дает и дать н е м о ж е т, не прибегая к сомнительному теоретическому арсеналу богдановской, веберианской и проч. методологии.

Декларативное признание т. Мадьяром основных положений Маркса, касающихся раскрытия «глубокой тайны, сокровенной основы всякого общества», и пространные цитаты из известных страниц «Капитала» не могут исправить той схемы общественно-экономической формации, которая обоснована м е х а н и с т и ч е с к и м и в н е ш н и м и, несущественными, не создающими нового к а ч е с т в а формации—определениями (вроде необходимости искусственного орошения, государственной собственности на землю, роли общины, деспотии, как политической формы и т. д.).

И тов. Дубровский, как это достаточно уже вскрыто в дискуссии, конструирует «новый» способ производства—«крепостнический»—путем возведения простой превращенной ф о р м ы — отработочной ренты—в новое с о д е р ж а н и е (новые «крепостнические» производственные отношения, качественно отличные от «феодальных»). Именно потому, что тов. Дубровский стоит на почве механистической методологии, он в своей критике теорий «азиатского» способа производства не может п р е о д о л е т ь концепцию т. Мадьяра и, несмотря на целый ряд отдельных правильных критических замечаний (по вопросам государственной собственности на землю, о классовом характере восточной деспотии, об искусственном орошении), тов. Дубровский все же не дает законченной и д е й с т в и т е л ь н о й критики ошибочных

[1]) К а п и т а л, т. III, ч. 2, стр. 266; т. II, стр. 469—70, также П и с ь м а к В. З а с у л и ч. Архив, I, стр. 255

[2]) Здесь товарищи совершают ошибку, однотипную с той, которую допустил т. С. Дубровский при конструкции им особой «крепостнической» общественно-экономической формации, качественно отличной от феодализма.

воззрений т. Мадьяра (см. его книгу «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, М. 1929 г.).

III.

В каком смысле Маркс и Энгельс говорили об «азиатском способе производства» и о «восточном обществе»?

Прежде всего необходимо внести ясность в формальную сторону вопроса именно потому, что она, собственно говоря, и служит главной опорой сторонников теории особого «азиатского» способа производства. В дискуссиях исходным пунктом и обыкновенно также последним аргументом при защите правомерности конструкции особой «восточной» общественно-экономической формации—всегда являлась ссылка на то, что Маркс-де в одном из ответственнейших документов, а именно, в известном «Предисловии» к «К критике», именно там, где им формулированы основы материалистического понимания истории, с неоспоримой ясностью говорит об особом азиатском способе производства.

Мы не согласны в данном случае с теми, кто пытается марксово высказывание в «Предисловии», как якобы противоречащее экономическому анализу азиатских форм феодализма, данного Марксом позже—об'яснить влиянием Гегелевской схемы, недостаточным уровнем современной конкретно-исторической науки о Востоке и т. д. Вряд ли, кажется нам, в таком глубоком по содержанию и отточенном по форме произведении, как «Предисловие», Маркс допустил бы в 1859 г. и оставил бы неисправленным в последующем какие-либо случайные, ошибочные формулировки.

И вместе с тем никакого противоречия между сущностью марксовых взглядов и упомянутой формулировкой нет. Дело в том, что Маркс и Энгельс ни в данном месте, ни в каком-либо другом произведении не говорят об азиатском способе производства как о специфической общественно-экономической формации, со специфическим, только ей присущим способом эксплоатации и классами, со специфической, только ей имманентной закономерностью.

Там, где Маркс и Энгельс говорят об «азиатских формах», о «восточных» особенностях и т. д., речь идет либо 1) о древне-азиатской эпохе развития человеческой истории, либо—2) о своеобразных модификациях феодальных отношений в некоторых странах эпохи европейского средневековья или современной Марксу эпохи. (При этом своеобразия, как, например, централизованная деспотия и государственная собственность на землю, община и т. д. рассматривались как пережитки древне-азиатской эпохи, сохранившиеся вследствие застойного темпа развития).

В частности известное место в «Предисловии» (как и упоминание о «восточном обществе» на последних страницах «Введения к критике») несомненно трактует именно о древне-азиатской эпохе всемирно-исторического развития, как о первой ступени антагонистического общества, которое в отдельных странах (или в различные периоды в одной стране) базировалось на крепостническом (феодальном) или рабском способах производства. «В общих чертах,—пишет там Маркс,—азиатские, античные, феодальные и современно-буржуазные способы производства могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи экономической формации общества» [1]).

---

[1]) Сторонники «азиатского» способа производства исходят из неправильного русского перевода «Предисловия», преподносящего нам вместо «азиатские и т. д. способы производства»—«азиатский способ производства». Неточность перевода выясняется при сличении с оригинальным текстом: «In grossen Umrissen können asiatische, antike, feodale und moderne bürgerliche Produktionsweisen als progres-

Формулировка Маркса: «азиатские, античные и т. д. способы производ-тва, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества» вы-игает вопрос о том, в каком значении в данном случае Маркс пользуется ким термином «способ производства»: в широком ли смысле слова, имея виду определенную общественную форму производства, историческую клас-овую структуру общества, или в более узком смысле часто встречающегося Маркса понимания способа производства как общественно-технического особа труда (ср. в «Капитале»: мелко-крестьянский способ производства, рупно-машинный, мануфактурный способ производства и т. д.).

Рассмотрение аналогичных формулировок в некоторых других работах аркса и Энгельса, имеющих непосредственную историческую и логическую язь с «Предисловием», убеждает нас в том, что в данном случае мы имеем ло с последней трактовкой. Так, в ближайшем по времени написания про-зведении—в фрагменте Введения к критике (1857 г.) термин «способ произ-одства» там, где он встречается, употреблен именно в значении непосред-твенного способа труда [1]). Вопрос о том, какие способы производства (в ком значении термина) Маркс относил к отдельным перечисленным про-рессивным эпохам антагонистического общества, должен быть специально ссмотрен. В связи с нашей темой нам важно лишь подчеркнуть, во-пер-ых [2]), что данная формулировка кладет конец легенде о том, что Маркс

е Epochen der ökonomischen Gesellschaftsformation bezeichnet werden». См. Marx. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Herausg. von K. Kautsky. Ber-, 1924. S. LVI.

Французский перевод Лауры Лафарг (с 2-го немецк. издания) наглядно зывает неправильность обычного русского перевода: «Esquisses à grands les modes de production asiatiques, antiques, féodaux et bourgeois modernes vent être désignés comme autant d'époques progressives de la formation sociale omique». См. «Contribution à la critique de l'économie politique» par Karl arx, traduit sur la 2-e edition allemande de K. Kautsky par Laura Lafargue. Paris, Giard, 1928. P. 7.

Грамматически совершенно точно, но с заменой термина «способа производ-ва» термином «производственные порядки», Ленин перевел указанное место сле-ющим образом:

«Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие буржуазные производственные порядки» могут быть рассматри-ваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций обще-ства. («Что такое друзья народа», т. I, изд. 2-е, стр. 60).

В полном соответствии с данным нами переводом находится и вторая (из двух нственных в сочинении Маркса и Энгельса, непосредственно трактующих об атском способе производства» формулировок) фраза Маркса в «Капитале» I, стр. 37).

«При древне-азиатских, античных и т. д. способах производства превращение одукта в товар...» и т. д.

Очевидно, по недосмотру неправильный русский перевод в указанном месте редисловия» оставлен и в последнем издании «К критике» (перевод Рубина) под акцией Д. Рязанова, И-т М. и Э., М. Гиз., 1930 г.

[1]) К. Маркс. К критике полит. экономии, ГИЗ Укр., 1923 г. См. «скотовод-о» как способ производства у монголов (стр. 23); «земледелие, при помощи кре-стных» у германских варваров (стр. 14); там же говорится о способе производ-а «пастушеских народов» и о мелком сельском хозяйстве дореволюционной анции, как о способе производства, противоречащем крупной земельной соб-енности.

[2]) Ряд высказываний и замечаний Маркса, гл. обр. в «Капитале» и в «Тео-ях», позволяют предположить, что к азиатским способам производства Маркс ротно относил «Общинное производство» и «мелко-крестьянский способ произ-водства»; к античным—«производство, основанное на рабском труде» и «свободное ко-крестьянское производство»; к феодальным—«мелко-крестьянский способ изводства» и «ремесленный способ производства»; к буржуазным—«мануфак-ный способ производства» и «крупно-машинный способ производства». Кстати ти, что о «буржуазных способах производства» Маркс говорит также в «Ком. нифесте» (Собр. соч., т. V, стр. 487) и о «капиталистических способах производ-а» в «Капитале», т. III, ч. 2-я, стр. 124.

в «Предисловии» и еще где-либо говорил о каком-то о д н о м отредел н о м «а з и а т с к о м» с п о с о б е п р о и з в о д с т в а, как некой ... ческой классовой структуре. во-вторых, что данная формулировка ... ответственном произведении Маркса не расходится с рядом других ... ваний Маркса и Энгельса, не с в я з ы в а в ш и х первую антагонистич... («азиатскую») эпоху человеческой истории с каким-нибудь о д н и м ... н е с к и м д л я н е е «азиатским» с п о с о б о м п р о и з в о д с т в а ... ветствующими «азиатским» способом эксплоатации и «азиатским» ... а допускавшим для этой эпохи на основании известной им ... рической литературы о Востоке в одинаковой мере и рабский и феод... крепостнический способы производства.

Что в основании древних восточных деспотий (в случаях эксплоа... производителей через форму ренты-налога), согласно Марксу, лежат ... д а л ь н ы е производственные отношения, было показано выше.

Вместе с тем известны высказывания Энгельса (в «Анти-Дюринге» ... полном согласии с Марксом) и Ленина о том, что именно первой ... стической формой общества было общество, построенное н а р а б ... т р у д е [1]). Ограничиваемся здесь приведением следующей мысли Э... (1887 г.):

«В а з и а т с к о й и классической д р е в н о с т и, — писал Энгельс ... п р е о б л а д а ю щ е й формой классового угнетения было р а б с т в о ... не столько экспроприация земли у масс, сколько апроприация их ... стей» [2]).

Взгляд Маркса на характер производственных отношений и ... эксплоатации, господствовавшие в Азии на первой ступени антагони... ского общества, с особенной ясностью выражен в «Теориях» ... Р. Джонсе. «Рента, — пишет Маркс, — исторически (т а к ж е у а з и а т... н а р о д о в н а в ы с ш е й с т у п е н и р а з в и т и я) является общей ... прибавочного труда, безвозмездно выполняемого труда. Здесь при... этого прибавочного труда происходит не посредством обмена, как у ... талиста, — основой его служит насильственное господство одной части ... ства над другой, следовательно прямое р а б с т в о, к р е п о с т н и ч е... или п о л и т и ч е с к о е о т н о ш е н и е зависимости». (Теории приба... стоимости, т. III, стр. 319, подчеркнуто нами. — *Е. И.*). Азиатские ... «на высшей ступени развития», т.-е. на ступени классового общества ... ким образом, по мнению Маркса, не являлись носителями каких-то ... азиатских производственных отношений, а у них т а к ж е господ... те способы эксплоатации, какие знали народы европейского ... в соответствующие исторические эпохи.

Маркс, Энгельс и Ленин не находили в истории существования ... пор обществ «азиатского» способа производства, а говорили только ... стве и феодализме (крепостничестве) как о классовых докапиталистич... способах производства [4]).

---

[1]) «Анти-Дюринг», стр. 167—8, Ленин. «Лекция о государстве» ... статьи и письма», вып. I, стр. 95, 97, 100.

[2]) «Положение рабочего класса в Англии» изд. 1928 г., стр. 48, преди... к американск. изд. (подчеркнуто нами. — Е. И.).

[3]) Здесь Маркс имеет в виду именно азиатское к л а с с о в о е об... в отличие от низшей ступени, где «азиатская община» рассматривается ... как синоним «первобытного коммунизма» — ср. в той же главе о ... лировку Маркса «азиатская община» («первобытный коммунизм», стр. ...

[4]) «Ком. Манифест», Ленин — «Лекция о государстве», в статье ... партийной программы», и др. Особенно хорошо сказано об этом у ... в след. отрывке: «Классовый антагонизм, лежащий в основании ... с у щ е с т в о в а в ш и х о б щ е с т в вызывал необходимость государ...

Вместе с тем то, что Маркс в своей схеме поступенного развития всемирной истории выделил азиатскую эпоху (или «восточное общество») как особую ступень развития, имело определенный смысл и до сих пор не утратило своего значения. Речь идет об эпохе, когда человечеству, как пишет Энгельс, «требовались варварские, почти зверские средства, чтобы выйти из варварского состояния». Эта первая прогрессивная полоса антагонистического общества не знала своего особого способа эксплоатации, а как бы предвосхищала в самых примитивных и грубых формах два исторически последующих докапиталистических способа эксплоатации — в одних случаях рабство, в других — крепостничество (феодальную зависимость). При этом отношение неприкрытого насильственного господства одной части общества над другой и присвоение на этой основе прибавочного труда производителей могло в некоторых случаях достигнуть такой степени напряжения, что это отношение не только выступало в форме собственности господствующего класса на часть или все средства производства, но могло одновременно выступать в форме неограниченной собственности на личность производителя. Отношения крепостничества сближались или совпадали с рабством.

В ряде случаев (как это было, например, в Индии) непосредственные производители продолжают вести свое хозяйство, будучи об'единены в своих древних общинах, этих первобытных коммунистических организациях, сохранившихся в виде «обломка» архаической формации в условиях общества «вторичного образования» т. е. обществ «покоящихся на рабстве и крепостничестве» (Маркс). Здесь непосредственные производители оказываются в коллективных формах крепостной или рабской зависимости по отношению к господствующему классу, организованному в государство, что, разумеется, не меняет самого характера эксплоатации и соответствующего способа производства.

На основе и в интересах грабежа непосредственных производителей (грабежа внутреннего и внешнего) и вырастают древние централизованные деспотии — государства господствующих классов крепостников-феодалов и рабовладельцев. Во всех случаях необходимость держать в повиновении эксплоатируемые массы производителей, необходимость подавления периодически вспыхивавших крестьянских войн и восстаний рабов гигантского размаха и в некоторых случаях, сверх этого, необходимость регулирования сил природы в крупных масштабах и т. п. — определяли политическую форму централизованной деспотии. Благодаря своеобразию географических условий, исторических влияний и пр. в определенные исторические периоды в определенных странах (не на всем востоке и не во всей Азии, конечно, и не только в Азии) устанавливался общественный строй весьма отличавшийся своей политической, правовой и идеологической надстройкой от так наз. «классических», античного и феодального, обществ, но имевший общий с этими обществами экономический базис — тождественные в основном производственные отношения, хотя и в значительно менее развитой, менее сложной и «зрелой» форме.

Здесь мы имеем дело с явлениями, о которых Маркс говорил следующим образом: «... один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влиянием и т. д. может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, кото-

организации данного класса эксплоататоров, для охранения общих условий производства, следовательно и для насильственного удержания эксплоатируемого класса в той ступени подчинения, которая требовалась данным способом производства (в рабстве, крепостном состоянии или положении наемных рабочих)» — «Анти-Дюринг», стр. 265 (подчеркнуто нами.—Е. И.).

рые возможно понять лишь при помощи анализа этих [illegible] ных обстоятельств»[1]).

Те, кто конструирует новый, мнимый экономический [illegible] «восточную» общественно-экономическую формацию с «новыми» [illegible] ственными отношениями — с самого начала закрывают себе путь [illegible] манию действительного многообразия и богатства форм, которые [illegible] история человечества.

В свете изложенного совершенно неосновательным оказывается [illegible] один довод т. Мадьяра, который он считает «решающим» (стр. XXX), именно: тот факт, что «Маркс,— как пишет т. Мадьяр,— при [illegible] почти всех экономических категорий капиталистического общества [illegible] ставит вопрос о роли и значении этих категорий при других общественных формациях, и в особенности при азиатском способе производства» (стр. XXX, подчеркнуто нами.— *Е. И.*). Верно, что [illegible] часто затрагивает в порядке противопоставления вопрос о значении [illegible] рий буржуазного способа производства при докапиталистических общественных формациях. Верно также, что при этом Маркс иногда упоминает [illegible] азиатских формах тех или иных категорий в ряду прочих докапиталистических форм. Однако совершенно неверно утверждение, что Маркс «в особенности» выделяет вопрос о значении соответствующих категорий [illegible] «азиатском способе производства». Это не могло иметь [illegible] так как Маркс никогда и нигде не говорил о каком-либо специфическом [illegible] бом «азиатском» способе производства. Это и фактически не [illegible] места. Т. Мадьяр в своем «предисловии» добросовестно собрал почти [illegible] таты из «Капитала», где Маркс касается так или иначе Азии и Востока. [illegible] в приведенных т. Мадьяром выдержках говорится, например, о ростовщичестве при «азиатских формах» (стр. XXXIV) о роли кооперации при создании [illegible] гантских сооружений «древними аиатскими народами» (стр. XXXI), [illegible] мах земельной собственности в Азии (стр. XXXV) и т. п. Но нигде, ни в [illegible] веденных тов. Мадьяром местах, ни в тех текстах, которые им не [illegible] Маркс при рассмотрении различных категорий не дает повода понимать [illegible] ченные формы тех или иных категорий как некие присущие особому [illegible] собу производства формы.

Если даже те цитаты, в которых так или иначе затрагивается [illegible] об азиатских формах не могут подтвердить «решающий» довод сторонников «азиатского» способа производства, то что сказать о тех многочисленных и пространных цитатах, которые ровно никакого отношения к вопросу [illegible] имеют и которые приведены автором, очевидно, только потому, что [illegible] говорится о «прежних способах производства», или просто потому, что [illegible] упоминается слово «Азия» или производное от него?[2]).

Поистине, здесь можно с Гёте сказать:

> «Словами диспуты ведутся,
> «Из слов системы создаются».

IV.

Весьма интересно проследить насколько рассматриваемая [illegible] т. Мадьяра находится под непосредственным влиянием некоторых [illegible]

---

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 267 (подчеркнуто нами.— *Е. И.*).

[2]) См. напр., цитату на стр. XXXII, где говорится только о том, что [illegible] различных общественно-экономических формациях имеет место не только [illegible] воспроизводство»... и т. д. Или на стр. XXIII, где в цитате, касающейся [illegible] о сравнении издержек производства с ценой производства, сказано [illegible] риоды такое сравнение выпадает на долю купцов» и т. д. См. также [illegible] стр. XXXVIII и др.

взглядов Г. В. Плеханова [1]). Можно сказать, что вся теория «восточного» общества стоит под наком отрицательных сторон плехановского наследства. Из'янов плехановской методологии, например, тов. Мадьяр не видит и общетеоретическую систему взглядов Плеханова считает безукоризненной [2]).

По поводу Плеханова тов. Мадьяр утверждает, что «Плеханов целиком воспринял Марксово учение об общественных формациях» [3]).

Верно ли это? Не согласится ли тов. Мадьяр с нами, что давать подобную оценку Плеханову можно только забыв о том, что сущностью марксова учения об общественных формациях является учение о революции. Говорить об авторе «Истории русской общественной мысли», о теоретике меньшевизма и социал-шовинизма, что он «целиком воспринял учение Маркса об общественно-экономических формациях», можно только отрывая метафизически теорию от практики, полагая, что возможно теоретически стоять на правильных позициях, а в политике быть оппортунистом. Наконец, не обязывали ли также т. Мадьяра известные ленинские характеристики Плеханова, как диалектика [4]) к максимально настороженному отношению к плехановским высказываниям?

О том, что вышеприведенной оценкой тов. Мадьяра мы имеем дело не просто с неудачной формулировкой, свидетельствует дальнейший текст, где он целиком солидаризируется с рядом на наш взгляд неправильных положений Плеханова. Так, например, он считает, что «Плеханов внес в учение Маркса **весьма ценное уточнение** в смысле правильного толкования прогрессивности эпох экономического формирования общества» [5]). Речь идет о тех страницах «Основных вопросов марксизма», где Плеханов, касаясь вопроса об «азиатском способе производства», указывает, что Маркс ошибался, рассматривая азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства как последовательные эпохи экономического формирования общества. Плеханов считает, что эпоха восточного общества и эпоха античного представляют собою не последовательные ступени развития, а что мы имеем дело с двумя **сосуществующими** типами развития, возникающими из одного и того же источника (в результате разложения родовой общины).

Ясно, что Плеханов здесь зря поправляет Маркса. Маркс, рассматривая упомянутые четыре эпохи, несомненно считал их исторически последовательными и одновременно прогрессивными ступенями развития человеческого общества. Эпоху, которую Маркс здесь называет эпохой «азиатских способов производства» и исторически действительно была первой ступенью классового общества. В свете данных археологической науки, добытых после 1859 года, общая схема поступенного развития конкретной человеческой истории, данная Марксом и Гегелем, в основном представляется правильной.

Надо лишь иметь в виду, что речь идет об **общей** линии развития человеческой истории, которую, разумеется, надо понимать как линию

---

[1]) В литературе и происходивших дискуссиях это обстоятельство уже отмечалось.

[2]) Тов. Мадьяр ограничивается тем, что обращает внимание читателя лишь на то, что Плеханов допустил грубую ошибку, считая что в допетровской России существовал «азиатский» способ производства. См. «Предисловие», стр. LVII.

[3]) «Предисловие», стр. LVI. Мы подчеркиваем, что данная формулировка ни в предшествующем ни в последующем тексте не сопровождается никакими оговорками.

[4]) См. гл. обр. замечания Ленина в его философских тетрадях. Кстати отметим, что в нашей литературе лишь за последнее время стали указывать на необходимость критического пересмотра ряда плехановских положений. См. ст. Ю. Милина в «Правде» в сент. 1930 г.

[5]) «Предисловие», стр. LVI (подчеркнуто нами.—Е. И.).

скачкообразного развития, складывающуюся из множества отдельных [illegible] ний, зачастую обратно направленных, но образующих в целом [illegible] прогрессивного — в смысле под'ема общего уровня производительных [illegible] развития человечества. Этой общей линии отнюдь не противоречит [illegible] можность для отдельных народов миновать ту или иную ступень [illegible] вития или оборвать свое развитие на какой-либо достигнутой ступени [illegible] ханов же, вводя свою поправку к марксовой схеме, очевидно, [illegible] Марксу мысль о том, что данные эпохи экономического формирования [illegible] щества суть обязательные, последовательные для всех народов ступени [illegible] вития. Но тем самым Плеханов обнаруживает лишь непонимание [illegible] ческого хода развития человеческой истории, знавшей в прошлом и [illegible] крывающей в настоящем пути минования той или иной ступени [illegible] тия отдельными народами. «Исправляя» мнимую ошибку Маркса, пытаясь об'яснить необязательность прохождения отдельными народами [illegible] «азиатской» и античной — Плеханов исходит не из допущения [illegible] можностей минования для отдельных народов какой-либо [illegible] ранних стадий развития на основе признания исторической необходимости последовательного развития этих стадий во всемирно-историческом [illegible] штабе, но сводит весь вопрос к «сосуществующим типам», возникающим [illegible] непосредственным воздействием географического фактора. [illegible] «понимание» Маркса, кстати, целиком увязывается с меньшевистской [illegible] цанием марксистско-ленинского учения о возможности минования [illegible] стического пути развития отсталыми странами в эпоху пролетарской [illegible] люции.

Напрасно тов. Мадьяр поспешил согласиться с этим «уточнением» Маркса Плехановым!

Тов. Мадьяр считает «совершенно правильным» также [illegible] Плехановым условий образования античного и «азиатского» «[illegible] вой классовой формации. Между тем на наш взгляд в этом [illegible] Плеханов механистически выдвигает географическую среду, как фактор, [illegible] посредственно определяющий производственные отношения [illegible] ского общества. «Если эти два типа («восточное» и античное общество. *Е. И.*), — пишет Плеханов, — весьма значительно отличаются один от [illegible] гого, то их главные отличительные черты сложились под влиянием географической среды, в одном случае предписывавшей [illegible] ству, достигшему известной ступени роста производительных сил, [illegible] совокупность производственных отношений, а в другом — другую, [illegible] отличную от первой» [1]). Мы видим, что, согласно Плеханову, [illegible] ческая среда «предписывает» обществу определенные производственные [illegible] ношения [2]). Разумеется, это — упрощенная, вульгарно-материалистическая установка, которая не является случайной для Плеханова. И в других [illegible] тах Плеханова мы наталкиваемся на аналогичные случаи механистического подхода к вопросу о соотношении географической среды и общества.

Правда, сам Плеханов неоднократно предостерегает от [illegible] материалистической трактовки этой весьма сложной проблемы. [illegible] не устает повторять, что географическая среда воздействует на [illegible] опосредствованным образом, через экономику и т. д. Но это обстоятельство отнюдь не уберегло Плеханова от соскальзывания со строго [illegible]

---

[1]) «Основные вопросы марксизма», цитировано по Л. Мадьяру. «Мы [illegible] это замечание совершенно правильным» — добавляет от себя т. Мадьяр к [illegible] кому отрывку. «Предисловие», стр. LVII (подчеркнуто Плехановым).

[2]) Тезис тов. Мадьяра о том, что «азиатский» способ производства [illegible] кает и развивается там, где искусственное орошение является первой [illegible] кой земледелия» (см. выше), целиком совпадает с ошибочной плехановской [illegible] новкой.

позиций в этом вопросе как в обще-теоретических формулировках (укажем здесь на известный неверный тезис: «развитие производительных сил определяется свойствами географической среды» в «Основных вопросах марксизма»), так и, в особенности, при анализе конкретных исторических явлений. Как пример укажем на об'яснение Плехановым процесса закрепощения крестьянства в северо-восточной Руси непосредственным географическим фактором [1]). Относительное своеобразие русского исторического процесса Плеханов также об'ясняет непосредственно своеобразием географической среды [2]).

Плехановская концепция «азиатского способа производства» и характеристика им восточной деспотии как надклассового государства, вполне гармонирует в своих методологических основах с вышеотмеченной механистической трактовкой роли географической среды. Теснейшая связь концепции особой «восточной» формации с этими теоретическими ошибками Плеханова очевидна.

Не нуждается в особом доказательстве тезис, что всякая ложная, от марксизма уклоняющаяся теория чревата политически ошибочными стратегическими и тактическими установками. Теоретически неверная концепция «азиатского» способа проиводства и азиатской деспотии, развернутая Плехановым, находилась в полном соответствии с его характеристикой русского самодержавия, как надклассовой государственной власти. Эта же концепция несомненно образовала «теоретическую» почву для меньшевистско-троцкистского игнорирования революционной роли крестьянства, равным образом как она служила теоретическим обоснованием социал-оборонческой позиции меньшевизма. Нет также никаких сомнений, что взгляды Троцкого на особенности русского исторического процесса и его концепция русского самодержавия, как государства, приближающегося по своему характеру к якобы надклассовым восточным деспотиям,— полностью гармонирует с «перманентной» «лево»-оппортунистов.

V

Какова же связь ныне реставрированной плехановской концепции «азиатского способа производства» с актуальными политическими проблемами великих колониальных революций на востоке?

Тов. Мадьяр поступил совершенно правильно, признав в данной своей работе ошибочным свое первоначальное (1928 г.) утверждение о господстве пережитков «азиатского» способа производства в современных странах Востока. Но тов. Мадьяр лишь «отодвинул» «азиатский» способ производства в более отдаленное прошлое, не отказавшись от этой теории по существу.

Можно было априорно предположить, что без подлинного отказа от этой теории по существу неизбежно окажутся возможными рецидивы неправильных политических выводов, касающихся современности. Так оно и произошло на деле.

В том же «Предисловии», где тов. Мадьяр на стр. LXIX «в порядке самокритики» признает ошибочным свой тезис о крупной роли пережитков «азиатского» способа производства в странах современного Востока,— на

[1]) «История русской общественной мысли», т. I, стр. 62, М. 1918.

[2]) См. «Относительное своеобразие русского исторического процесса в самом деле об'ясняется относительным своеобразием той географической среды, в которой пришлось жить и действовать русскому народу». (Там же, стр. 98).

следующей же странице он снова допускает ту же ошибку. Здесь, на примере современного Китая тов. Мадьяр пытается доказать, что на Востоке сейчас имеют огромное значение пережитки «восточного» общества:

«Было бы неверно — пишет он — и не соответствовало бы действительному положению вещей, если бы мы искали в общественном строе стран вообще, и в аграрном строе в частности, только остатки и пережитки феодального способа эксплоатации и мобилизовали бы рабочие и крестьянские массы только против них. На довольно больших территориях Китая помещичья собственность играет сравнительно подчиненную роль (Хубей, Шанси, некоторые части Шаньдуна, Гуанси, Шэньси и даже Хунань). На этих территориях прибавочный продукт выжимается из крестьян в виде ренты-налога. И даже на тех территориях Китая, где преобладает помещичья собственность, эксплоатация крестьянства путем выкачивания ренты-налога играет большую роль. Не случайно, что удары крестьянского движения в Китае направлены против арендной платы, налога и ростовщического процента. Не случайно, что крестьянское движение в Китае выдвинуло лозунг: «Долой помещиков и джентри». А об'яснить джентри, как особую категорию, никак нельзя без правильного понимания Марксом учения о восточном обществе» [1]).

Итак, в чем видит в Китае тов. Мадьяр эти пережитки «восточного» общества, принципиально отличного, согласно его взглядам, от феодального общества? В китайском милитаризме и в фигуре джентри. Утверждение, что китайский милитаризм, чиновничество и джентри не есть явление феодального порядка,— увы! — неоригинально и, как известно, коренным образом расходится как с существом дела, так и с соответствующими, весьма недвусмысленными оценками Коминтерна и ВКП(б) [2]).

Тов. Мадьяр, не понимая экономической сущности докапиталистической ренты-налога — этой превращенной формы феодальной ренты — естественно вынужден отрицать феодальную сущность эксплоатации китайского крестьянства со стороны милитаристов, чиновничества и джентри. По его представлениям, подчиненная роль помещичьей собственности в сев. Китае снимает вопрос о феодальном характере эксплоатации китайского северного крестьянства, а Янь Си-шань и Чжан Сюэ-лян, к примеру, оказываются эксплоатирующими крестьянство своих провинций на основе отношения «азиатского» способа производства!

Тов. Мадьяр не понимает, что феодальная сущность эксплоатации крестьянства милитаристами (если последние, допустим, и не являются помещиками) заключается в том, что милитаристы, не являясь формально собственниками земельных территорий «своих» провинций, вместе с тем по отношению к непосредственным производителям — крестьянам, сидящим на этой территории, выступают фактически верховными собственниками территорий. Это отношение собственности реализуется носителем ее — милитаристом — в процессе присвоения прибавочного труда непосредственных производителей — крестьян — в форме всевозможных налогов и поборов, осуществляемых через внеэкономическое принуждение. С соответствующими изменениями это относится также к вопросу об эксплоатации крестьянства со стороны джентри и чиновничества в тех случаях, когда

---

[1]) «Предисловие», стр. LXX, подчеркнуто автором.

[2]) «Оппозиция не понимает,— писал т. Сталин еще в 1927 г.,— что вся нынешняя военно-бюрократическая машина в Китае, бесчеловечно грабящая и угнетающая крестьянство, есть по сути дела политическая надстройка над сочетанием господства феодальных пережитков и феодальных методов эксплоатации с существованием купеческого капитала в деревне». (Об оппозиции, стр. 618, подчеркнуто автором).

агентура китайского милитаризма и класса помещиков непосредственно и не является частными земельными собственниками.

Здесь на примере китайского милитаризма феодальная сущность этой формы эксплоатации крестьянства выступает более наглядно, чем в аналогичном процессе эксплоатации непосредственных производителей сатрапами древне-восточных деспотий, где централизованный характер государства, необходимость уступки центру части ренты-налога и т. д. в значительно большей степени замаскировывали суть дела. Но как в том, так и в другом случае эта «суть» остается вне поля зрения тов. Мадьяра. В результате т. Мадьяр оказывается теоретически безоружным перед таким своеобразным явлением, каким, несомненно, является фигура китайского милитариста и джентри. В результате, мы имеем политически ошибочную характеристику лагеря китайской контрреволюции.

Другим весьма ярким примером того, как из антимарксистской концепции особого «азиатского» способа производства неизбежно вырастает «лево»-оппортунистическая политическая оценка движущих сил колониальной революции, служит статья т. Варга «Перспективы китайской революции», помещенная в виде особой главы в новой книге т. Мадьяра «Очерки по экономике Китая» [1]).

Тов. Варга также принадлежит к числу сторонников теории «азиатского» способа производства. Еще в 1925 году, следовательно, когда еще не было сделано «открытие» Д. Пеппера и т. Л. Мадьяра о господстве в Китае особого «азиатского» способа производства,— т. Варга уже развивал взгляды на сущность общественного строя Китая, весьма и весьма родственные по существу с этой якобы марксистской концепцией. Так, например, тов. Варга утверждал, что «центральная и местная государственная власть возникла в Китае из необходимости регулировать водоснабжение, защититься от наводнений и обеспечить орошение земли» [2]). «Итак,— писал т. Варга,— власть возникла для глубоко мирных целей, а не как в Европе, в борьбе королевской власти с феодалами и организованной по-военному городской буржуазии». Тов. Варга считал, что вследствие трудностей изучения китайского языка и необходимости письменных сношений мест с центром «получилось, что управление государством попало в руки грамотных людей». В результате — указывает далее т. Варга — «образовался господствующий класс совершенно особого типа, незнакомый области европейской культуры, именно класс грамотеев (literaten)» [3]).

Позже, в 1928 г., тов. Варга для этих своих взглядов нашел адэкватную «марксистскую» формулировку в лице теории «азиатского» способа производства [4]). На почве этих взглядов т. Варга продолжает стоять и сейчас (см. предисловие к рассматриваемой книге Л. Мадьяра, стр. 6). Правда, тов. Варга отрицает господство отношений «азиатского» способа производства в современном Китае. Но в данном случае (так же, как это имело место и в вышеразобранном «Предисловии» т. Мадьяра) это отрицание носит исключительно декларативный характер: продолжая считать теорию особого «азиатского» способа производства ортодоксально-марксистской, признавая, что китайский исторический процесс до какой-то исторической грани (никому, кроме т. Варга и т. Мадьяру, неизвестной) развивался на основе «азиатского» способа производства,— т. Варга приходит к тому, что на

[1]) Л. Мадьяр. Очерки по экономике Китая. Под ред. с предисл. и заключит. статьей Е. Варга. Изд. Ком. ак. М. 1930 г.

[2]) Е. Варга. «Эконом. проблемы революции в Китае», ст. в журн. «План. Хозяйство», № 12, 1925 г., стр. 174.

[3]) Там же, стр. 174.

[4]) См. его статью «Основные проблемы китайской революции» в «Большевике» № 8, 1928 г., стр. 18.

деле развивает троцкистскую точку зрения отрицания феодального характера аграрных отношений в современном Китае. Вот что пишет т. Варга по этому вопросу:

«В Китае существует, конечно, крупное землевладение, но не феодального владычества... Там существует класс, живущий исключительно земельной рентой. Хотя эта земельная рента часто увеличивается [illegible], она все же не является феодальной рентой, основанной на праве [illegible]ства. Это — «капиталистическая», ростовщическая рента...» [1]).

Совершенно очевидно, что новые откровения т. Варга представляют собою лишь перепев старых установок троцкистской [illegible], отрицавших феодальный характер эксплоатации китайского крестьянства, выдвигавших в связи с этим теорию «ростовщического землевладения». Ошибочность этих взглядов была исчерпывающе вскрыта т. Сталиным [illegible] дискуссии с оппозицией [2]).

Троцкий, для того, чтобы обосновать свою ликвидаторскую установку в китайском вопросе, провозглашает: «сословия помещиков в Китае почти нет, землевладельцы связаны с капиталистами [illegible]римо теснее, чем в царской России...» [3]).

Тов. Варга, исходя из неверной теоретической концепции, приходит к тому же выводу: «...В Китае не существует обособленного от буржуазии и ей противостоящего класса-сословия феодальных землевладельцев, как то имело место в Европе перед буржуазной революцией» [4]).

Троцкий, для того, чтобы оклеветать ленинскую тактику [illegible] национального фронта, правильно примененную Коминтерном на [illegible] этапе китайской революции, для того, чтобы протащить на китайскую [illegible] свою пресловутую «перманентку», утверждает, что в Китае крепостнические отношения «химически слились с буржуазной эксплоатацией» [5]). При этом Троцкий одобряет позицию т. Радека весной 1927 г., писавшего тогда, что в Китае союз рабочего класса с крестьянством будет «бить не по двум классам, а по одному классу — буржуазии» [6]).

Тов. Варга, исходя из теории «азиатского» способа производства, приходит к такой же установке. «Все слои господствующих классов, — пишет он — «выступают в качестве землевладельцев» [7]). ...«Ростовщики, торговцы, откупщики — эти характерные фигуры докапиталистической буржуазии — скупают землю и сливаются с помещичьим землевладением». И далее: «Правящий класс Китая необычайно беден капиталами, [illegible] средств производства. У всех слоев китайской буржуазии [illegible] это не средства производства, а земля» [8]).

Мы видим, что тов. Варга «сливает» феодальных помещиков и [illegible]скую буржуазию в один «правящий класс». В чем объективный [illegible] [illegible] смысл этого «теоретического» извращения действительных [illegible] [illegible] в Китае, где мы имеем единый политический реакционный блок [illegible] классов — феодалов и буржуазии?

---

[1]) Л. Мадьяр. Очерки. Глава 9. (Статья Е. Варга), стр. 281.

[2]) См. Сталин. Об оппозиции. 1928 г., стр. 562—618 и др.

[3]) Л. Троцкий. «Перманентная революция». Изд-во «Гранит», Берлин [illegible], стр. 131, (подчеркнуто нами — Е. И.).

[4]) Е. Варга, назв. статья в книге Л. Мадьяра, стр. 281, подчеркнуто нами. — Е. И.

[5]) Л. Троцкий, там же, стр. 132.

[6]) Цит. по книге Троцкого, стр. 131 (подчеркнуто нами. — Е. И.).

[7]) Статья в книге Л. Мадьяра, стр. 281.

[8]) Там же, стр. 228 (подчеркнуто нами. — Е. И.).

«Химически сливая» два класса *в один*, путая вопрос о политическом блоке помещиков и буржуазии, вырастающем на основе известной (частичной) экономической сращенности («территориализация» части буржуазии), но отнюдь не определяемого *только* этим фактом, с вопросом об экономической структуре классов — т. Варга совершенно снимает вопрос *о блоке* и о гегемонии помещиков-феодалов в этом контр-революционном блоке. Единственным правящим классом у т. Варга выступает *буржуазия*. Неудивительно поэтому, что т. Варга революционную борьбу масс, направленную в настоящее время против «правящего класса», квалифицирует как борьбу антикапиталистическую, что соответственно нынешний этап китайской революции рассматривается т. Варга не как этап антифеодальный, а как этап „антикапиталистический [1]). Другими словами, т. Варга вместе с Троцким приходит к отрицанию буржуазно-демократического характера нынешнего этапа китайской революции.

Почему у некоторых товарищей троцкистские выводы с неизбежностью вытекают из этой «теории»?

Потому что теория «азиатского» способа производства отрицает историческое существование феодализма в колониальных странах Востока. Потому что из этой теоретической концепции следует, что господствующими пережитками докапиталистических отношений в нынешнем социально-экономическом строе отсталых стран Востока не являются пережитки феодальных производственных отношений. Не будучи в состоянии с помощью своей концепции об'яснить *феодальную* классовую природу господствующего класса помещиков, последователи этой теории в поисках за классовой характеристикой помещиков *вынуждены* дать феодальным или полуфеодальным помещикам характеристику класса... капиталистов и тем самым в *экономическом* смысле отождествить буржуазию с помещиками.

Не смея отрицать *факта* наличия эксплоатации крестьянства классом помещиков (что само по себе уже является величайшей непоследовательностью с точки зрения теории «азиатского» способа производства, признающей ведь только «государственную» собственность на землю), но отрицая *феодальный* характер ренты в странах Востока, сторонники этой немарксистской теории вынуждены определять ренту в колониальных странах как «ростовщическую», «капиталистическую» в кавычках, и т. д. При этом не только извращаются действительные отношения, но и грубо нарушаются элементарные положения марксистской методологии, не рассматривающей, как известно, ростовщическую эксплоатацию как особую, создающую новое качество, форму эксплоатации.

Отрицая феодальную сущность эксплоатации крестьянства классом помещиков, признавая отношения между помещиками и крестьянами отношениями эксплоатации на основе «ростовщичества», — сторонники теории «азиатского» способа производства естественно должны приходить к отрицанию *антифеодального* характера ближайших этапов колониальных революций, к утверждению антикапиталистического характера этих революций.

Но не только для «*лево*»-оппортунистических выводов эта концепция служит прекрасной лазейкой. С равным успехом теория особой «восточной» общественно-экономической формации является источником ряда *право*-оппортунистических идей. Такова уж судьба всякой построенной на антидиалектических основах исторической концепции.

[1]) Колониальная буржуазия, пишет т. Варга,—«лишь до тех пор может возглавлять национально-освободительное движение, покуда оно носит буржуазный характер, покуда оно не перерастет в движение антикапиталистическое» (стр. 292, цит. ст.). Отход кит. буржуазии от революции весной 1927 г., т. о., согласно т. Варга означает, что революция переросла в антикапиталистическую!

В качестве примера рассмотрим известную правооппортунистическую теорию «хороших» джентри (или «революционных» милитаристов), т. е. взгляд на этих представителей феодального класса помещиков как на союзников крестьянства в аграрной революции.

Если китайский милитаризм и джентри не суть явления феодального порядка, а представляют собою пережитки господствующей бюрократии «восточного» общества, принципиально отличного от феодального; если эти пережитки существуют в Китае в лице китайского милитаризма и джентри рядом с помещичьей эксплоатацией феодального типа, от которой они отличаются коренным образом, — то почему бы действительно принципиально и практически не признать возможности существования так называемых «революционных» (или «левых») милитаристов или «хороших» джентри? Раз интересы этих обломков «восточного» общественного строя органически не сливаются с интересами господствующего класса феодальных и полуфеодальных помещиков, то почему китайскому крестьянину — и в особенности арендатору — не допустить возможной помощи «хорошего» милитариста и почему иному коммунисту в своей практической работе не ориентировать массовое крестьянское движение на союз с «революционным» генералом и «хорошим» джентри?

Поскольку милитарист и джентри не признаются плотью от плоти феодального класса помещиков, вышеприведенные рассуждения вполне правомерны. Они — глубоко оппортунистичны, но... они целиком обосновываются теорией особого «восточного» способа производства [1]).

Фактом, показывающим, как махровая право-оппортунистическая идеология непосредственно вырастает из теории «азиатского» способа производства, являются взгляды, развитые Т. Бериным в его докладе в азербайджанском госуд. Научно-исслед. ин-те от 4/IV 1930 г. на тему «Восточный феодализм, или азиатский способ производства».

Тов. Берин, подобно другим сторонникам теории особой «восточной» общественно-экономической формации, усматривает сущность «азиатского» способа производства в отсутствии частной собственности на землю, в [illegible] определяющем значении искусственного орошения, в политической форме восточной деспотии и т. д. Результаты своих теоретических изысканий т. Берин пытается применить к конкретной истории Персии и дореволюционного Азербайджана, двух стран, в общественном строе которых Берин открывает «азиатский» способ производства. Каковы же классовые отношения в этих странах?

«Классовая борьба,— пишет Берин — между баями и кулаками, с одной стороны, ренджбарами и бедняками,—с другой, хотя постоянно и упорно, но вследствие деспотического господства государства (главный присвоитель прибавочного продукта) над всеми ими,— она (классовая борьба) мало эффективна для экономического и технического прогресса страны в целом» [2]).

---

[1]) Нам могут сказать, что поскольку китайское крестьянство [illegible] борьбу против пережитков всех и всяческих докапиталистических способов производства, то не безразлично ли называть милитариста и джентри обломками «восточного» общества или феодального? Важно, дескать, то, что [illegible] необходимость мобилизовывать крестьянство на борьбу как против тех, так и против других эксплоататоров. Но это возражение не выдерживает критики, ибо [illegible] ясно, что существенное отличие большевизма от мелкобуржуазного революционаризма заключается в признании необходимости и в умении точно определить классовую природу противника. Без этого последнего условия, очевидно, у коммунистической партии не может быть правильной, подлинно революционной [illegible]тегии и тактики.

[2]) Лит. тезисы доклада Т. Д. Берина «Восточный феодализм, или азиатский способ производства», читанного 4/IV 1930 г. в азербайдж. Гос. науч. исслед. ин-те. Баку. (подчеркнуто нами. — Е. И.).

Совершенно ясно, что т. Берин, последовательный сторонник теории «азиатского» способа производства, не мог не сделать из нее пошлейших буржуазных выводов о надклассовом характере восточного государства и об отсутствии вследствие этого классовой борьбы в странах Востока (ведь так и только так следует понимать напыщенную тираду о «малой эффективности классовой борьбы для экономического и технического прогресса страны»).

Почему теория особого «азиатского» способа производства обязательно приводит к самым грубым правооппортунистическим установкам? Потому что она, как мы выше показали, не исходит из классовых отношений, как основы общественно-экономической формации, а из отношений внешних — формы государственного строя, юридической формы собственности и т. д. Поэтому эта «теория» не может вскрыть классового содержания исторического процесса в странах Востока и, следовательно, не может не отрицать значения классовой борьбы на современном Востоке. Если не все сторонники теории «азиатского» способа производства доходят до этого открытого отрицания классовой борьбы, то это свидетельствует лишь об эклектизме.

VI.

Мы считаем необходимым особо подчеркнуть тот факт, что за последний год «оригинальная» теория особой «восточной» общественно-экономической формации стала приобретать некоторую популярность [1]. Оживление этой антимарксистской тенденции в нашей науке, представляя собою несомненно один из признаков о т с т а л о с т и «восточного» участка нашего исторического фронта, стоит в теснейшей связи с обострением классовой борьбы во всем мире и в частности на колониальном востоке. Объективно являясь отражением буржуазного влияния в нашей науке, теория особого «азиатского» способа производства получает особо опасное значение именно на настоящем этапе, когда требуются максимально четкие марксистско-ленинские методологические установки, надежно ориентирующие пролетарские массы в революционной борьбе.

В частности в Китае в настоящий исторический момент теория особой «восточной» общественно-экономической формации — эта антимарксистская концепция, прикрытая марксистской фразеологией — может сыграть весьма опасную роль.

Сейчас на фоне под'ема революционной волны как никогда усилились всевозможные мелкобуржуазные радикальные идеологические течения. Появившаяся за последние годы разнообразная и большая литература (как издания легальные, так и полу- и нелегальные) по вопросам истории, философии, теоретической экономии и т. д. достаточно отражает происходящее в настоящее время огромное о ж и в л е н и е интереса революционных классов к проблемам нарастающего революционного кризиса. Эта литература вместе с тем свидетельствует о значительном росте теоретического уровня нашей партийной печати. В известной мере это относится и к различным мелкобуржуазным изданиям. Прошло то время, когда в качестве властителей дум выступали американизированные «социологи» из числа returned students!

Издающаяся литература свидетельствует также об определенной, все нарастающей тяге к марксизму [2]. Можно считать, что теперь всякий «пере-

[1]) Об этом свидетельствуют, помимо книги Кокина и Папаяна, еще некоторые другие работы. Например, вышеупомянутое выступление Берина, книга Штуссера «Маркс об Индии» (М. 1930 г.), книга И. Рейснера «Афганистан» (М. 1930 г.), книга Витфогеля «Wirtschaft u. Gesellschaft Chinas». Leipzig. C. Hirschfeld (1930 г.).

[2]) Укажем на тот характерный факт, что за последний год впервые л е г а л ь н о изданы (в Шанхае) на китайском языке такие произведения, как: «Капитал» Маркса (В двух изданиях!), «18-е Брюмера», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи» Энгельса; «Материализм и эмпириокритицизм» и статьи по аграрному вопросу Ленина (вышедшие, правда, под псевдонимами Ильич, Ильин, Ульянов) «К развитию монистического взгляда на историю». «Основные вопросы марксизма» и др. работы Плеханова, далее ряд статей Деборина и др.

довой» писатель по общественным вопросам вынужден в том или иной мере маскироваться под марксизм. Сейчас, например, не редки статьи и исследования, написанные буржуазными авторами, пестрящие цитатами и ссылками на работы Маркса, Энгельса, Ленина.

Подобные условия несомненно создают благоприятную почву для пропаганды всевозможных искажений марксизма, для преподнесения массам через легальную литературу различных марксистскообразных теорий, отстаивающих национал-реформистские, гоминдановские и проч. контрреволюционные интересы.

Нашим товарищам в Китае сейчас приходится вести теоретическую борьбу с мелкобуржуазными и неоконфуцианскими теориями, в числе которых, напр., выступает и одна, сильно напоминающая теорию особого «азиатского» способа производства. Автор ее Тао Си-шэнь в своей работе «Анализ истории китайского общества», напр., утверждает, что «в Китае после феодальной эпохи, т.-е. после разложения феодализма, торговый капитал не смог захватить политическую власть, вследствие чего господствующим классом стала ученая бюрократия («шидафу»), возвышавшаяся над остальными классами». В настоящее время, согласно Тао, эта бюрократия «хотя, с одной стороны, часто управляет в интересах помещиков, но, с другой стороны, она также и угнетает помещиков и иногда благодетельствует крестьянам». Задачи революции Тао видит в том, чтобы «сознательная интеллигенция в союзе с рабочим классом, крестьянством, купечеством и городской мелкой буржуазией устранила этот разложившийся класс бюрократов и заняла бы вместо него»[1]). Реакционную неоконфуцианскую, гоминдановскую концепцию китайского исторического процесса Тао Си-шэнь приодел марксистской фразеологией. И он, как мы указали выше, не одинок.

Теория особой «восточной» общественно-экономической формации имеет много данных для того, чтобы быть горячо воспринятой не только китайской мелкобуржуазной, но и официальной гоминьдановской литературой. Здесь многое может быть использовано: и надклассовая характеристика восточной деспотии, и исключительная организаторская роль «водной» и оросительной» бюрократии, и коренное отличие классовых интересов помещиков и милитаристов и джентри, и, в особенности, выпячивание «восточной» и «азиатской» специфичности и самобытности и пр.

Теория особого «азиатского» способа производства, вместо того чтобы на основе исторически-испытанного, единственно правильного марксистско-ленинского метода классового анализа об'яснить действительную специфичность и своеобразие социально-экономического строя стран Востока, идет по линии смазывания классового характера общественных отношений у народов Востока, об'ективно смыкаясь с империалистическими и национал-реформистскими идеями о мнимой специфичности «Востока», о мнимой «азиатской» и «восточной» самобытности, якобы не знавшей классов и классовой борьбы и т. п. Вместо того чтобы помочь пролетарскому авангарду разобраться в сложнейшем переплете классовых сил на Востоке, эта «теория» приносит лишь вред, срывая классовое определение существующих там общественных отношений и позволяя враждебным, антипартийным течениям всячески искажать в своих интересах эти отношения. В условиях начавшихся решающих боев колониальных революций антимарксистская, дезориентирующая партии оппортунистическая трактовка марксовых высказываний о Востоке должна встретить со стороны марксистов-ленинцев дружный и решительный отпор.

---

[1]) Цит. по ст. Цюй Сюй в журн. «Молэнциниянь (Современная молодежь)» № 1.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Ральцевич. На два фронта. ОГИЗ, «Московский рабочий», стр. 45. Тираж 25.000 экз. 1931 год.

Необходимость борьбы на два фронта в разработке и пропаганде диалектического материализма—против механицизма, как главной опасности, и против меньшевиствующего идеализма—выдвигает перед философскими кадрами, стоящими на партийных позициях, задачу создания массовой популярной литературы, в которой эта борьба была бы отражена.

Деборинское руководство, осуществлявшее в своей работе линию меньшевиствующего идеализма, не могло и не хотело дать такой, ориентирующей на два фронта литературы. Книжка т. Столярова о механистах является образцом деборинской литературы, последовательно игнорирующей борьбу на два фронта в философии.

Литература, в которой нуждается сейчас партийный актив и которую должны дать партийные философские кадры, должна быть ортодоксально-ленинской, сугубо-партийной, непримиримой ко всякой ревизии марксизма—как механистической, так и меньшевистско-идеалистической. При всем том она должна стоять на высоком теоретическом уровне, потому что задача разворошить все извращения марксизма, всю путаницу и весь хлам, оставленный в наследство деборинской школой, с одной стороны, и задача двинуть дальше разработку материалистической диалектики на основе ленинского теоретического наследства, опыта социалистического строительства и мирового революционного движения, требует от нас особой четкости и выдержанности, особой бдительности. Мы должны предохранить себя решительно от всякой возможности неясностей, неточностей, ошибок в нашей собственной работе. Мы должны дать партактиву теоретически и политически правильные работы, которые заменили бы антиленинские работы меньшевиствующего идеализма.

Вполне понятно, что это выполнимо лишь на основе дружной работы всего философского актива, отстаивающего партийные позиции в философии. С одной стороны, коллективность в проработке и редактировании тем, с другой стороны — товарищеская самокритика как метод предупреждения ошибок в нашей работе, а не только как метод «битья» за уже допущенные ошибки,—таковы пути выполнения задачи разворошения деборинского наследства, борьбы на два фронта за ленинские позиции в философии, положительной дальнейшей разработки материалистической диалектики.

Выпущенная т. Ральцевичем брошюра «На два фронта», посвященная борьбе с меньшевиствующим идеализмом и механицизмом, в основном отвечает назревшей необходимости дать партийному активу в популярной форме изложение сути той борьбы за ленинские позиции в философии, которую проводит наша партия. Брошюра отстаивает правильную партийную точку зрения на разработку философии и в достаточно заостренной форме вскрывает ревизионистскую сущность механицизма и меньшевиствующего идеализма, проводя, таким образом, линию борьбы на два фронта. Она находится в общем на достаточной теоретической высоте, а по уровню изложения вполне (за немногими исключениями) будет доступна активу.

В начале своей брошюры т. Ральцевич впервые дает попытку в сжатой форме изложить фактическую историю развертывания дискуссии на философском фронте. Нет сомнения, что такая история развертывания дискуссии необходима, чтобы дать партактиву представление о ее этапах, объяснить ему очистительность тех форм, в которых она протекала, выяснить глубину социальных предпосылок теоретических разногласий между партийными философскими кадрами и деборинщиной, выяснить роль ЦК ВКП(б), как теоретического штаба, и роль т. Сталина в развертывании борьбы на два фронта в философии.

В следующей главе т. Ральцевич дает анализ ленинского философского наследия и устанавливает роль Ленина, сделавшего действительный, всемирно-исторического значения шаг вперед в деле разработки и развития материалистической диалектики, а затем переходит к анализу взглядов механистов.

Вполне правильно подчеркивая реакционность их позиций внутри партии и по вопросам философии, что нашло себе отражение и в соответствующих решениях партии, т. Ральцевич излагает вкратце историю развития механицизма и в 13 пунктах формулирует основное содержание механистической ревизии марксизма. Без сомнения это одно из лучших мест в брошюре, дающее более глубокий анализ механистических воззрений, чем давали до сих пор деборинцы. Тов. Ральцевич совершенно справедливо отмечает тот попятный путь, который делают механисты в смысле возврата к отжившим системам философии, начиная от метафизического материализма вплоть до Пифагора, затем верно замечает, что для механистов проблема партийности философии, проблема роли Ленина в разработке диалектического материализма, проблема применения материалистической диалектики к теории даже не стояла. Будучи ползучими эмпириками, стоя на чрезвычайно примитивном теоретическом уровне, механисты тем не менее не могли быть разбиты деборинцами, поскольку последние сами не стояли на правильных ленинских позициях. Тов. Ральцевич устанавливает прежде всего тот факт, что Деборин и его школа в разработке диалектики опиралась в первую очередь на Гегеля, шир Маркса—Энгельса—Ленина. Считая, что последние ничего не изменили в существе гегелевской диалектики, Деборин не различает идеалистической диалектики и материалистической. Разрабатывая на словах материалистическую диалектику, он фактически находится целиком в сфере идеалистической диалектики, превращая Маркса в гегельянца. В качестве основной посылки этой идеалистической разработки диалектики у деборинской школы т. Ральцевич отмечает тот разрыв теории познания и диалектики, который, вопреки прямым указаниям Ленина, допускает Деборин и его школа. Отрывая диалектику от теории познания, Деборин вместе с теорией познания выносит из диалектики и коренной вопрос философии о первенстве материи по отношению к духу. Тем самым он прокладывает дорогу идеалистической диалектике, дорогу непереваренному и непереработанному материалистически Гегелю. Тов. Ральцевич показывает дальше, как эта идеалистическая разработка диалектики реализуется Дебориным на понимании качества, конкретности понятия, общего и единичного и др. Тов. Ральцевич вскрывает здесь не только существо деборинских извращений, но параллельно прослеживает и механистические взгляды по этим вопросам, развертывая критику и тех и других извращений.

На стр. 27 т. Ральцевич вполне правильно подчеркивает, что гегельянская, в основном, ревизия марксизма отнюдь не исключает кантианских элементов в деборинщине, ибо сам Гегель не так далек от Канта, как это хотят представить деборинцы. В частности,—отмечает т. Ральцевич,—Гегель, как и Кант, стоит на точке разрыва чувственности,—слепой и хаотической сферы неопределенного многообразия, и разума,—чистого и лишенного всего живого. Этот разрыв проводит и деборинская школа.

В этой связи т. Ральцевич переходит к анализу деборинского разрыва теории и практики, попутно критикуя взгляды механистов в этом вопросе. Разрыв

теории и практики,—отмечает т. Ральцевич,—является основным пороком всей линии деборинщины. К нему тесно примыкает троцкистско-меньшевистская трактовка Ленина, как практика, но не теоретика. С ним тесно связано непонимание партийности философии, каковое вместе с тем не мешало деборинцам в течение ряда лет проводить троцкистские взгляды во всей своей работе.

Тов. Ральцевич показывает, как Деборин в трактовке такого вопроса, как природа противоречия, протаскивает троцкистско-меньшевистские взгляды. Деборин трактует противоречие, как антагонизм и конфликт, как высшую ступень в развитии от простого тождества, чрез различие и противоположность, к противоречию. Вся 7-я глава брошюры, также являющаяся одной из самых ценных теоретически глав в брошюре, посвящена установлению того, что указанная трактовка противоречия у Деборина целиком воспроизводит гегелевскую трактовку его, т.-е. идеалистическую трактовку. Будучи антологизирована в материалистическом смысле, что делает Деборин, она приводит Деборина к чисто-троцкистской постановке вопроса о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Следует считать большой заслугой т. Ральцевича, что он основательно разоблачил деборинщину в данном пункте.

Меньшевистская природа Деборина вскрывается дальше в том замазывании плехановских ошибок, которое он старательно проводит, и в замазывании того факта, что не только Богданов и Луначарский, но и многие меньшевики стояли и стоят на почве махизма. Тов. Ральцевич устанавливает, как Деборин наших дней в этом вопросе протягивает руку старому Деборину-меньшевику, в свое время в меньшевистской газете связывавшему махизм Богданова, бывшего тогда большевиком, с ленинской идеей союза пролетариата и крестьянства. Тов. Ральцевич наглядно показывает, как те же самые мотивы звучат и в столь знаменитой ныне книге Деборина «Ленин, как мыслитель».

X и XI главы посвящены критике деборинских взглядов и работ в области естествознания. Тов. Ральцевич вскрывает, как наряду с путаницей и апологетикой буржуазных махиствующих естествоиспытателей у Деборина проглядывает свойственное всему II интернационалу, и в частности Плеханову, пренебрежение к естествознанию. Только Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» сумел обобщить итоги современного естествознания, применить их к разработке диалектического материализма и тем самым поднять последний на новую и высшую ступень.

Остановившись, к сожалению, несколько коротко и бегло на взглядах деборинцев в области истмата, отметив совершенно правильно грубую каутскианскую ошибку Деборина, считающего империализм экономически прогрессивным и лишь политически реакционным, проведя анализ современного распада капиталистической стабилизации, целиком опровергающий всякие разговоры о прогрессивности империализма, которые льют воду на мельницу теории организованного капитализма Бухарина, т. Ральцевич заканчивает брошюру анализом проблемы партийности философии. Он совершенно правильно подчеркивает наличие струвианского об'ективизма у Деборина наряду с принципиальной защитой им меньшевистско-идеалистических взглядов. Он устанавливает затем родство методологических основ правого оппортунизма и троцкизма, механицизма и меньшевиствующего идеализма. Тов. Ральцевич совершенно правильно указывает, что теория равновесия, будучи методологической основой правого оппортунизма, обосновывающей теорию врастания кулака в социализм, одновременно может служить методологической основой и троцкизма, обосновывающей непримиримость противоречий между рабочим классом и середняком.

Таково содержание брошюры. Как видим, она достаточно всесторонне характеризует механицизм и деборинщину, вскрывает их связь, проводит между ними сравнения, устанавливает моменты общности и различия. Основное внимание уделено деборинщине, что также надо признать правильным, поскольку разоблачение

ее имеет сейчас особую актуальность в виду большой ее завуалированности, в виду того, что содержанием дискуссии 1930 г. было именно разоблачение деборинщины. Брошюра ставит ряд вопросов по-новому, углубляет ряд моментов критики деборинщины и механицизма. Брошюра приближается к тому типу книги о борьбе на два фронта в философии, которая нужна сейчас партийному активу.

Отметив положительные стороны брошюры т. Ральцевича, мы считаем правильным, в порядке самокритики, остановиться на тех ошибках, которые допустил т. Ральцевич. В брошюре определенно имеются весьма существенные недочеты, об'ясняющиеся, повидимому, тем, что она писалась наспех и ее не подвергали предварительно коллективной проработке и самокритике, что сейчас так необходимо, поскольку к нам пред'являются повышенные требования в смысле четкости и правильности наших писаний.

Прежде всего мы считает недочетом брошюры недостаточный анализ искажений, которые внесены меньшевиствующим идеализмом в истмат. Мы обвиняли деборинское руководство в том, что оно почти не занималось истматом. Однако, если суммировать отдельные статьи и высказывания деборинцев в области истмата и присоединить сюда новую книгу Геникмана «Исторический материализм», мы увидим, что имеется некоторая система взглядов меньшевиствующего идеализма в области истмата, сочетающая в себе элементы риккертианства, [illegible] схоластики, троцкизма, сухановщины и т. д. Взгляды деборинцев в области истмата требуют несколько большей критики, чем та, которая вообще до сих пор [illegible] и чем та, которую дает т. Ральцевич.

Это касается также и механистов. Положение т. Ральцевича, что у механистов «нет проблемы применения диалектики к истории» (стр. 16), правильно лишь в том смысле, что именно диалектику механисты вообще не применяют. Однако у механистов есть целая система механистических взглядов на общество. Эти взгляды нашли отражение в «теории» тов. Бухарина, а также в [illegible] раскритикованной Лениным книге «Экономика переходного периода». К сожалению т. Ральцевич вообще недостаточное место при анализе взглядов механистов отводит т. Бухарину и поэтому не останавливается специально на анализе его [illegible] званных произведений, в которых находится summa summarum механистической концепции общества.

Мы считаем далее, что анализ классовых корней ревизии марксизма-ленинизма в условиях СССР, который в общей форме дается т. Ральцевичем в [illegible] брошюры, недостаточен. Правда, при анализе основной установки деборинцев, т. е. проблемы противоречия, т. Ральцевич, помимо общего вскрытия социальных корней, вскрывает и ее социальный эквивалент. К сожалению, этот способ [illegible] ревизионистов им не проводится во всей брошюре. Это особенно чувствуется при изложении взглядов механистов, а также при анализе фактической истории развертывания дискуссии как с механистами, так и с деборинщиной.

При изложении этой теории т. Ральцевич отмечает главным образом индивидуальные события и факты, при чем в виду того, что классовый анализ [illegible] фактов дан недостаточный, они оказываются в отдельных случаях не совсем [illegible] освещенными. На стр. 5-й, например, т. Ральцевич указывает, что философская дискуссия началась с того, что ряд товарищей был возмущен барски-пренебрежительным тоном философского руководства. Этот зародыш разногласий, [illegible] т. Ральцевич на стр. 6-й, сделал в своем развитии быстрый скачок вскоре [illegible] выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов. Тов. Ральцевичу необходимо было бы указать здесь, что выступление тов. Сталина совпадает с моментом обострения классовой борьбы в стране в связи с развернутым социалистическим наступлением, которое в идеологических областях выразилось в [illegible] нии марксистско-ленинской теории на всех участках теоретического фронта. [illegible] но в этих условиях становится совершенно недопустимым тот разрыв между теорией и практикой, на который указывал т. Сталин и который, [illegible]

место и в области философской. Именно отсюда и следует датировать начало философской дискуссии. Именно такая связь «исторических событий» предохранила бы т. Ральцевича от несколько рискованных положений на стр. 7-й, где получается так, что если бы деборинцы прислушались к голосам самокритики и внесли бы в свою работу поправки, то и дискуссии могло бы не быть. Совершенно очевидно, что какие бы поправки ни вносил Деборин в свои резолюции, суть меньшевиствующего идеализма все равно не была бы устранена и подлежала бы самому суровому разоблачению и осуждению.

Нельзя считать полной и исчерпывающей ту формулировку препятствий в деле осуществления ленинского философского завещания, которую дает т. Ральцевич на стр 13. Не только механисты были препятствием, но и само внутреннее меньшевистско идеалистическое содержание деборинщины уже на прошлом этапе являлось одним из препятствий в деле ленинской разработки материалистической диалектики. Правильно, конечно, что главной опасностью были механисты.

Так же неполна и неточна формулировка на стр. 33-й, дающая возможность истолковать дело таким образом, якобы негодность механистической критики сводится к низкому теоретическому уровню механистов, как будто причиной этой критики не является сама негодность, неправильность их принципиальных позиций, вне зависимости от ее теоретического уровня.

Помимо этих неясностей «исторического» так сказать характера, в брошюре т. Ральцевича имеются неясности, неточности и в постановке отдельных теоретических вопросов.

Недостаточно четко проведено различие материализма и идеализма в цитате: «решительно все философские вопросы вообще таковы, что сразу с внешней стороны, сплошь да рядом невозможно отличить материализм от идеализма» (стр. 31).

Неправильным и противоречащим другим утверждениям т. Ральцевича необходимо признать отнесение им Плеханова к «длинной цепи философского ревизионизма» (стр. 14), между тем как речь, очевидно, должна итти о том, что непоследовательность и философские ошибки диалектического материалиста Плеханова были в дальнейшем восприняты русским философским ревизионизмом.

Плодом спешки можно об'яснить, что на одной и той же стр. 35 внизу цитируется ленинское положение «диалектика и есть теория познания (Гегеля) и марксизма», а выше пишется, что именно по линии разрыва теории познания и диалектики идет основная струя гегельянства Деборина. Справедливость требует отметить, что в утверждении т. Ральцевича о гегельянстве Деборина в данном пункте содержится больше правды, чем у тех товарищей, которые также однобоко хотят представить деборинский разрыв теории познания и диалектики как чистое кантианство. Деборинщина является в основном гегельянской ревизией марксизма, однако, с наличием кантианской струи. Наличие этой кантианской струи отмечает сам т. Ральцевич на стр. 27, где он весьма справедливо говорит о родстве Гегеля с Кантом в части отрыва разумного от чувственно-эмпирического, а также на стр. 33, где речь идет о «кантианском хламе Деборина». Следует, во избежание всякой путаницы и упрощенства при определении историко-философской основы деборинщины, во всей нашей дальнейшей работе по теоретическому разоблачению ее более точно сформулировать те основные моменты, которые заставляют нас принять деборинскую ревизию именно как гегельянскую в основном. Надо заострить внимание на том, что основным признаком деборинщины является идеалистическая разработка диалектики, некритически воспринимаемой от Гегеля, что и составляет основную черту деборинщины, как гегельянщины.

Помимо указанных недочетов в брошюре т. Ральцевича имеются и другие: формулировка, дающая возможность трактовать отдельных механистов, как последовательных материалистов; на стр. 15 заявление, что «против суб'ективного идеализма до известной степени достаточно идеализма об'ективного, против метафизики, кантианства и механицизма достаточно диалектики Гегеля» (стр. 16—17);

отсутствие характеристики деборинского понимания противоположностей (как и примирения). Мы не можем на них остановиться за недостатком места.

Мы считаем, что отмеченные ошибки и недочеты брошюры говорят о необходимости большей тщательности, осторожности и требовательности со стороны авторов к своим работам; это во-первых, а во-вторых—о необходимости коллективности и самокритики в работе. Многие недочеты в брошюре т. Ральцевича были бы устранены, если бы его брошюра до выпуска ее в свет была проработана хотя бы небольшим читательским коллективом.

Несмотря на наличие в брошюре т. Ральцевича недостатков, ее нужно рекомендовать партийному активу, так как она в основном с правильных марксистско-ленинских позиций и в достаточно доступной форме освещает борьбу на два фронта в области философии. При последующих переизданиях брошюры, а они несомненно понадобятся, т. Ральцевичу надо будет исправить указанные недочеты, обсудив их перед пуском брошюры в печать в коллективе философов ИКП.

Е. Ситковский, П. Липендин, Н. Ю[illegible].

ФИНГЕРТ И ШИРВИНДТ.— Краткий учебник по истмату.

Учебник, рассматриваемый нами, выходит шестым изданием, тиражом в 150.000. Это говорит о той колоссальной потребности в популярном учебнике по истмату, какая ощущается в настоящее время, когда огромные массы рабочих и трудящихся втянуты в марксистско-ленинскую учебу, но отнюдь еще не означает, что он отвечает этой потребности. Несмотря на то, что этот учебник переделывался несколько раз, его нельзя считать книгой, которую можно безоговорочно рекомендовать в качестве учебного пособия. Целый ряд проблем трактуется в нем далеко не в духе выдержанной марксистско-ленинской методологии. Не совсем отвечает он потребности и с точки зрения популярности, ясности изложения. Таким образом, многократные издания учебника ни в коем случае нельзя отнести за счет его достоинства. Они объясняются просто неимением какого-либо другого учебника. Философы у нас могут писать обо всем, не пишут они лишь популярных учебников. Этому нетерпимому положению должен быть положен конец. Коллектив философов-коммунистов обязан, наконец, взяться за создание массового, популярного, выдержанного учебника по истмату. Но обратимся к данному учебнику. Он предназначен для совпартшкол.

Цель, которую преследуют авторы, выпуская его,—«дать популярный анализ сущности общественных явлений и движущих сил общественно-исторического процесса», как они заявляют в предисловии. «Далее, авторы стремились отразить в учебнике те новые задачи, которые стоят перед диалектическим и историческим материализмом в наши дни социалистической реконструкции» (там же).

Однако нужно сказать определенно, что ни с первой, ни со второй задачей авторы не справились хотя бы более или менее удовлетворительно. Эти задачи остались пустой декларацией в предисловии и не подтверждены всем содержанием учебника, как этого можно было бы ожидать.

Посмотрим сначала, какова п о п у л я р н о с т ь учебника, поскольку эту сторону дела авторы рассматривают как важнейшую цель. В действительности язык книги крайне тяжеловесен и носит все признаки специфического «философского» языка, который у нас получил за последнее время столь широкое распространение. Практика преподавания в вечерних совпартшколах по этому учебнику показывает, с каким огромным трудом слушатели через тяжелую форму языкового облачения проникают в содержание разбираемых проблем, которые, будучи изложены более простым и понятным языком, усваиваются сравнительно легко. Приведем образцы этой популярности. В главе «Идеология» авторы так определяют задачи идеологии: «Задача идеологии — закрепить в идеях наиболее важные (для данного класса)

моменты об'ективной реальности» (стр. 184). Это определение задач идеологии настолько туманно и абстрактно, в дурном смысле этого слова, что его расшифровка едва ли под силу вузовцу, а не только совпартшкольцу. Но мало этого: это абстрактное определение именно в силу абстрактности лишено классового содержания, политической постановки вопроса о роли идеологии. Пусть авторы потом пишут, что идеология носит в классовом обществе классовый характер, что идеологи играют определенную и чрезвычайно важную роль в политической борьбе классов,—все это уже заранее убито основным определением задач идеологии.

Или другой пример: приводя выдержку из речи Муссолини, авторы комментируют ее следующим образом: «Это уж подлинный пафос апологии капитализма». Неужели нельзя сказать проще, понятнее. Без этих мудреных выкрутасов. Авторы забывают, для какой аудитории они пишут.

Или — «в отличие от идеализма диалектический материализм утверждает, что основы всего существующего представляют собою не идею, т.-е. сущность, неразлучно связанную с человеческой или сверхчеловеческой мыслью, а материю, т.-е. реальность, обладающую бытием вне сознания, но способную в качестве источника ощущения действовать на сознание» (стр. 35). Фраза трудна, тяжеловесна и не дает четкого представления о противоположности материализма и идеализма. И затем, с какой это сверхчеловеческой мыслью может быть связана идея? Насколько было известно до сих пор, все идеи, какие только могут быть, являются всегда результатом человеческой мысли, а не сверхчеловеческой. Очень часто приводятся трудные для усвоения выдержки из Гегеля и других авторов без соответствующих раз'яснений и к тому же без указания страниц и источника, откуда они берутся. Многие формулировки страдают небрежностью, неряшливостью, неточностью. Имеется очень много ненужных повторений. Так обстоит дело со стороны формы. Перейдем теперь к содержанию.

Учебник Фингерта и Ширвиндта — яркое проявление меньшевиствующего идеализма. Своеобразие его состоит в том, что в нем, помимо этого, особенно в вопросах истмата очень много и механистических моментов извращения марксизма.

Коренным пороком учебника является отрыв от актуальных проблем, от практики социалистического строительства, убегание от действительности. Прямо иронией звучат слова авторов в предисловии, что они стремились отобразить «те новые задачи, которые стоят перед диалектическим и историческим материализмом в наши дни социалистической реконструкции». Ни о каких новых задачах в учебнике нет и упоминания. Для доказательства посмотрим ряд глав, где актуальные проблемы обойдены полностью.

Возьмем главу «Производительные силы и производственные отношения». Уж здесь, казалось бы, самое широкое поле для рассмотрения жгучих проблем и задач, вытекающих из практики социалистического строительства. Но ничего подобного мы не находим. Этой теме вообще отводится всего только 10 страниц! В ней совершенно отсутствует анализ производительных сил и производственных отношений при капитализме, не показаны их противоречия, не вскрыто загнивание и разрушение производительных сил в эпоху империализма, как последней стадии капитализма. Как можно в настоящее время обойти все эти вопросы, совершенно непонятно. В этой же главе совершенно отсутствует рассмотрение производительных сил и производственных отношений в СССР. Не показано принципиальное отличие соотношения производительных сил и производственных отношений при капитализме и в СССР. Нет ни слова о том, как развиваются производительные силы в СССР, о характере и темпе развития производительных сил в сплошной коллективизации, о роли плана, о новых коммунистических формах труда (ударничество, социалистическое соревнование) и их влиянии на развитие производительных сил, о значении и роли диктатуры пролетариата и правильной политики партии в этом развитии и т. д. и т. п. Одним словом, совершенно обойдены именно те

вопросы, которые на деле, а не в декларации, должны были получить в учебнике наиболее полное освещение. Вот как отображаются «задачи, вытекающие из социалистической реконструкции».

В главе об идеологии почти ничего не говорится о проблеме культурной революции в СССР, о задачах, вытекающих из этой проблемы, о методах их разрешения, о национальной и интернациональной культуре, об идеологической борьбе, т. е. опять-таки обойдена действительность, обойдены самые жгучие вопросы нашей практики.

Наконец, в главе «Теория классов и классовой борьбы» хотя и ставятся вопросы о классах и классовой борьбе в СССР, но ставятся они мельком, недостаточно подробно. Не выясняется своеобразие форм классовой борьбы, не упоминаются причины обострения ее, абсолютно нет критики оппортунистической либеральной теории о затухании классовой борьбы и теории врастания кулака и концессионера в социализм. Не показываются формы борьбы кулака против коллективизации, организации контрреволюционных центров под флагом религиозных организаций, борьбы попов и сектантов против социалистического строительства пятилетки, займов. Не говорится об обострении классовой борьбы в отдельных участках идеологии и т. д.

Кстати, авторы вообще насчитывают только две формы классовой борьбы — экономическую и политическую, а не три, как этому учил Ленин (экономическая, политическая и идеологическая)

Из всей главы нельзя даже узнать: а сколько же у нас в СССР классов, какие классы основные, какие второстепенные, потому что прямо об этом нигде не сказано. Где же тут отображение актуальных задач?

Это удаление от актуальных задач (а не отображение их, как декларируют авторы) сказывается и при рассмотрении ими других проблем. Например, закон единства противоположностей не вскрывается, как это можно было сделать, в конкретном материале, на примерах политики партии. Критика теории равновесия в связи с этим также ведется абстрактно. После общего изложения теории равновесия (на протяжении одной страницы) авторы ограничиваются лишь замечанием: «достаточно вспомнить дискуссию об «организованном капитализме» для того, чтобы уяснить себе, к каким выводам приводит механическая методология т. Бухарина» (стр. 43). Почему бы не сказать больше о том, к чему приводит методология Бухарина? Почему нельзя было это показать применительно к оценке экономики переходного периода на примерах сегодняшнего дня? Почему бы не привести выдержку из речи Сталина на конференции аграрников-марксистов о теории равновесия? Это было бы и популярно, и важно для уяснения политической сути теории равновесия. Или возьмем вопрос о партии. О партии сказано только следующее: «*Необходимость партии вытекает из того, что класс состоит из очень разнообразных профессиональных и культурных групп*, отличающихся друг от друга не только экономическими интересами, но и степенью сознательности. Для того, чтобы класс мог выполнить свою историческую роль, он, очевидно, должен создать организацию, представляющую единство класса и преодолевающую его разрозненность. Если такая организация необходима буржуазии, то тем более она важна пролетариату, вступающему в решительный бой с буржуазией» (стр. 156). Нет ни слова о том, *какая* партия нужна пролетариату; нет ни слова о роли ВКП(б) как единственной партии, способной руководить пролетариатом на всех этапах его классовой борьбы. И нигде больше к вопросу о партии авторы не возвращаются.

В этой же главе о классах имеются политически вредные рассуждения об интеллигенции, которые, с другой стороны, ярко иллюстрируют, как авторы избегают рассматривать все то новое, что дает действительность.

«В СССР интеллигенция после продолжительного саботажа и долгих колеба-

ний пошла за пролетариатом и вместе с ним бок-о-бок участвует в социалистическом строительстве» (стр. 157).

Ясно, что здесь имеется в виду буржуазная интеллигенция, ибо об интеллигенции, выходящей из рядов пролетариата, говорится особо. Мы вправе спросить авторов: а как же быть с вредительством, с организацией контрреволюционной партии, подготовкой интервенции и т. д. со стороны интеллигенции, если интеллигенция, по их мнению, бок-о-бок идет с пролетариатом и участвует в социалистическом строительстве. Такой сплошной подход к интеллигенции, забывание диффе ренциации среди интеллигенции по мере социалистического выступления, забывание перехода известной части интеллигенции на сторону явных и активных врагов пролетариата является политически вредным, усыпляет классовую бдительность пролетариата, тормозит борьбу с буржуазной контрреволюционной интеллигенцией, смазывает необходимость и остроту борьбы с реакционной профессурой, еще до сих пор играющей определенную роль в вузах, и т. д. Авторы, правда, не могли предвидеть процесса «Промпартии», но перед ними уже прошел Шахтинский процесс, в котором отмечались неоднократно вылазки реакционной профессуры. Как можно после всего этого подходить к интеллигенции вообще, как это делают авторы?

Далее авторы утверждают, что интеллигенция является носителем культуры, при чем не раз'ясняется, какой культуры, каково должно быть отношение пролетариата к буржуазной культуре и т. д.

Так авторы отображают действительность.

Другим основным пороком учебника является почти полное (за незначительным исключением) отсутствие критики бухаринской концепции истматовских проблем. Этой критики нельзя обходить в любом учебнике, ибо для всех нас ясно, что учебник Бухарина и до сих пор еще имеет хождение, по нему учатся, им пользуются. По существу рассматриваемый нами учебник должен был быть противопоставлен бухаринскому. Но этого не сделано. Наоборот, вместо критики, многие проблемы излагаются целиком по Бухарину. В результате получается добрая эклектическая каша. Так, например, в учебнике полностью, без всяких оговорок, излагается бухаринско-крицмановская схема фаз революции, которая в литературе уже подверглась критике.

Целиком по Бухарину излагается взаимоотношение психологии и идеологии. Известно, что Бухарин считает идеологию систематизированной психологией. Благодаря этому им упускается из виду по крайней мере два момента: 1) что в общественной психологии классов имеются обрывки идеологий, 2) что идеология того или иного класса является не только систематизированной психологией, но имеет еще теоретические источники в существовавших ранее идеологиях, критически переработанных представителями-теоретиками нового класса. Вспомним статью Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Ленинская постановка вопроса в корне отлична от бухаринской, а авторы идут не за Лениным, а за Бухариным. По их мнению, «идеология, мировоззрение создаются путем критической переработки психологии, отбрасывания всего противоречивого, несогласованного, ненужного для классовой борьбы. На известной ступени развития классовой психологии эту работу выполняет группа так называемых идеологов данного класса, в результате чего получается относительно стройная система идей, образующая классовую идеологию...» (стр. 184). Это то же, что говорит Бухарин, только выражено другими словами.

Некоторый налет механистической концепции Бухарина сказывается и тут при рассмотрении авторами производительных сил и производственных отношений, когда они утверждают, что производственные отношения определяются «прежде всего техникой».

Ведь это же разительным образом опровергается практикой. При высоко развитой технике в капиталистических странах мы имеем капиталистические про-

изводственные отношения, а при сравнительно отсталой технике (с каждым годом растущей гигантскими шагами, так что третий год пятилетки будет годом завершения построения фундамента социалистической экономики) в СССР мы имеем высший тип производственных отношений — социалистический. Далее в учебнике без всяких раз'яснений приведена плехановская схема соотношения базиса и надстройки и не указаны недостатки этой схемы.

Обратимся теперь к рассмотрению других ошибок, имеющих место в учебнике. Содержание первой главы «Идеализм и материализм» претендует на исторический порядок расположения материала. В последовательном порядке излагаются рационализм, эмпиризм, французский материализм, Кант, Гегель и Фейербах. Такое расположение, конечно, имеет свои преимущества, поскольку дается сокращенная история новой философии до Маркса, но тут же имеется и отрицательная сторона, заключающаяся в том, что нет четкой, более или менее исчерпывающей общей характеристики материализма и идеализма, как двух основных противоположных направлений в философии. В частности недостаточно вскрыты исторические, социальные корни идеализма, а подчеркивание этой стороны очень важно, как указывал Ленин. Поэтому, оставляя такой порядок, нужно расширить и углубить параграф «Основная философская проблема», где и поставить указанные нами вопросы. В определении философии как «науки, исследующей общие принципы достоверности научного знания» имеется налет кантианства (стр. 8). Такое определение марксистской философии, конечно, не может быть признано правильным. Здесь выпадает основное и характерное для диалектического материализма, как единство метода и мировоззрения.

Совершенно неверным, немарксистским является определение авторами причин, приведших к господству идеализма в новой философии, которые они видят исключительно в недостатках французского материализма.

«Непонимание проблемы развития, злоупотребление механическими аналогиями, превращение человека и общества в механизм—были теми основными недостатками, которые привели к победе идеализма над французским материализмом» (стр. 23). Такой «анализ» можно встретить в любой буржуазной истории философии, но для марксистского учебника он не годится. Здесь упускается совершенно из виду социальная обусловленность философских систем, их классовость. При таком об'яснении становится, например, совершенно непонятным, почему диалектический материализм, свободный от всех недостатков французского материализма и являющийся общественно-научной философией, является господствующим не во всех странах, а только в СССР. Очевидно, имеются какие-то (а какие, для всех ясно) причины, которые не дают пока возможности диалектическому материализму стать господствующим во всем мире. Надо же было, тт. авторы, указать, что поворот в сторону идеализма связан не только с недостатками французского материализма, но главным образом с эволюцией положения буржуазии, ставшей господствующим классом, в связи с чем изменяется и ее мировоззрение в целом, ее отношение к религии и т. д.

Или возьмем такое утверждение авторов:

«Подобно Локку и французским материалистам, Кант тоже считает, что чувственный опыт, взятый сам по себе, не об'ясняет характера научного знания» (стр. 23). В такой формулировке все сваливается в одну кучу. Ведь нужно же различать, что понятие опыта у всех этих мыслителей не одинаково. Ставить знак равенства между ними, значит красить под один цвет своеобразие различных философских систем, значит искажать их.

Отметим также, что наряду с общей правильной оценкой французских материалистов имеются и явно неверные положения, например, параллель между ними и Кантом в вопросе о познании; утверждение, что французские материалисты, как и Локк, разрывали связь, существующую между бытием, ощущением и мышлением» (стр. 21). Если бы французские материалисты действительно разрывали св-

между бытием, ощущением и мышлением. как Локк, то они не были бы французскими материалистами.

Далее в этой же главе имеется явная недооценка роли ощущений, которая повторяется в ряде мест, и особенно в параграфе о рационализации. Эта ошибка граничит с идеализмом. Там мы читаем следующее положение: «Каждый мало искушенный в философии человек скажет вам: мое знание о вещах есть результат показаний органов чувств; я вижу, слышу, осязаю, обоняю и таким образом создаю себе представление о внешнем мире. Следовательно, для «здравого смысла» обычного, «не философствующего» человека единственным источником знания является чувственный опыт. Однако при исследовании самого чувственного опыта сразу бросаются в глаза недостатки, которые невольно заставляют сомневаться в его достоверности. В самом деле, нельзя не отрицать, что показания органов чувств нас сплошь и рядом обманывают» (стр. 10).

«Чувственный опыт отличается к тому же неясностью и суб'ективностью» (там же).

«Действительно, в ощущениях даны только случайные, мимолетные, единичные связи, зависящие от множества различных условий» (стр. 24).

Все эти выписки показывают, что у авторов имеется очень вредная по существу идеалистически-рационалистическая тенденция отбросить начало всякого познания—чувственные данные, в результате действия натуральных предметов на органы чувств. и усумниться в истинности чувственных показаний.

Диалектический материализм не утверждает и не может утверждать, что чувства нас обманывают, утверждать так могут только рационалисты. Теория отражения, являющаяся основой теории познания диалектического материализма, напротив, утверждает достоверность и истинность показаний чувств. Если бы чувства нас обманывали, не могло бы вообще существовать познания. Ибо всякое познание проходит через ступень чувственного. Диалектический материализм только утверждает недостаточность такого познания, но не более. Авторы явно клонят в сторону идеалистического рационализма. В этом отношении они повторяют Тымянского с его отрывом чувственного познания от рационального, с ударением на последнее. Если к этому прибавить явно недостаточную критику рационализма, то ошибочность позиции авторов усугубляется. Неверно также утверждение их о том, что ощущения дают случайные, мимолетные связи и т. д. Это отражение гегельянского взгляда на роль ощущений, который культивировался бывшим философским руководством. Оценка роли ощущений, чувств у материалистов-диалектиков существенно иная. По этому поводу мы имеем решающие указания Ленина, опубликованные в Ленинском сборнике XII. Эти указания авторами обойдены и, очевидно, не случайно, так как их концепция с этими указаниями не вяжется. Чистой гегельянщиной отдает от утверждения авторов, что «исходным пунктом диалектического материализма является конечно понятие материи» (стр. 35, разрядка автора.—Г. О.). Это «конечно» гегельянщина, а не диалектический материализм. Исходным пунктом диалектического материализма является не понятие материи, а материя, как об'ективная реальность, независимая от нашего сознания.

Совершенно неправильно, в духе Плеханова, трактуется соотношение формальной логики и диалектической. Формальной логике отводится равноправное место, правда, в определенных границах, наряду с логикой диалектической.

«Формальная логика — логика статики, а не динамики. Этим определяется и ее значимость, ее границы и ее отношение к диалектической логике. Формальная логика имеет известное значение в тех случаях, где мы в интересах исследования отвлекаемся от многообразия отношений, связывающих предметы между собой, фиксируем внимание на отдельных сторонах, отдельных связях интересующих нас предметов, наконец, рассматриваем вещи вне процесса их изменения, что возможно, конечно, для сравнительно коротких промежутков времени» (стр. 53). Это тоже по существу плехановская формула о равноправии двух логик — логики

диалектической и формальной, в соответствии с чем происходит и удвоение действительности. В одной области (широкой) господствует логика диалектическая, а в другой (более узкой) — логика формальная. Пора же, наконец, покончить с этим эклектизмом. Пора понять, что диалектическая логика «снимает» формальную логику, как целостную систему, и не оставляет ей права на самостоятельное существование.

Из того факта, что диалектическая логика является логикой развития и учит рассматривать предмет во всех связях и опосредствованиях, авторы умозаключают, что диалектическая логика не может иметь суждения об относительно устойчивых предметах, что она не может иметь применения при исследовании какой-нибудь о д н о й из сторон отношений предмета, а должна, очевидно, по их мнению, говорить сразу одновременно обо всем. Это очень наивное представление о диалектической логике, простительное для совпартшкольца, но не для авторов учебника для совпартшкольцев. Рассуждение по вашему рецепту, тт. авторы, будет не диалектическое рассуждение, а эклектизм (вспомните еще раз речь Ленина о профсоюзах). Диалектическая логика может рассматривать и рассматривает предметы и явления, если это требуется, с какой-нибудь одной стороны, рассматривая какую-нибудь одну форму отношений и связей. Она только учит эту одну сторону отношений не отрывать от других, не возводить ее в абсолют, видеть и другие сто...

Далее, диалектическая логика не отрицает момента наличного бытия, известную устойчивость предмета, следовательно, диалектическая логика не исключает (как это думают по своей наивности авторы учебника) и суждений об относительно устойчивых телах и т. д. Но это суждение, имея внешнее сходство с формально-логическим суждением, по существу не имеет с ним ничего общего, ибо в формальной логике тождество абстрактно понимается как абсолют, тогда как логика диалектическая рассматривает любой предмет как единство, тождество и различие.

Перейдем к социологическим темам.

В главе VIII «Теория государства и диктатуры пролетариата», разбирая вопрос о фашизме, авторы не вскрывают ни причин фашизации власти, ни особенностей фашизма, как ничем не прикрытой формы диктатуры буржуазии, ни методов борьбы фашистских правительств с революционными организациями, а без этого слово — фашизм — остается пустым звуком. Авторы находят возможным без комментариев и раз'яснений приводить выдержки из речей и статей теоретиков фашизма, почему у слушателей может возникнуть совершенно неправильное представление о сути фашизма. Так, например, они приводят следующую выдержку из речи теоретика фашизма Рокка. «Фашизм хочет создать режим такой власти, при которой правительство, имеющее широчайшие полномочия, опиралось бы на массы через посредство множества организаций, которые позволили бы ему поддерживать контакт с народом; формировать его (народа) духовным ростом и экономическим развитием». В таком заявлении фашизм выглядит очень невинно, а оно оставлено без раз'яснений, не показано, как в действительности, на деле фашизм руководит духовным ростом и экономическим развитием народа, как он формирует моральное и гражданское сознание», т. е. не показаны те жесточайшие репрессии, наказания, казни, которым подвергаются революционные рабочие организации, а особенно коммунисты. Выдержку из речи Муссолини авторы сопровождают скромным дополнением: «Это уже подлинный пафос апологии капитализма» (стр. 169). А в результате сущность фашизма так и остается не вскрытой. Нужно поменьше выдержек, побольше раз'яснений.

В этой же главе, в параграфе «Советская власть как форма диктатуры пролетариата» авторы задним числом пытаются «теоретизировать», о б о с н о в ы в а т ь в о з м о ж н о с т ь социалистической революции вообще и в России в частности. Они ставят следующие вопросы: 1) достигло ли капиталистическое общество к моменту Октябрьской революции той ступени развития, на которой становится воз...

бежной социалистическая революция (а следовательно, и диктатура пролетариата), 2) может ли социалистическая революция начаться в России, в одной из наиболее отсталых европейских стран» (стр. 176, разрядка наша.—Г. О).

Диктатура пролетариата существует уже 13 лет. Партия разгромила контрреволюционный троцкизм, отрицавший возможность построения социализма в одной стране. Страна вступила в период социализма. Третий год пятилетки завершит построение фундамента социалистической экономики. И вот приходят авторы популярного учебника и наивно спрашивают: «может ли социалистическая революция совершиться в России?».

Ведь это просится в фельетон, тт. авторы! Так ставить вопрос могут только люди, отрицающие социалистический характер Октябрьской революции или сомневающиеся в нем. Такая постановка закономерна лишь с точки зрения троцкиста, каутскианца или вообще со стороны реформиста, с.-д. Такая постановка в скрытой форме протаскивает реформизм. Вопрос нужно ставить не «может ли совершиться», а почему и как совершилась социалистическая революция впервые в России, а не в какой-либо другой стране. Авторы пытаются дать свое решение и почему-то упускают из виду тот анализ причин социалистической революции именно в России, который был дан т. Сталиным в «Основах ленинизма». А упустив из виду этот анализ, они, естественно, не дали и удовлетворительного раз'яснения поставленного вопроса. Они рассматривают Россию изолированно и обходят молчанием то основное положение, что Россия была узловым пунктом всех противоречий мирового империализма и что это-то и обусловило возможность социалистической революции в России, как одном из звеньев империалистической цепи. Авторы по-бухарински, а не по-ленински рассуждают, когда считают, что социалистическая революция совершилась в одной из наиболее отсталых стран. Им, очевидно, неизвестны те поправки, которые Ленин сделал к книге «Экономика переходного периода» Бухарина.

На утверждение Бухарина, что «крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией», Ленин замечает: «неверно: с «средне-слабых» (разрядка Ленина). Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло» (Ленинский сборник XI стр. 397).

В непосредственной связи с этим авторы ставят вопрос о «возможности организации социалистического производства в одной стране», в которой ухищряются пройти мимо дискуссии с троцкизмом, мимо XVI с'езда партии, мимо всех тех новых данных, которые дает практика социалистического строительства, демонстрируя этим еще лишний раз свое «стремление отобразить актуальные задачи».

У авторов имеется непозволительное смешение классовой борьбы в классовом обществе с борьбой за существование в животном и растительном мире. Более того. Борьба за существование кладется ими в основу общественного развития, об'является движущей причиной общества, рассматривается как причина социальной революции; борьба за существование, по мнению авторов,—вечная категория, обязательная для всех общественных формаций. Она не прекратится и в будущем коммунистическом обществе, а изменит лишь свою форму...

Вот что они пишут:

«Корень социальной революции, следовательно, мы находим опять-таки в том же процессе производства материальной теории, в том же процессе борьбы за существование, с которыми мы все время сталкивались. И через теорию классовой борьбы учение о революции связывается с общим законом живой природы, с законом борьбы за существование. Маркс считал теорию борьбы за существование Дарвина «естественно-научной опорой исторической классовой борьбы». Перестанет ли действовать по отношению к человеку этот закон борьбы за существование с мо-

мента прекращения классовой борьбы, с момента возникновения планомерно-организованного коммунистического общества? Нет, не перестанет. Он только меняет свое содержание. Если до возникновения коммунистического общества (т.-е. во всех класовых обществах.— Г. О.) закон борьбы за существование по отношению к человеку выявлялся как в форме борьбы между человеком и человеком (! — Г. О.), то с момента возникновения коммунистического общества борьба за существование останется только как борьба между человеческим обществом и природой» (стр. 243).

В этой цитате нагромождена такая путаница, так перепутаны и извращены основные марксистско-ленинские положения, что вместо четкого уяснения проблем у слушателей в голове несомненно создается каша. В самом деле, что следует из этой цитаты?

1) закон борьбы за существование об'является основным и вечным законом для всех без исключения общественных формаций;

2) закон борьбы за существование представлен, как «корень социальной революции»;

3) между борьбой за существование и материальным общественным производством ставится безоговорочно знак равенства, т.-е. отождествляются совершенно различные критерии;

4) классовая борьба в классовом обществе отождествляется с борьбой за существование, и благодаря этому классовая борьба характеризуется неверно, как борьба человека с человеком.

Существует ли более яркий образец невообразимой путаницы и теоретической беспомощности, чем тот, который выказывают в этой цитате авторы? И это выдается за марксизм, и по этой путанице должны учиться марксизму-ленинизму рабочие кадры! Вместо разоблачения буржуазной теории о борьбе за существование в классовом обществе, а в другой для обоснования невозможности равенства, т.-е. коммунизма, в марксистском учебнике ведется проповедь этой контрреволюционной в наших условиях теории. Как можно это квалифицировать? Хуже всего то, что эта контрреволюционная теория приписывается самому Марксу. Но что писал Маркс? Маркс писал, что дарвинская теория борьбы за существование может служить «естественно-научной опорой исторической классовой борьбы», но никакого намека на отождествление этих различных категорий у Маркса, разумеется, и быть не может. Разве авторам не известно письмо Маркса к Кугельману от 27 июня 1870 г., в котором он подвергает уничтожающей критике Ланге, пытавшегося всю историю человечества подвести под один общий закон борьбы за существование? Разве им не известно, что Маркс называет такое подведение убедительным методом «для напыщенного, притворяющегося научным, высокопарного невежества и лености мысли» (Письма Маркса Кугельману, ГИЗ, 1928 г., стр. 89)?

Разве им не известна борьба Ленина против Богданова, который наклеивал биологические ярлыки на социальные явления? «Нет ничего легче,— писал Ленин,— как наклеить «энергетический» или «биолого-социалистический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п. Но нет ничего и бесплоднее, схоластичнее, метрвее, чем это занятие» (Ленин, Соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 268). И вот этим бесплодным, схоластическим, мертвым занятием занимаются авторы популярного учебника десятилетие спустя после работ Ленина, после борьбы с механистами. Перенесение биологических понятий на социальные Ленин называл пустой фразой. «С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестанет быть фразой» (там же, стр. 269). Авторы молчат об этом, вместо того, чтобы популяризировать взгляды Маркса, Энгельса, Ленина.

Непонятнее всего то, что на стр. 123 сами авторы заявляют о невозможности перенесения этого закона на человеческое общество и приводят выдержку из диалектики природы Энгельса, что «совершенное ребячество подводить все многообразие

гообразие исторического развития и усложнения жизни под одну одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать, или и того меньше» (стр. 44). «Но примем на минуту этот лозунг борьбы за существование. Животное в лучшем случае доходит до собирания средств существования, человек же производит их; он производит также средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает прямо недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество... Уже понимание истории, как ряда классовых битв, гораздо содержательнее и глубже чем простое сведение к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование» (Диалектика природы, стр. 45).

Но тут же авторы снова утверждают о вечности закона борьбы за существование в применении к обществу! Разберись тут в популярном учебнике! Одно из двух: или авторы абсолютно не способны понять то, что ясно и недвусмысленно пишет Энгельс, или они сознательно извращают Энгельса своими комментариями, имея по этому вопросу свой собственный взгляд. Остается все же предположить последнее, ибо высказываний Энгельса нельзя не понять.

За второе предположение говорит еще и то, что приведенная и разобранная нами цитата не является отдельной, случайной обмолвкой. Нет. Это лишь момент общей концепции авторов учебника. На стр. 236 они снова кладут в основу всего общественного развития и развития отдельных надстроечных форм и базиса борьбу за существование. Говоря о том, что нельзя отрицать обратного влияния надстроек на базис, они пишут: «А отсюда немаловажные выводы: первый—«проблема базиса и надстроек» не может быть разрешена без признания связи между тем, что мы называем базисом и надстройками, с одной стороны, и тем процессом борьбы людей за существование, который присущ всему живому в природе и который определяет в конечном итоге как развитие базиса, так и развитие надстроек» (разрядка наша.—Г. О.). Буквально что ни предложение, то путаница, что ни слово, то извращение марксизма.

На стр. 237 снова повторяется смешение общественного материального производства с процессом борьбы за существование, а борьба за существование рассматривается как основа зарождения, происхождения и развития культуры.

Вывод. Рекомендовать учебник для совпартшкол в настоящем виде ни в коем случае нельзя, так как по ряду вопросов, как мы показали, имеется очень много путаницы, неверностей и политических ошибок, и так как он представляет собой одно из звеньев работ меньшевиствующего идеализма. Миллионы рабочих должны учиться по действительно марксистско-ленинскому учебнику.

Г. Обичкин.

М. Левин. «Вейсман» (Большая Советская Энциклопедия, т. IX).

Достаточно вспомнить и воспроизвести все горячие споры в биологии на тему «О неодарвинизме и ламаркизме», достаточно вспомнить о «триумфальном шествии» наших генетиков во главе с тов. Левитом, Серебровским, Левиным и др., представителями меньшевиствующего идеализма, достаточно вспомнить, до каких геркулесовых столпов глупости, антимарксизма и политических ошибок они докатились на современном этапе социалистического строительства, гипертрофировав генетику, сделав ее чуть ли не всеобщим методом познания и во всяком случае «продолжением марксистского метода в биологии», чтобы отнестись с достаточной серьезностью к методологической и политической оценке статьи т. Левина о Вейсмане (БСЭ, т. IX).

Рассмотрим сначала биографию Вейсмана. Такую биографию о нем мог написать любой буржуазный профессор. Она составлена без социально-экономи-

ческой и политической характеристики того периода в истории, в который мы имеем появление на естественно-научном горизонте Вейсмана. Тов. Левин уделил, например, внимание даже болезни глаз Вейсмана, но не удосужился дать характеристику второй половине XIX века, кризису в естествознании, его причинам, социально-экономическим и политическим корням его, проливающим свет на появление реакционной идеологии у естествоиспытателей, и на непосредственную связь ее с неодарвинизмом-вейсманизмом. Тов. Левин, как достаточно грамотный и ученый биолог, мог бы очень многое сказать о Пирсоне, Шальмейере, Пеннете и др. естествоиспытателях, от которых ведет прямая дорога к Кольцову, Серебровскому, Левиту и т. п. Мог бы вспомнить о Вирхове, Геккеле и всех прочих современниках Вейсмана и вскрыть, как подобает марксисту-большевику, сущность их реакционной идеологии.

Вместо того, чтобы дать им соответствующую характеристику, тов. Левин ограничивается, например, лишь следующим замечанием о Геккеле, «Вейсман — пропагандист, теоретик и классик дарвинизма в противоположность Геккелю, который был скорее его агитатором, популяризатором и даже, до некоторой степени, романтиком».

Тов. Левин забыл гениальные строки Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» по этому поводу. Если бы тов. Левин не отмахивался от вопросов социально-экономического и политического порядка, он привел бы слова Геккеля, написанные им в 1878 г. по поводу Дарвина.

«Дарвинизм, — писал он, — все что угодно, но только не социалистичен. Если этой английской теории возможно приписать какую-нибудь политическую тенденцию, а это действительно возможно, то только аристократическую, но ни в коем случае не демократическую и уже в особенности не социалистическую. Теория подбора учит нас, что в человеческой жизни совершенно так же, как и в жизни животных или растений, лишь ничтожное привиллегированное меньшинство способно в каждый данный момент и в каждом данном месте поддерживать свое существование и процветать. Огромная же масса должна голодать и более или менее преждевременно погибнуть в нищете и т. д. Вот об этом «трагикомизме» Геккеля, о котором хорошо говорит Ленин, вскрывая социально-экономическую и политическую сущность вопроса и положения, заставившего материалиста Геккеля в эпоху исключительного закона против социалистов «пропагандировать» дарвинизм для поддержки законодательства графа Бисмарка, тов. Левин ничего не сказал, а ограничился указанием, что Геккель является, видите-ли, «романтиком дарвинизма».

Тов. Левин, повидимому, совершенно забыл, что Геккель был одним из первых естествоиспытателей, откликнувшихся на реакционнейший призыв Вирхова, который в 1877 г. на 50-ом С'езде немецких естествоиспытателей громко возвестил об опасности, идущей со стороны дарвинизма. Описав в самых мрачных красках все ужасы, связанные с победой социализма, Вирхов, как известно, обратился к аудитории с восклицанием: «Надеюсь, от Вас не скроется то обстоятельство, что социализм соприкасается с этой теорией (дарвинизмом). Вот что Вы обязаны уяснить себе!».

Так говорил Вирхов, великолепно понимавший, что дарвинизм подрывает корни и основу телеологии, что наиболее отчетливо изложено в письме Маркса к Лассалю.

Никому не следует забывать этого при характеристике неодарвинизма-вейсманизма. Нужно было воскресить в голове эпоху реакции, последовавшую за подавлением революции и революционных движений 1848 г. в главных странах Европы; нужно было вспомнить, что это был период сильного промышленного под'ема и небывалого размаха капитализма, расширение мирового рынка

и мировой торговли; нужно было одновременно не забывать, что этот период есть период роста и консолидации революционных сил рабочего класса, эпоха I интернационала. И если бы т. Левин помнил, что в 1871 г. была Парижская Коммуна, то ему должно было быть понятным, что «призрак коммунизма», о котором писал Маркс в «Коммунистическом манифесте», заставлял буржуазию предпринимать ряд решительных «профилактических» мероприятий в определенном отношении. Только исходя из этих социально-экономических и политических посылок и может быть понятен весь тот сложный переплет, в который попало естествознание во вторую половину XIX века и которое после временного увлечения вульгарным материализмом Бюхнера, Фохта и Молешотта направилось по идеалистическому пути, несмотря на то, что почва для восприятия методологии диалектического материализма была в известной мере подготовлена и последний стихийно, но все же прорывался в целом ряде отраслей естествознания.

У Энгельса, Маркса и Ленина по этому поводу есть гениальные страницы, о которых забыли современные неодарвинисты — меньшевиствующие идеалисты вместе с тов. Левиным. Вот эта основная ошибка тов. Левина неизбежно рождает целый ряд последующих:

а) «Неодарвинизм Вейсмана, видите ли, представляет собой дальнейшее развитие дарвинистской теории отбора».

б) «Вейсман, оказывается, впервые дал самую точную формулировку вопросов о так наз. передаче по наследству приобретенных признаков». И, наконец, самое главное это то, что положения Вейсмана «получили блестящее подтверждение» и что «приходится удивляться дальновидности знаменитого зоолога-дарвиниста».

Но мало этого. Левин идет еще дальше: «Вейсман,—говорит он,—является последовательным материалистом и противником всякого витализма» и тут же указывает, что он, т.-е. Вейсман «относил религию в область необ'яснимого, неподдающегося нашему исследованию». Как все это вместе увязывается в голове тов. Левина, совершенно непонятно.

Судя по всему, тов. Левин в основном разделяет гипотезу Вейсмана о «зародышевой плазме», модернизированную современными генетиками в систему «хромосомного комплекса» и превращенного Левитом и Серебровским в суть «гегелевщины», в «движение движения» и «самодвижение». Он не видит здесь никакой механистичности, витализма, автогенеза, ничего общего не имеющего с материалистической диалектикой. И это вполне понятно, ибо тов. Левин вместе с Левитом, Серебровским и друг. меньшевиствующими идеалистами обвинили Энгельса, который, как известно, в данном вопросе занимает иную позицию, в ламаркизме и заявили, что Энгельс-де, мол, «весь процесс эволюции представляет себе как чисто физиологический процесс».

Тов. Левин все это повторил на философской дискуссии в Комакадемии, заявив, что взгляды Энгельса в этом отношении давным давно «устарели», а Левит в своей статье, написанной к XVI партс'езду в журнале «ПЗМ», просто указал, что «все это отодвигает нас далеко назад в догенетическую эру».

По Левиту, все естествознание, вся методология в области биологии делится на два периода — генетический, т.-е. современный, и догенетический, т.-е. архаический. Энгельс жил в этот последний период и поэтому его позиция является «устаревшей».

Тов. Левин и Левит забывают, что Энгельс ведь был основоположником марксизма и что его «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг» являются для каждого марксиста настольными книгами в вопросах методологии естествознания. По этим книгам будет учиться еще не одно поколение марксистов-естественников. Так вульгаризировать Энгельса, дойти до такого упрощенства его философских положений по данному вопросу могут только люди, у которых мозги окончательно свихнулись набекрень. На работе Энгельса «О роли труда в очеловечении

обезьяны» обнаружили благодаря непониманию существа материалистической диалектики, диалектики так называемой проблемы «внутреннего и внешнего» всю свою несостоятельность как современные ламаркисты, так и неодарвинисты. Первые, т. е. ламаркисты, на словах приняли все положения Энгельса и тут же противопоставили их современным достижениям биологии, допустив конкретно-научную и методологическую ошибку; вторые, как уже отмечалось выше, вообще заявили, что все положения Энгельса по данному вопросу являются устаревшими. Они вульгарно упростили и довели до абсурда совершенно правильно развиваемое Энгельсом положение о том, что в человеческом обществе ведущей закономерностью является социальная закономерность-труд.

Достаточно вспомнить, как Энгельс обрушился на метафизическую и формальную постановку опытов Пастера, отрицавшего теорию возникновения живой материи из неживой, опытов, исключающих всякий историзм и развитие, чтобы решительно опровергнуть то упрощенство и вульгаризацию, которые приписываются Энгельсу. Дело ведь не в этой избитой и истасканной неодарвинистами «адэкватности» и «неадэкватности». Это понятно каждому грамотному марксисту. Ведь не кто иной, как Энгельс, дал нам основы понятия закономерностей—от механической до социальной включительно. Поэтому, хотя Энгельс и не был еще «умудрен» опытом и «академическими знаниями» современных генетиков, но он же методологически понимал закономерности организма несомненно глубже современных генетиков. Как известно, Энгельс сам писал в «Анти-Дюринге»: «И сама теория развития еще очень молода и поэтому нет сомнения, что дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению теперешних, в том числе строго дарвинистских представлений о ходе развития видов». Однако, говоря это, он от философской, диалектической постановки вопроса в данной области не отказался и не думал ревизовать свои положения.

Таким образом мне кажется, что некритическое антимарксистское усвоение генетики нашими неодарвинистами-вейсманистами привело их фактически к автогенезу, к автономизированию хромосомного комплекса, к метафизическому разрыву всей цепи закономерностей—от механической до социальной включительно, к непониманию проблемы внутреннего и внешнего их развития и взаимопроникновения.

Мало этого, тов. Левин совершенно забыл слова Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» о «вчерашнем физиологическом и сегодняшнем физическом идеализме».

Прочтите, тов. Левин, Маха, его «Анализ ощущений», где он, обосновывая «единство Я» и развивая в связи с этим теорию «непрерывности», не раз ссылается в своих выводах на... Вейсмана, говоря, что последний в своих исследованиях пришел доподлинно к тому, что и он. Ваш «автономизированный» хромозомный комплекс, вся ваша «автономная», «самодвижущаяся» система, оторванная от воздействия среды, ваша суть «гегелевщины», — в общем вся ваша реакционная болтовня открыто льет воду на мельницу махизма, смыкаясь с ним в целом ряде положений!

Вот если мы с этой точки зрения подойдем к статье тов. Левина о Вейсмане, то Вейсман должен, мне кажется, предстать перед нами в несколько ином свете, чем его изображает тов. Левин, хотя ряд крупных научных заслуг Вейсмана вообще никто отрицать не собирается. Точно так же более отчетливо и рельефно предстанут перед нами фигуры современных неодарвинистов-вейсманистов Серебровского, Левита и др. механиствующих идеалистов, питающихся еще до сих пор отравленными соками реакционнейшей идеологии естествоиспытателей периода кризиса естествознания XIX века.

В. Кл[illegible]

А. П. Пинкевич. Основы методики естествознания. Изд. «Работник просвещения» 1930 г. Тираж 30.000. Изд. 9-е

Перед нами странная книга. Тема — боевая для советской школы. В книге речь идет «вообще об основах методики естествознания, а не только об одном каком-либо курсе школьного естествознания». Книга должна быть настольной в руках тысяч работников-естественников всех видов нашей советской школы. Автор книги — коммунист. Между тем книга ничего общего с большевистской партийностью в науке не имеет. Книгу можно рекомендовать для всех тт., нуждающихся в иллюстрациях при изучении глав об эклектике.

А. П. Пинкевич чувствует, что нельзя ничего не сказать о марксизме, но куда эту непонятную для него вещь деть, не знает. До 5-го издания (1924 г.) он обходился без этого. Но дальше стало невозможным такое положение, и он принужден в предисловии писать: «Изменение самого назначения книги позволило мне коснуться многих вопросов, которые раньше мною не рассматривались. Так, я счел возможным в методологической части затронуть большую тему о взаимоотношении естествознания и марксизма; в связи с вопросом о лабораторном методе, я касаюсь «Дальтон-плана»; расширяю главу об экскурсиях»... и т. д. Как же автор «затронул» эту тему? Эту назойливую, непонятную, чуждую для него вещь — марксизм — он устроил чрезвычайно оригинально. После того, как он разобрал вопрос о воспитании, образовании, разрешил такие проблемы, как классификация естественных наук, выяснил понятие «естественно-научного метода», после того, как он уже выполнил роль методиста, преподнеся наглядные уроки пользования беконовским и миллевским индуктивными методами, после того, как разобрал роль гипотез, проблему закона природы, выяснил понятие причины, после того, как он привел с удовольствием ряд выдержек из Маха, — после этого он вспоминает о марксизме и вводит главу: «Естествознание и марксизм» для того, чтобы через несколько страниц снова позабыть на протяжении всей книги про это и преподносить читателю охвостья самых разнообразных буржуазных направлений.

До этой главы автор дал читателю об'яснение того, что называется «естественно-научным методом». Он пишет: «Это путь для познания чего-либо». «Это метод естествоиспытателя, при помощи которого он создает теории или утверждает законы». «В наше понятие естественно-научного метода войдут и индукция («проверка»), и дедукция («применение», «предсказание»), и анализ (наблюдение, немыслимое без предварительного анализа), и во многих случаях «классификация», и синтез, и многое др. Все эти методы «второго порядка» в нашем словоупотреблении являются «подчиненными нашему «естественно-научному методу», под которым понимаем совокупность всех приемов и методов, направленных к исследованию и об'яснению явлений и фактов природы». (Разрядка автора).

Не входя в обсуждение определения «естественно-научного метода» по существу, важно лишь отметить, что Пинкевич, как и все эмпирики-естественники, утверждает понятие «естественно-научного метода» действительно как метода, как методологии естествознания, трактуя при этом этот метод, как обычный ограниченный индуктивный метод. У одних естественников он преподносится, как лощеный. способный подкупить кого-либо «строгостью мысли», преклонением перед «опытом» и т. д. метод; Пинкевич же его преподносит неуклюже даже по сравнению с любым буржуазным ученым.

Как же быть Пинкевичу? Обычный естественно-научный метод обоснован, надобности в какой-то иной методологии естествознания нет. Но... марксизм? Пинкевич начинает выбираться из положения.

«14. Естествознание и марксизм. Ознакомив читателя с главнейшими основами элементарной естественно-научной методологии, мы считаем необходимым остановиться на взаимоотношении естествознания и мар-

ксизма». (стр. 42). «Что общего у материалистической диалектики с методами естествознания?», — спрашивает Пинкевич. И отвечает: «Прежде всего идея постоянного движения, вечной смены форм» (стр. 47). «Диалектика типична для истинного естествознания». «Во всяком случае можно совершенно определенно сказать, что для современного естествознания «все течет» Гераклита и принцип вечного изменения являются совершенно очевидными истинами» (стр. 48).

«И еще роднит метод естествознания и метод диалектический то, что и тот ни другой не связаны никакими абсолютами, никакими авторитетами: ниспровергаются многовековые истины, если они не выдерживают испытания. И тот и другой революционны по существу своему. Путь развития естествознания усеян трупами поверженных врагов и своих собственных кумиров» (стр. 52).

Что на это скажешь?.. Молчим.

Чтобы уже окончательно отожествить метод буржуазного естествознания и марксизма и окончательно обезоружить своих противников, Пинкевич патетически восклицает: «А сама схема диалектического развития? Находит ли она себе место в методологии естествознания?» «Самый исследовательский процесс естествоиспытателя протекает также диалектически. При отыскании какого-либо закона современный экспериментатор начинает с наблюдения (тезис), но этого наблюдения, как такового, недостаточно, оно отрицается, ставится эксперимент в новых условиях, искусственно подобранных. Результат — синтез того и другого: закон или теория, полученные и на основании наблюдения и на основании эксперимента».

Указав, что Маркс и Энгельс внимательно следили за современным естествознанием, Пинкевич пишет: «Конечно, вполне естественно предположить, что естественно-научная методология не могла не находиться в самой тесной связи с основными идеями марксизма. Выше мы указали, что близость эта больше всего в методах, а это приводит нас к выяснению того, что же такое диалектический метод». И далее он дает нечто невероятное. Как может изложить суть материалистической диалектики человек, который доказывает, что «в науках преобладает изучение не отдельных предметов, а их абстрактных свойств» (стр. 19, разрядка моя. — Б. Т.)? Как может изложить суть материалистической диалектики человек, одновременно с восторгом цитирующий Маха и Бекона, Клод-Бернара и проф. Введенского и т. д.?..

«И другие требования трудовой школы — активизм, коллективизм, материализм, диалектичность, синтетичность, — находят в школьном естествознании опору». Читатель видит, каковы знания нашего эклектика и понимает, какие уроки материалистической диалектики может дать книга

Особенно беспомощен и невежественен автор, когда дело касается определенных конкретных проблем естествознания. Здесь уже, конечно, автор и не пытается пристегнуть как-либо «марксизм». Как разрешает Пинкевич проблему классификации естественных наук? Он пишет: «Все отрасли естествознания можно разбить на две группы: науки, изучающие общие свойства тел, и науки, изучающие свойства частные, т.-е. присущие только данной группе явлений или предметов. Первая группа носит название общего естествознания, и к ней принадлежат механика, физика, химия. Вторая называется частным естествознанием и к ней относятся агрономия, минералогия, биология, ботаника и зоология. Эти последние науки всецело зависят от наук общего естествознания». Дальше говорится, что, например, «явления дыхания, кровообращения, питания и т. п., изучаемые в физиологии (как науке частного естествознания. — Б. Т.), могут быть поняты только на основании физики и химии. Наоборот, физика и химия нисколько не зависят от физиологии».

Каково же дальнейшее подразделение наук? «В науках частного естествознания можно различать две стороны — морфологическую и динамическую. [...]

морфологией понимается изучение формы и строения (внешнего и внутреннего) различных тел, под динамикой — изучение движений, которые или привели к образованию данного тела, или поддерживают его существование».

Чего же можно требовать от автора? Что для него энгельсовское понимание взаимной обусловленности формы и функции? Разве может Пинкевич понять, что форма и строение различных тел — также нечто «динамическое» и т. д.? Затем Пинкевич дает следующую «марксистскую» классификацию наук:

I. ОБЩЕЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

1) Механика — наука о движении тел.

2) Физика — наука о физических явлениях, т. е. о таких явлениях, при которых не происходит изменения состава вещества.

3) Химия — наука о химических явлениях, т. е. о таких, при которых происходят изменения состава вещества.

II ЧАСТНОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Науки	Морфологические отделы	Динамические отделы
Астрономия.	Физическая астрономия.	Небесная механика
Науки о земной коре.	Минералогия.	Геология.
	Ботаника: морфология, анатомия и систематика растений.	
Биологические науки.	Зоология: анатомия, гистология, эмбриология (учение о развитии зародыша) животных.	Физиология растений. —
	Палеонтология — учение об ископаемых как животных, так и растительных.	Физиология животных.

Вот уж когда действительно верно, что «комментариев не требуется»!

Как разрешает коммунист Пинкевич такой политический вопрос, как задачи воспитания, образования?

«Под воспитанием мы понимаем планомерное и длительное (прямое или косвенное) воздействие воспитателя (или воспитателей) на человека с целью развития прирожденных свойств последнего. Под образованием — такое же содействие развитию последовательного и стройного мировоззрения и овладению необходимыми для жизни знаниями» (стр. 65).

Так ли должен говорить коммунист, автор методического руководства, о задачах воспитания рабочего и крестьянина в советской школе?

Все это преподносится под флагом материалистической диалектики, под флагом марксизма. И вот эклектики, подобные Пинкевичу, представители буржуазного по существу миросозерцания, в замаскированной, «советской» форме предостерегают людей от возможного искажения марксизма.

Послушайте: «Необходимо в заключение предостеречь читателей данной книги от ряда работ, в которых и «единство противоположностей» и другие понятия диалектики понимаются вульгарно материалистически, механически. Так, например, выдвигаются «теории равновесия», говорится о «борьбе противоположностей», а не о их единстве и т. п.».

Каким образом такая книга, представляющая смесь Маха, Бекона, Милля, «марксизма», невежественной отсебятины Пинкевича, могла быть издана 9-м изданием? И каким образом она могла быть написана советским педагогом?

Кто-либо из товарищей, занятых советской педагогикой, должен вскрыть для показа подрастающей научной пролетарской молодежи классовую сущность такого рода творчества, должен обнажить классовую сущность такого рода эклектизма мелких буржуа в профессорских мундирах.

По какому пути пошел наш автор? Если он имеет искреннее желание изжить буржуазные взгляды, воинственно проповедывавшиеся им в первых двух дореволюционных изданиях этой же книги, где мы находим всякое мракобесие, вплоть до оправдания закона божия, если действительно у него есть желание понять марксизм-ленинизм, — он должен выковать оружие революционного метода, активно участвуя в борьбе пролетариата, тщательно изучая марксизм-ленинизм. А Пинкевич? Пользуясь тем, что пролетарская научная молодежь именно на фронте педагогики росла по ряду причин медленнее, чем в других областях, пользуясь долготерпением советского читателя-педагога, он из года в год «исправляет» свою книгу, выкидывает места о законе божием, вставляет цитаты, «марксистские» фразы и выдает это за большевистский документ. Если бы Пинкевич понимал все безобразие этого, он должен был бы вместо 9-го переиздания книги написать хотя бы короткую статью с указанием буржуазной сущности прежней своей работы, и тогда он принес бы некоторую пользу советской педагогике. Но он идет по другому пути. Он «подчищает» этот «труд». И получается, что книга, одобренная царским министерством, теперь издается советским издательством. По этим книгам можно научиться техническим, так сказать, приемам приспособленчества, эклектизма. Нужно было бы прямо привести все изменения, какие автор делает в ходе 9 изданий. Возьмем два примера.

1-й пример

2-е издание книги	9-е издание.
Петроград, 1917 год, стран. 8 ...«Каждую науку характеризуют ей присущие сущие методы. Так, можно говорить об особом математическом, историческом, географическом, естественно-научном и др. методах.	Москва, 1930 год, стран. 13 (отмечено разрядкой то, что добавлено). ...«Каждую науку характеризуют ей присущие частные методы исследования».

Пинкевич делает это для того, чтобы показать себя в книге «марксистом» и для того, чтобы не звучал совсем дико следующий, не связанный с остальным содержанием, механический привесок: «Мы начнем с частных методов; однако здесь же отметим, что общим методом (общей методологией) естествознания является материалистическая диалектика (см. ниже)».

Отметим от себя: что было «ниже», мы уже писали: «ниже» было об'яснение особого «естественно-научного метода», который заменяет собой марксизм.

Другой пример.

2-е издание книги.	9-е издание.
Петроград, 1913 год, 48—49 страницы «Знакомясь с грандиозной картиной мироздания, где земле, а вместе с ней и человеку, отведено такое незначительное место, человек становится строже к самому себе, переставая считать себя центром миротворения»...	Москва, 1930 год, 77—78 стр. (Все места, соответствующие ст... книге, выпущены; вместо них ... приведенное здесь). «Отсюда, кстати сказать, вытекает педагогический вывод — не довольствоваться при изучении естествознания

...Вполне понятны слова Ломоносова: «Природа и вера суть две сестры родные» и «испытание природы трудно, однако полезно, свято».

«Известный химик Бертело так говорит о нравственном влиянии изучения естествознания: «Привычка рассуждать о вещах, непоколебимое уважение к истине и необходимость постоянно преклоняться перед неизбежными законами вещей сообщают уму неизгладимый отпечаток. Они приучают его уважать общественные законы наравне с законами природы, уважать и признавать чужие права, как форму собственного права и своей личной независимости».

Закон божий, родной язык, история, отчасти география — носят общее название предметов гуманитарных. Все они изучают проявление человеческого духа. В законе божием — основание религии...» и т. д. (стр. 65).

школе убеждениям, что оно, так сказать, «самотеком» приводит к материалистическому и атеистическому мировоззрению».

(Что верно, то верно! — **Б. Т.**).

«Ведь несомненно то, что религиозность масс держится различными суевериями, разрушаемыми естествознанием».

Такова эта книга. Так понимает автор задачи советского ученого и большевистскую партийность в науке. Сопоставление со старым, дореволюционным изданием мы сделали не для того, чтобы доказать невозможность переделки миросозерцания ученого. Дело это трудное, но ясно, что длительным активным участием в борьбе рабочего класса и коммунистической партии ученый может, наконец, осознать свое буржуазное прошлое и постепенно овладеть диалектико-материалистическим методом. Только для этого нужно заниматься не «марксистской» подчисткой вредных книг...

Б. Токин.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕ

THE UNIVERSITY OF TEXAS AUSTIN.
DEPARTAMENT OF ZOOLOGY

May 8, 1931

To the editor's,
„Under the Flag of Marxism".
Moscow, Russia.

Dear Comrades:

My attention has been called to an article in your journal, by P. Se-rebrovsky, in which he refers to my work on the artificial product- of mutations by X-rays as evidence for a mechano-Lamarckian co- ception of evolution, evidence which the opponents of Lamarckism ha- purposely kept in the background. I regret that I am not familiar wi- the controversy which has recently been carried on in Russia concern- such questions of theoretical biology and philosophy, but I wish to st- that, so far as my own work and that of my associates is concern- I can see in it no whit of support for Lamarckism, in fact quite the re- verse. In view of this I should be obliged if you would publish the pr- sent letter, in which I shall attempt to set forth in summary form m- views on this subject.

Evidence or proof of the influence of environic factors in the pr- duction of mutations is not equivalent to evidence or proof of Lamarckism. The latter doctrine has far more specific implications. On the Lamarckian conception it is implied that a change should first take place in th- somatic tissue, and that it is this somatic change which in turn resul- somehow in a change in the germ plasm; furthermore, that this chang- in the germ plasm should be of just such a nature as to cause th- individual of the following generation to develop the same sort of soma- peculiarity as, in the previous generation, had induced the change in th- germ plasm. In other words, the final effect (the variant soma of th- offspring) should literally m i r r o r its cause (the change in the soma of the parent).

X-radiation of high frequency such as we used in our work on the artificial production of mutations, gives not the slightest hint of su- results. In the first place, the radiation, in changing the germ cells, a- directly upon them and not by first causing somatic changes that th- affect the germ cells. As I reported in 1927, mature spermatozoa wh- have already been discharged from their parent male body, and are pr- sent in the receptacles of the female, can have mutations induced i- them by X-rays very readily, as readily as spermatozoa still in the ma- and, as shown by Harris and by Hanson, more readily than immatu- germ cells — spermatogonia — which are in closer organic connection w- the parental soma. As the work of my colleague, Dr. Patterson, sho- the X-raying of larval stages results in the production of visible mu- tions in the somatic tissue of the treated individual, by direct action

the X-rays on the soma. Some of these changes are in the genes of the somatic cells, others, which I too have obtained, seem to be purely „developmental" (i. e. non-genic). But none of these numerous induced somatic changes are accompanied or followed by corresponding changes in the germ plasm; they are decidedly not inherited. While there is no evidence for it at present, it is not inconceivable that some kinds of bodily upsets might, secondarily, tend to induce mutations in the germ plasm, but there is no reason to believe that these hypothetical mutations would tend to repeat (mirror) the somatic changes which caused them.

The last point can be better appreciated by consideration of the nature of the somatic variations brought about by the X-ray mutations. They are of varied kinds, and what mutation a given germ cell will have is quite unpredictable, though of course the rang of original possibilities is limited (not at all narrowly) by the structure which the germ plasm (the genes) has to begin with, and so, to some extent, the variations tend to repeat themselves, It is not the nature of the outer agent which specifies the nature of the individual mutation. Neither is the latter in any way determined by the need of the organism. The great majority of the X-ray mutations are, in fact, detrimental, even to the point of being lethal, as we should expect accidentally produced changes to be. This is because the organism is a highly complicated organization, the life of which depends upon all parts working with one another accurately, in an adaptive fashion, and likewise interacting adaptively with the factors of the environment. Obviously, changes made at random, as by chance electron hits, in such a complicated organization, would far more often be damaging to its ultimate function — the furthering of life — that helpful, although, as a matter of chance, beneficial changes would occasionally occur also. In respect to being thus predominantly detrimental, as well as in other respects, the X-ray mutations resemble the mutations which occur „spontaneously," without treatment. It is therefore to be inferred that the „spontaneous" or „natural" mutations are, like those produced by X-rays, accidental in character. As I see it, accidental changes of this kind are not really causeless, indeterminate, but are dependent upon the minutiae of countless events (in this case, submicroscopic, invisible events) which, for purposes of prediction, lend themselves only to a statistical treatment. For evolution to result from such random, mostly detrimental changes, natutal selection is necessary. Thus we perforce return to Darwinism, or, as some would put it, „Neo-Darwinism".

As to the facts concerning the production of mutations by X-rays having been kept in the background, or not mentioned, by so-called „neo-Darwinians", I think it only fair to them to say that, for the above reasons, these facts could not properly be considered as opposed to their point of view. As a matter of fact, I am acquainted with numerous articles, by workers of this group, which not only recognize the previous results obtained in this field, but which have made important further contributions based on this experimental procedure, and such work seems to be proceeding actively in their laboratories at the present time. It appears to me as though it is rather the Lamarckians than the Darwinians who are disregarding the facts and the implications of such work.

I wish to use this occasion, at a time when attacks on the Soviet Union by its enemies are increasing, to greet through your journal the heroes, including among them the scientific workers, who are building there a new life, and wholeheartedly to wish them an even greater measure of success than that which they have already attained, in their

writing of the most memorable, the most brilliant page in the history of mankind.

With comradely greetings.

H. G. Muller.

P. S. For your convenience, I have had a translation of this letter made here locally. This I enclose herewith. I visited Russia in 1922 and attained some slight familiarity with the Russian language. I have gone over the translation and believe that it gives an adequate rendering of my meaning.

H. G. M.

Дорогие товарищи!

Мое внимание было обращено на статью П. Серебровского в вашем журнале, в которой он об'являет мою работу по искусственному получению мутаций при помощи Х-лучей свидетельством правильности механо-ламаркистской концепции эволюции, свидетельством, которое противники ламаркизма умышленно якобы замалчивают. Я подробно не знаком, к сожалению, с дискуссией по философским и теоретико-биологическим вопросам, происходившей в СССР, но я считаю своим долгом сказать, что поскольку это относится к моей работе и работе моих сотоварищей в этом направлении, я в них не вижу не только никакого свидетельства в пользу ламаркизма, но наоборот — полное их опровержение. Исходя из этого, я был бы вам чрезвычайно обязан, если бы вы поместили настоящее письмо, в котором я пытаюсь в самой сжатой форме изложить свою точку зрения на этот вопрос.

Утверждения и доказательства того, что окружающие факторы вызывают мутации, резко отличаются от того, что говорят и пытаются доказать ламаркисты. Последние говорят о более специфических вещах. Из ламаркистской концепции следует, что соматические изменения вызывают ... образом изменения в зародышевой плазме и больше того, что эти изменения должны быть точно такой же природы, чтобы быть в состоянии произвести потомство с теми же изменениями, которые под влиянием среды получили родители и которые изменили якобы их зародышевое вещество. Другими словами, конечный результат (соматические изменения детей) должен, образно выражаясь, зеркально отражать свою причину (соматические изменения родителей).

Радиация высокой частоты, которую мы применяем в своей работе по искусственному получению мутаций, не дает ни малейшего намека на ... ные результаты. Прежде всего, радиация, изменяя половые клетки, действует непосредственно на них, а не через посредство соматических клеток. Как я показал еще в 1927 году, зрелые сперматозоиды, которые уже вышли из родительского отцовского тела и находились в приемниках самок, могут мутировать под влиянием Х-лучей так же легко, как и сперматозоиды в рентгенизуемом самце и, как показали Гаррис и Гансон, гораздо легче, чем ... клетки—сперматогонии, которые находятся в более близком ... отношении к родительской соме. Как показывает работа моего коллеги ... терсона, рентгенизация личинок может произвести изменения в соматической ткани развивающихся из этих личинок индивидуумов при непосредственном воздействии Х-лучей на сому. Некоторые из этих изменений являются следствием изменения соответствующих генов в соматических клетках, ... которые я также получал, имеют своим основанием «механику развития»

а не гены. Но ни одно из многочисленных полученных соматических изменений не сопровождается соответствующим изменением в зародышевой плазме: эти соматические изменения положительно ненаследственны. Хотя в настоящее время у нас нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о влиянии соматических изменений на зародышевую плазму, тем не менее не невероятно, что некоторого рода телесные повреждения могут вторично вызвать мутации в зародышевой плазме, но никаких оснований нет для веры, что эти гипотетические мутации будут иметь тенденцию повторять вызвавшие их соматические изменения.

Последнее утверждение может быть лучше оценено при рассмотрении природы полученных при рентгенизации соматических изменений. Они бывают различного рода, и совершенно невозможно предсказать, какую мутацию даст та или другая зародышевая клетка, хотя первоначальные широкие возможности последних ограничены до известной степени их структурой (генами), что приводит к некоторому повторению этих мутаций. Природа индивидуальной мутации не специфицируется природой внешнего агента и ни в коем случае не определяется потребностью организма. Огромное большинство полученных при рентгенизации мутаций вредны и даже летальны (смертельны), как и следует ожидать при случайном возникновении изменений. Ибо организм представляет собою чрезвычайно сложную систему, жизнь которой зависит от точности работы ее частей и органов, находящихся, с одной стороны, в тесной приспособительной связи друг с другом, с другой — во взаимодействующем приспособлении с факторами окружающей обстановки. Очевидно, случайно произведенные изменения в такой сложной системе, какой является живой организм, будут гораздо чаще вредны для жизни, чем полезны, хотя в результате случайности и полезные признаки будут также возникать. В этом, как и в других отношениях, искусственно полученные при помощи Х-лучей мутации ничем не отличаются от «спонтанных», «естественных» мутаций. Из этого следует, что мутации, возникающие в естественных условиях, так же случайны по своему характеру, как и мутации, произведенные Х-лучами. Само собою разумеется, что эти случайные изменения не являются беспричинными, индетерминированными, а зависят от деталей множества событий (в данном случае субмикроскопических, невидимых событий) и для целей предвидения могут быть обнаружены только статистически. Чтобы из этих случайных изменений возникла эволюция, необходим естественный отбор. Таким образом мы приходим к дарвинизму или «неодарвинизму», как некоторые называют эту концепцию.

Что касается разговоров о том, что дарвинисты отодвигают на задний план или замалчивают факты искусственного получения мутаций при помощи Х-лучей, то я считаю подобные разговоры простым недоразумением, ибо эти факты не только не противоречат современному дарвинизму, но подтверждают его. В заключение считаю своим долгом указать, что я знаком со значительным количеством работ, сделанных исследователями дарвиновского направления, в которых эти исследователи не только признают первоначальные, только что упомянутые экспериментальные факты, но сами сделали важные дальнейшие исследования, основанные на этом экспериментальном методе, и что подобная работа до настоящего времени успешно и активно проводится в их лабораториях. Мне кажется, что именно ламаркисты, а не дарвинисты, пренебрегают факты и значение подобной работы.

Воспользуюсь случаем, чтобы через посредство вашего журнала в момент усилившейся атаки на Советский союз со стороны его врагов приветствовать героев, строителей новой жизни, в том числе и научных работников, и от всего сердца пожелать им еще больших успехов, чем те, которых они

уже достигли, вписывая самую славную, самую героическую страницу в историю человечества.

С товарищеским приветом Г. И. МЕЛЛЕР.

H. G. MULLER.

От редакции. Помещая письмо проф. Меллера, редакция отмечает, что автор письма прав в том отношении, что его опыты [illegible] говорят в пользу механо-ламаркизма. К сожалению, автор письма [illegible] ознакомился с итогами дискуссии на философском и естественно-научном фронте и не выявил своего отношения к тем высказываниям, которые [illegible] в процессе дискуссии по вопросам генетики. Редакция считает, что в [illegible]них словах данного письма, в приветствии научных работников Советского союза и «героев, строителей новой жизни» звучит, несомненно, голос [illegible]лее передовой и лучшей части научных работников современной Америки.

ОПЕЧАТКИ

в № 10 — 12 за 1930 г.:

На стр. 361 в «Резолюции о положении на естественнонаучном фронте» напечатано: «Наряду с примиренчеством к враждебной пролетариату идеологии в теориях современных естествоиспытателей среди группы [illegible]ственников имеет место система ошибок механистического и идеалистического порядка (Гессен и т. д.). Старое естественнонаучное руководство не вело [illegible]следовательной и непримиримой борьбы на два фронта: как с механицизмом, так и исконным врагом диалектического материализма-идеализмом. Не [illegible]лась также в сколько нибудь достаточном об'еме антирелигиозная пропаганда».

Следует читать: «Наряду с примиренчеством к враждебной [illegible] идеологии в теориях современных естествоиспытателей среди группы [illegible]ственников-марксистов имеет место ревизия марксизма-ленинизма с одной стороны по линии механицизма, а с другой по линии меньшевиствующего идеализма (Гессен и т. д.). Старое естественнонаучное руководство не [illegible] последовательной и непримиримой борьбы на два фронта: как с механицизмом, являющимся главной опасностью, так и с меньшевиствующим идеализмом.

Вместе с тем не велась также в сколько нибудь достаточном об'еме борьба с идеализмом вообще, как исконным врагом диалектического материализма, так и поповской формой этого идеализма—религиозными [illegible] рассудками по линии антирелигиозной работы».

Уполномоченный Главлита № В – 1833

Тираж [illegible]

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

Условия осеннего приема 1931 г.

в Институт Красной Профессуры Философии

при Комакадемии

1. Институт красной профессуры философии в 1931/32 г. функционирует составе следующих отделений:

а) Историко-философское отделение с секторами: 1) общей истории философии, 2) современной философии.

б) Отделение диамата с секторами: 1) диалектика капитала, империализма переходного периода, 2) истории науки, техники и естествознания, 3) диалектики стратегии и тактики ВКП(б), Коминтерна.

в) Отделение истмата с секторами: 1) ревизионизма и современных буржуазных и социологических учений, 2) идеологии, 3) антирелигиозным, 4) по проблем империализма и переходного периода.

2. Основной задачей ИКП философии является подготовка следующих категорий работников: старш. науч. сотр. Комакадемии, н/исслед. ин-тов им. Ленина, Маркса и Энгельса, по истории философии, диамату, руководителей кафедр и преподавателей по философским дисциплинам в ИКП, комвузах, вузах, рук. работников краевых, областных ОВМД и СВБ, рук. партийных работников.

3. В ИКП принимаются члены ВКП(б) не менее чем с 8-летним стажем (для рабочих установлен 6—7-летний стаж) и подготовкой в об'еме комвуза, преимущественно тт., имеющие опыт руководящей парт., сов. и хоз. работы (рук. раб. парткомов, директоров совхозов, рук. раб. колхозной системы и т. п.), активные участники гражданской войны, рабочие и колхозники, обладающие большим производственным опытом и инициативой, активно участвующие в соцсоревновании и ударничестве.

4. Товарищи, командируемые в ИКП философии, должны представить (Москва, Крапоткинская, 10) не позднее 15 июня сего года:

1) Рекомендацию командирующей партийной организации (не ниже обкома, райкома ВКП(б);

2) Заявление, с указанием отделения, на которое тов. хочет поступить;

3) Краткую биографию;

4) Засвидетельствованную справку о партстаже и о соц. положении;

5) Подробную характеристику, утвержденную райкомом;

6) Копию воинского документа;

7) Заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья;

8) Свой адрес;

9) Печатные работы (если последние имеются).

5. Заявления подаются в институт и рассматриваются мандатной комиссией ЦК ВКП(б). В случае удовлетворительного решения вопроса институт допускает кандидата к проверке его знаний в об'еме, требуемом программой для поступающих в институт.

6. Проверка знаний поступающих происходит в проверочно-подготовительных семинарах по: 1) истории новой философии; 2) диалектическому и историческому материализму; 3) теоретической экономии; 4) ленинизму; 5) истории [illegible].

7. С целью предоставления возможности работать в этих семинарах, товарищи, утвержденные мандатной комиссией, получают отпуск на 2½ месяца, начиная с 15/VI (с сохранением получаемого содержания). На время работы в семинаре тт. предоставляется общежитие.

8. Тт., не имеющие по каким-либо причинам возможности работать в проверочных семинарах (или запоздавшие больше, чем на одно занятие), подвергаются устному коллоквиуму (между 4/VIII и 1/IX) по указанным в § 5 дисциплинам.

Минимум литературы, требуемой при поступлении в институт, опубликован в «Бюллетене заочного-консультационного отделения ИКП» в № 3 за 1931 г. в журнале «Под знаменем марксизма», № 1—2 за 1931 г., с добавлением журнала «Под знаменем марксизма», № 10—12 за 1930 г., сб. «За поворот на философском фронте» и «Вестника Комакадемии» №№ 40—41, 42.

ДИРЕКЦИЯ.